

2022  
N 4 (62)

**ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА**  
**LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE**  
**YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA**

16+

Научно-практический журнал.  
Учрежден Тюменским институтом повышения  
квалификации сотрудников МВД России.  
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established  
by Tyumen Advanced Training Institute of the  
Ministry of the Interior of the Russian Federation.  
Published since 2006. Issued quarterly

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

**EDITORIAL BOARD**

**Председатель**

**Chairman**

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,  
кандидат технических наук, доцент,  
заслуженный работник высшей школы  
Российской Федерации,  
Тюменский институт повышения  
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,  
Candidate of Technical Sciences, Associate  
Professor, Honoured worker of higher education  
of the Russian Federation, Tyumen Advanced  
Training Institute of the Ministry of the Interior  
of the Russian Federation

**Главный редактор**

**Chief Editor**

ВАНЮШИН Я.Л.,  
кандидат юридических наук, доцент,  
Тюменский институт повышения  
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,  
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,  
Tyumen Advanced Training Institute  
of the Ministry of the Interior  
of the Russian Federation

**Ответственный редактор**

**Executive Editor**

ЧЕРНОВА С.С.,  
кандидат юридических наук,  
Тюменский институт повышения  
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,  
Candidate of Legal Sciences,  
Tyumen Advanced Training Institute  
of the Ministry of the Interior  
of the Russian Federation

**Члены редакционной коллегии:**

**Members of the editorial board:**

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry  
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,  
доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный деятель науки  
Российской Федерации,  
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
Honoured worker of science  
of the Russian Federation,  
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry  
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,  
доктор юридических наук, доцент,  
Сибирский федеральный университет

BEZRUKOV A.V.,  
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,  
Siberian Federal University

ГАНАИМ Х.,  
LLD, профессор,  
Хайфский университет,  
Израиль

GHANAYIM Kh.,  
LLD, Professor, University of Haifa  
(Israel)

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В.,  
доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный юрист Российской Федерации,  
Уполномоченный по защите прав  
предпринимателей в Омской области

GERASIMENKO Yu.V.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
Honoured Lawyer of the Russian Federation,  
Commissioner for the Protection of the Rights  
of Entrepreneurs in the Omsk region

ГРЕЧКИНА О.В.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Российская академия народного хозяйства  
и государственной службы при Президенте  
Российской Федерации

GRECHKINA O.V.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
The Russian Presidential Academy of National  
Economy and Public Administration

ГРИШКО А.Я.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Рязанский государственный  
университет им. С.А. Есенина

GRISHKO A.Ya.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
Ryazan State University named for S. Yesenin

ИЛЬЯШЕНКО А.Н.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Кубанский государственный университет

IL'YASHENKO A.N.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
Kuban State University

КОЗАЧЕНКО И.Я.,  
доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный деятель науки  
Российской Федерации,  
Уральский государственный  
юридический университет им. В.Ф. Яковлева

KOZACHENKO I.Ya.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
Honoured worker of science  
of the Russian Federation,  
Ural State Law University

КОМИССАРОВА Е.Г.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Пермский государственный национальный  
исследовательский университет

KOMISSAROVA E.G.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
Perm State National Research University

ЛИПИНСКИЙ Д.А.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Тольяттинский государственный университет

LIPINSKIY D.A.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
Togliatti State University

МАЙОРОВ В.И.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Тюменский институт повышения  
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
Tyumen Advanced Training Institute  
of the Ministry of the Interior  
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,  
доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный деятель науки  
Российской Федерации,  
Поволжский институт (филиал)  
Всероссийского государственного  
университета юстиции (РПА Минюста России)  
в г. Саратове

MAL'KO A.V.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
Honoured worker of science  
of the Russian Federation,  
Volga Region Institute (branch) of the All-Russian  
State University of Justice (Russian Law Academy  
of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov

СЕРГЕЕВ А.Б.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Тюменский институт повышения  
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
Tyumen Advanced Training Institute  
of the Ministry of the Interior  
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Санкт-Петербургский юридический  
институт (филиал)  
Университета прокуратуры  
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
St. Petersburg Law Institute (Branch)  
of the University of Prosecutor's Office  
of the Russian Federation

ШРУБ М.П.,  
кандидат юридических наук, доцент,  
Институт повышения квалификации  
и переподготовки Следственного комитета  
Республики Беларусь

SHRUB M.P.,  
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,  
Advanced training and retraining Institute  
of the Investigating Committee of the Republic  
of Belarus (Belarus)

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,  
доктор юридических наук, профессор,  
Санкт-Петербургский  
университет МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,  
Doctor of Legal Sciences, Professor,  
St. Petersburg University of the Ministry  
of the Interior of the Russian Federation

**Ответственность за содержание  
материалов несут авторы статей.**

**Мнение редакции журнала может  
не совпадать с точкой зрения  
авторов публикаций.**

**Партнеры:**  
Международная ассоциация содействия правосудию;  
Российская криминологическая ассоциация

**Partners:**  
International Union of Assistance to Justice;  
Russian Association for Criminology

**Адрес редакции, издателя и типографии:**  
625049, г. Тюмень, Тюменская область,  
ул. Амурская, 75.

**Address of the Editorial Board, Publisher  
and Printing House:** Amurskaya str. 75, Tyumen,  
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; [naukatui@mail.ru](mailto:naukatui@mail.ru)

**ISSN 1998-6963**

**Подписной индекс в Объединенном каталоге  
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редактор Е.В. Карнаухова.

Технический редактор Е.К. Булатова.

Перевод на английский язык: М.И. Лыскова, Ю.А. Никонова.

Подписано в печать 26.12.2022. Дата выхода в свет 28.12.2022

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 13,3. Уч.-изд. л. 12,5.

Тираж 300 экз. Заказ N 113. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2022.



## СОДЕРЖАНИЕ

## CONTENTS

### Раздел 1. Юридическая конституциология

МЕЩЕРЯКОВ А.Н. Формирование конституционно-правовой модели единой системы публичной власти в решениях Конституционного Суда Российской Федерации

6

### Section 1. Legal Constitutionology

MESHCHERYAKOV A.N. Creating the constitutional and legal model of the unified system of public power in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

### Раздел 2. Административное право и деликтология

ДЕНИСЕНКО В.В., МАЙОРОВ В.И. Возвращаясь к вопросу об общественной опасности административных правонарушений в области дорожного движения

16

### Section 2. Administrative law and delictology

DENISENKO V.V., MAYOROV V.I. Returning to the issue of public danger of the administrative offences in the sphere of road traffic

ВАНЮШИНА И.Н. Нарушение присяги сотрудниками органов внутренних дел как основание дисциплинарной ответственности

25

VANYUSHINA I.N. Violation of the oath by law enforcement officers as the grounds for disciplinary liability

ДЕНИСЕНКО С.Г. Органы внутренних дел (полиция) и их должностные лица в системе субъектов квалификации административных правонарушений

32

DENISENKO S.G. Internal affairs bodies (police) and their officials in the system of subjects of administrative offenses' qualification

### Раздел 3. Уголовно-процессуальное обозрение

МИШИН В.В. Проблемы обоснованности и мотивированности решений о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон

39

### Section 3. Criminal procedural review

MISHIN V.V. Problems of validity and motivation of the decisions concerning the termination of a criminal case due to the reconciliation of the parties

### Раздел 4. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

СОБОЛЕВСКАЯ С.И. Отдельные вопросы работы с криминалистическими учетами как элемент процесса расследования преступлений (на примере учета следов подошв обуви)

48

### Section 4. Criminalistic provision of law enforcement activities

SOBOLEVSKAYA S.I. Some issues of working with forensic database as an element of the crime investigation process (on the example of recording traces of shoe soles)

### Раздел 5. Совершенствование правоохранительной практики

ЯДЖИН Н.В. Улики поведения и учет связанных с ними закономерностей в профессиональной деятельности следователя

58

### Section 5. Improving law enforcement practice

YADZHIN N.V. Evidence of behavior and accounting for related regularities in the professional activities of investigators

**Раздел 6. Проблемы юридической науки  
и правоохранительной практики:  
взгляд молодых исследователей**

ЛУПЕНКОВ А.В. Особенности административного выдворения за пределы Российской Федерации несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства

66

ШАКЛЕИН С.Н. Влияние психологических и социологических аспектов на применение административных наказаний

75

ГОГЛЕВА К.Ю. К вопросу о систематизации принципов процессуальной деятельности органов судебного конституционного контроля

84

**Раздел 7. Обзоры, рецензии, критика**

БЛАЖЕВИЧ Н.В. Рецензия на научную статью «О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки»

92

ЧЕРНОВА С.С. Рецензия на монографию О.С. Кайгородовой «Криминалистическая методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними»

101

**Раздел 8. Спецтема:  
Противодействие преступности  
в новых геополитических реалиях**

ГАЙКИН М.С. Актуальные вопросы обеспечения производства взрывотехнических судебных экспертиз и отдельных следственных действий с участием эксперта-взрывотехника

105

**Section 6. The problems of legal  
science and law enforcement  
practice: young researchers' view**

LUPENKOV A.V. Peculiarities of administrative expulsion of minor foreign citizens and stateless persons from the Russian Federation

SHAKLEIN S.N. Considering psychological and sociological aspects when imposing and applying administrative penalties

GOGLEVA K.Yu. On the issue of systematizing the principles of the procedural activities of the constitutional supervision bodies

**Section 7. Reviews, critiques**

BLAZHEVICH N.V. Review of the scientific article "On the philosophical and legal pretensions of the criminal procedure theory to the general theoretical and methodological basis of the scientific specialty 5.1.4 – Criminal law sciences"

CHERNOVA S.S. Review of O.S. Kaigorodova's monograph "Criminalistic methods of investigating crimes committed by minors"

**Section 8. Special topic: Combating  
crime in new geopolitical realities**

GAIKIN M.S. Topical issues of ensuring the conduction of the explosive forensic examinations and individual investigative actions with the participation of an explosives expert

## Раздел 1. Юридическая конституциология

Научная специальность: 5.1.2

### Формирование конституционно-правовой модели единой системы публичной власти в решениях Конституционного Суда Российской Федерации

**Александр Николаевич Мещеряков,**

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, 12.00.02@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9676-2816>

**Аннотация.** В статье рассматривается современная модель единой системы публичной власти через призму ее формирования в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Выдвигается предположение о том, что появление в практике высшего органа конституционного контроля интегративной по отношению к органам государственной власти и органам местного самоуправления конструкции публичной власти было вызвано заложенным в Конституции Российской Федерации противоречием между ними. Любые прямые способы взаимодействия между органами государственной власти и органами местного самоуправления ставят под сомнение конституционную независимость последних, тогда как объединение их в рамках единой системы публичной власти образует теоретически сбалансированную модель совместной деятельности. Аргументируется тезис о том, что современная конституционно-правовая модель единой системы публичной власти, закрепленная поправкой к Конституции Российской Федерации 2020 года, основывается на выработанных с 1997 года Конституционным Судом Российской Федерации правовых позициях и принципах. Описывается тенденция дальнейшего конституционно-правового развития Российского государства в русле концепции единой системы публичной власти, частным проявлением которой рассматривается создание принципиально нового вида органов власти – органов публичной власти федеральной территории.

**Ключевые слова:** публичная власть, государственная власть, муниципальная власть, органы власти, правовые позиции, Конституционный Суд, конституционная реформа

*Для цитирования:* Мещеряков А.Н. Формирование конституционно-правовой модели единой системы публичной власти в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4 (62). С. 6-15.

### Creating the constitutional and legal model of the unified system of public power in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

**Aleksandr N. Meshcheryakov,**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, 12.00.02@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9676-2816>

**Abstract.** The modern model of the unified system of public power is considered through the prism of its creation in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is suggested that emerging of the public power construction, being integrative regarding the state authorities and local governments, in the practice of the supreme authority of constitutional control was caused by the contradiction between them, predefined in the Constitution of the Russian Federation. It is noted that any direct ways of interaction between public authorities and local governments call into question their constitutional independence, while their unification within the framework of a single system of public power forms a theoretically balanced model of their joint activity. The thesis that the modern constitutional and legal model of the unified system of public power, vested by the amendment to the Constitution of the Russian Federation in 2020, is based on the legal positions and principles framed by the Constitutional Court of the Russian Federation in 1997, is substantiated. The tendency of the further

constitutional and legal development of our country is described within the concept of the unified system of public power. The creation of a fundamentally new type of authorities – public authorities of the federal territory, is considered as a particular trend of this concept.

**Keywords:** public power, state power, municipal power, authorities, legal positions, Constitutional Court, constitutional reform

*For citation:* Meshcheryakov A.N. Creating the constitutional and legal model of the unified system of public power in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 4 (62). P. 6-15.

## Введение

Одним из важнейших направлений конституционной реформы 2020 года, инициированной Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»\* (далее – Закон о поправке 2020 г.), стала конституционализация публичной власти и ее единой системы, то есть закрепление в тексте Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) соответствующих положений и их развитие в законодательстве.

Идеи о публичной власти, ее организации, единой системе для отечественного конституционного права не являются принципиально новыми. Ранее они находили отражение в отдельных работах представителей академической науки. Начиная с 1997 года эти положения последовательно развиваются в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), образуя настолько целостную модель публичной власти, что внесение в Конституцию РФ соответствующих изменений воспринимается как нормативное закрепление известных правовых позиций высшего органа конституционного контроля. Но достоверность этого предположения можно установить только в процессе исследования.

Важность изучения данных вопросов предопределена и тем обстоятельством, что при внесении в Конституцию РФ положений о публичной власти и ее единой системе, как представляется, был нарушен присущий романо-германской правовой системе принцип «от общего к частному». В конституционный текст были включены лишь от-

дельные указания на публичную власть и ее единую систему, тогда как базовое понятие единой системы публичной власти и основные принципы ее организации урегулированы федеральным законом. Такая особенность правовой регламентации затрудняет понимание общего замысла относительно единой системы публичной власти. При этом системный анализ решений Конституционного Суда РФ, в которых рассматривались исследуемые вопросы, несомненно, будет способствовать выявлению подлинного конституционно-правового смысла новых положений законодательства.

Таким образом, для комплексного понимания новой конституционно-правовой модели единой системы публичной власти, ее соответствия ранее выработанным в практике высшего органа конституционного контроля принципам исследование его правовых позиций по вопросам организации публичной власти представляет научный интерес.

## 1. «Открытие»\*\* [1, с. 15] Конституционным Судом Российской Федерации конституционных основ публичной власти

Следует отметить, что в отечественной юридической науке особый интерес к публичной власти, ее понятию, формам, системе не возникал, хотя на разных исторических этапах эти вопросы затрагивались. В дореволюционной государственной науке доминировала теория государственной власти. Между ней и властью публичной особого различия не делалось, поскольку, согласно Л. Дюги, возникая в государстве, публичная власть

\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 11. Ст. 1416.

\*\* Конституционный Суд как орган, обладающий властью осуществлять конституционное правосудие, посредством интерпретации норм Конституции выясняет («находит», «открывает») их подлинный смысл ко времени.

становилась государственной [2, с. 183-184]. При этом он сам и многие другие исследователи не отрицали возможности существования иной, не государственной, публичной власти. В частности, следует назвать Ф.Ф. Кокошкина, о котором изучавшей его работы Н.А. Филипповой отмечено: «для него публичная власть могла быть как государственной, так и негосударственной (публичная власть автономных областей и местная власть)» [3, с. 11]. В качестве примера можно также привести А.И. Васильчикова, последовательно отстаивавшего идею местного самоуправления как власти, реализуемой населением непосредственно [см. об этом: 4, с. 74].

В советской юридической науке понятие публичной власти практически не использовалось, а если и содержалось в работах, то также преимущественно отождествлялось с властью государственной [5, с. 46-47]. При этом не исключалось и более широкое ее понимание. В частности, Л.А. Григорян наряду с государственной властью как особой формой публичной власти выделяет еще и публичную власть в полном смысле, как власть общественную, иначе говоря, общественное самоуправление. По его убеждению, общественное самоуправление вместе с государственной властью составляет в целом власть народа — социалистическое народовластие [6, с. 85, 88].

Отсутствие в дореволюционном и советском исторических периодах особого интереса к проблемам публичной власти, высокий уровень теоретизации соответствующих изысканий во многом объясняются тем фактом, что в законодательстве и правоприменительной практике иного, кроме государственной, вида власти не признавалось. В связи с этим любые исследования публичной власти имели высокий уровень абстракций.

Да, разработчики Конституции РФ 1993 года, следуя сложившимся традициям, предусмотрели только одну организационную форму представительной власти — власть государственную. Вместе с тем ст. 3 новой конституции указывала на то, что власть многонационального народа может осуществляться не только органами государственной власти, но и органами местного самоуправления, а ст. 12, при-

знав самостоятельность органов местного самоуправления, давала основания для выделения еще одной, наряду с государственной, организационной формы представительной власти.

В начале постсоветского этапа конституционно-правового развития в силу давних традиций доминирования государственной власти местное самоуправление рассматривалось как разновидность общественной самодеятельности. К слову, этому способствовал и первый российский закон о местном самоуправлении: «система организации деятельности граждан для самостоятельного (под свою ответственность) решения вопросов местного значения...»\*. Все это формировало почву для выдвигания тезисов о безвластности самоуправления [5, с. 38].

И лишь со временем стало приходиться осознание, что это самостоятельный, не встроенный в систему государственной власти вид власти, и положения ч. 3 ст. 5 Конституции РФ о единстве системы государственной власти к местному самоуправлению не применимы. Органы местного самоуправления — это органы, наделенные властью, но властью не государственной. При этом формально-юридически они организационно обособлены от органов государственной власти и им не подчинены. Эти положения имплицитно следуют из ч. 2 ст. 3, ст. 12 Конституции РФ.

Таким образом, на одной территории одновременно существуют две организационно независимые системы органов, наделенных властью, — органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Но ведь власть — это возможность подчинять своей воле, и значит, наличие на одной территории двух субъектов, обладающих властью, без сомнения, приводит к столкновению интересов. Неизбежность возникновения подобной проблемы была еще полтора века назад описана А.И. Васильчиковым: «администрация и земство, действуя на одном и том же поприще, вращаясь постоянно в одном и том

\* О местном самоуправлении в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 6 июля 1991 г. N 1550-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. N 29. Ст. 1010.

же круге дел, не могут избегать столкновений и пререканий...». При этом он видел ее решение лишь в том, что «взаимные отношения между администрацией и местным учреждением», «предметы ведомства и пределы власти местного самоуправления, все эти главные черты должны быть проведены ясно и одним твердым почерком через все положения, уставы, временные правила и основные законы» [7, с. 7, 12].

Итак, избежать коллизий в осуществлении властных функций между органами государственной власти и органами местного самоуправления возможно лишь при наличии строго установленных правил. Ясное указание на основы такого разграничения содержится в постановлении Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. N 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года "О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике"»\*. Они могут быть выражены двумя основными тезисами:

1) государственная власть и местное самоуправление, которое осуществляется органами, не входящими в систему органов государственной власти, являются способами осуществления на конкретной территории власти;

2) эта власть именуется публичной властью;

3) в основе разделения между указанными органами власти лежит не территория, а компетенция (предметы ведения).

Так, в 1997 году в официальный конституционно-правовой оборот было впервые введено понятие публичной власти.

Ценность рассматриваемого постановления заключается в том, что оно закрепило три базовых для дальнейшего формирования системы публичной власти принципа:

1) органы местного самоуправления — это органы власти;

2) власть органов местного самоуправления имеет ту же природу, что и власть органов государства (это два самостоятельных уровня публичной власти);

3) отсутствие коллизий в осуществлении указанными органами публичной

власти обеспечивается благодаря установленной законом компетенции (предметам ведения).

Эти сформулированные высшим органом конституционного контроля принципы стали основой формирования новой теории организации публичной власти и впоследствии выступили концептуальным фундаментом для основания ее современной конституционно-правовой модели.

Таким образом, основной проблемой, решение которой потребовало последовательной разработки организационной модели публичной власти и ее единой системы, стало естественное противоречие между двумя независимыми организационными формами власти — имманентной государству — государственной, осуществляемой его органами, и получившей конституционную самостоятельность власти, осуществляемой органами местного самоуправления, с устоявшимся в конституционной судебной практике и конституционно-правовой науке наименованием «власть муниципальная».

Использованный Конституционным Судом РФ интегративный подход позволил исключить неизбежное столкновение между двумя независимыми системами власти за счет создания надстройки в виде власти публичной. Такое «изящное» решение помогло не только избежать дальнейших противоречий в осуществлении властных полномочий, но и создать полноценную модель организации публичной власти, ставшей одной из фундаментальных основ российской государственности.

Официальный, обязательный характер такой конструкции публичной власти и основам организации ее системы был придан особыми свойствами правовых позиций Конституционного Суда РФ, которые, с одной стороны, являются выводами и аргументами, выявленными в ходе рассмотрения конкретных дел и имеющими общий характер, с другой — обогащают теорию конституционализма и служат неоценимым вкладом в развитие правовой системы страны [8, с. 15-17].

## **2. Построение организационной модели публичной власти в практике Конституционного Суда Российской Федерации**

Как было отмечено, постановлением Конституционного Суда РФ от 24 января

\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 5. Ст. 708.

1997 г. N 1-П в конституционно-правовом пространстве сформированы основы системы публичной власти в виде ставшей уже привычной формулы: «государственная власть + муниципальная власть = публичная власть» [9, с. 66]. Эти положения развивались в его дальнейшей практике, последовательно обретая черты полноценной конституционно-правовой модели. Параллельно в конституционно-правовой науке развивалась созвучная этой модели комплексная теория публичной власти.

Правовая позиция о том, что органы местного самоуправления – это органы власти, была конкретизирована в постановлении Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. N 3-П\* в следующих тезисах: «публичная власть может быть и муниципальной», «местная публичная власть решает вопросы местного значения», «публичная власть на местах осуществляет функции самоуправления». Эти положения завершили формирование позиции о местной (муниципальной) публичной власти, осуществляющей функции местного самоуправления по решению вопросов местного значения, в общей теории публичной власти.

Если обратиться к общему понятию самоуправления, то это «внутреннее, своими собственными силами управление делами в какой-нибудь организации, коллективе» [10, с. 695]. При этом любое управление предполагает подчинение, и именно власть дает эту возможность подчинять своей воле.

Так, в ст. 3 Европейской хартии местного самоуправления\*\* под местным самоуправлением в первую очередь понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, и только во вто-

рую – непосредственные формы местного самоуправления (собрания граждан, референдум, иные формы прямого участия граждан).

Такая констатация властной природы местного самоуправления, ее отражение в правовых позициях высшего органа конституционного контроля для преодоления инерции предыдущего опыта советского государственного строительства имеет крайне важное значение. Как отмечает А.Н. Дементьев, традиционно в СССР и России самоуправление связывалось с общественной самодеятельностью населения и не предполагало наличие властных полномочий, которыми могли обладать только государственные органы [5, с. 38]. Накопленный исторический опыт породил заблуждение о безвластности самоуправления, которое было опровергнуто выше-названными решениями Конституционного Суда РФ, окончательно признавшими органы местного самоуправления субъектами публичной власти.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 10 июня 1998 г. N 17-П\*\*\* высший орган конституционного правосудия оперирует понятием «различные уровни публичной власти», вводя их уровневую классификацию. Также в нем содержится указание на то, что органы государственной власти и местного самоуправления осуществляют публичную власть от имени народа. Эта правовая позиция имеет важное значение, поскольку она, развивая положения ст. 3 Конституции РФ, определяет осуществляемую через органы государственной власти и органы местного самоуправления власть многонационального народа России как публичную.

Интеграция этих положений с предыдущими правовыми позициями Конституционного Суда РФ позволяет вывести следующие умозаключения:

\* По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 янв. 1998 г. N 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 4. Ст. 532.

\*\* Европейская хартия местного самоуправления (Страсбург, 15 окт. 1985 г.) // Там же. N 36. Ст. 4466.

\*\*\* По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 4, подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 13, пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 58 Федерального закона от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июня 1998 г. N 17-П // Там же. N 25. Ст. 3002.

1) власть, которая реализуется в деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, является властью публичной;

2) публичная власть осуществляется от имени народа;

3) государственные органы и органы местного самоуправления являются органами публичной власти различных уровней.

Положение о наличии нескольких уровней публичной власти было развито в постановлении Конституционного Суда РФ от 25 июня 2001 г. N 9-П\*: «соответствующий орган публичной власти», «органы публичной власти соответствующих уровней». В постановлении Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2002 г. N 7-П\*\* наряду с указанием на наличие муниципальной публичной власти, положениями о государственном и муниципальном уровнях публичной власти содержится новый тезис о местном самоуправлении как публичной власти, наиболее тесно связанной с населением.

Использование применительно к публичной власти понятия «уровень» означает не ступени в иерархической системе власти, что могло бы свидетельствовать о подчиненном характере по отношению к государственной муниципальной публичной власти, а степень ее близости к населению, связь с ним. Иными словами, клас-

\* По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 27 сентября 2000 года N 1709 «О мерах по совершенствованию управления государственным пенсионным обеспечением в Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2001 г. N 9-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 27. Ст. 2804.

\*\* По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 апр. 2002 г. N 7-П // Там же. 2002. N 14. Ст. 1374.

сификация публичной власти на уровни в некоторой степени основывается на территориальном принципе.

Хотя такой тезис отчасти противоречит ранее выработанным в практике Конституционного Суда РФ положениям о том, что в основе разделения между органами государственной власти и органами местного самоуправления лежит не территория, а компетенция, в данном случае территорией, а именно ее размерами, подчеркивается близость органов местного самоуправления к населению.

Указание на муниципальную власть как на «нижестоящий уровень публичной власти»\*\*\* не означает ее подчиненную роль, а лишь указывает на более приближенный к народу характер. Это фактически выражается в сравнительно меньшем размере территории, на которую распространяется власть конкретно взятых органов местного самоуправления, что естественным образом обеспечивает их большую доступность.

Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, отмечая, что «органы местного самоуправления по своей природе являются нижним, локальным звеном публичной власти в Российской Федерации» [11, с. 1], подчеркивает недопустимость их противопоставления органам государственной власти.

В последующих решениях Конституционного Суда РФ появляются положения о принципах организации и функциони-

\*\*\* По жалобам граждан Бабковой Зои Михайловны, Бойковой Светланы Ивановны и других на нарушение их конституционных прав частью 1 статьи 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года N 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2007 г. N 129-О-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. N 4.

рования публичной власти в Российской Федерации; ее конституционных функций; обязанностях; позитивной конституционной ответственности, в частности, за финансовое обеспечение выполнения публичных функций; о государственных органах и органах местного самоуправления как носителях публичной власти; о координации деятельности органов публичной власти; полномочиях органов публичной власти и их нормативных правовых актах.

Все эти сформированные в практике Конституционного Суда РФ положения в совокупности создают полноценную модель публичной власти, которую органично завершает выраженный в форме правовой позиции принцип единства всей системы публичной власти\*.

Выработанная в практике Конституционного Суда РФ модель организации публичной власти была широко поддержана профессиональным научным сообществом. Уже в 1999 году А.А. Юговым проведено первое монографическое исследование правовых проблем организации публичной власти [12], в котором обосновано ее деление на государственную и муниципальную. С.А. Авакьян в своих работах обращает внимание на единство сущности публичной власти, проистекающее из ст.ст. 1, 3, 10, 11, 12 Конституции РФ, и объективные условия для наличия разных организационных форм ее осуществления [13, с. 8]. А.Т. Карасев подчеркивает, что государственная и муниципальная власть имеют единый источник власти, являясь формами осуществления народовластия [14, с. 9-10]. А.В. Безруков, определяя муниципальную власть, указывает, что она реализуется в особой форме — посредством осуществления местного самоуправления,

а также на конкретной территории — в пределах муниципальных образований [15, с. 24-27]. Е.П. Забелина рассматривает способы осуществления муниципальной власти — использование нормативно установленных форм непосредственной муниципальной демократии и деятельность органов местного самоуправления, а также цель — решение вопросов местного значения [4, с. 75].

Все эти, а также многие другие работы, не названные ввиду ограниченности объема статьи, не только развивают положения Конституции РФ, правовые позиции Конституционного Суда РФ, раскрывая заложенный в них глубинный смысл, но и в своей совокупности формируют основы принципиально новой для отечественной науки конституционного права доктрины публичной власти.

#### **Заключение**

Проведенный анализ показывает, что за период с 1997 по 2020 год в практике Конституционного Суда РФ была сформирована полноценная модель организации публичной власти, единодушно принятая научным сообществом. Основные параметры и главный формат этой модели — «единая система публичной власти» были окончательно оформлены в заключении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. N 1-З\*\* в следующих положениях:

1. Категория «единая система публичной власти» основывается на понятиях «государственность» и «государство», а принцип единой системы публичной власти имплицитно следует из совокупности конституционных положений общего характера.

\* По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 дек. 2012 г. N 32-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 53 (ч. III). Ст. 8062.

\*\* О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. N 1-3 // Там же. 2020. N 12. Ст. 1855.

2. Функциональное предназначение публичной власти заключается в согласованном действии ее различных уровней как единого целого во благо граждан.

3. Органы, входящие в единую систему публичной власти, рассматриваются как общая институциональная система, предназначенная для реализации публичных функций и задач в тесной взаимосвязи федеральных, региональных и муниципальных органов власти.

4. Под единством системы публичной власти понимается прежде всего функциональное единство государственных органов и органов местного самоуправления при решении задач на соответствующей территории, что также не исключает возможность организационного взаимодействия.

Законом о поправке 2020 г. в Конституцию РФ был внесен ряд норм, закрепляющих основные положения относительно публичной власти и ее единой системы, в частности, об организации публичной власти (п. «г» ст. 71), о единой системе публичной власти (ч. 2 ст. 80, ч. 3 ст. 132), согласованном функционировании и взаимодействии органов публичной власти (п. «е5» ст. 83 Конституции РФ).

В результате конституционной регламентации указанных положений выработанная в практике Конституционного Суда РФ модель единой системы публичной власти становится конституционно-правовой, то есть основанной на положениях Конституции РФ и законодательства. Ее дальнейшее развитие происходит не только на основании правовых позиций высшего органа конституционного контроля, но и в рамках законодательства.

В развитие конституционных положений в ст. 2 принятого 8 декабря 2020 г. Федерального закона N 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»<sup>\*</sup> установлена нормативная дефиниция единой системы публичной власти. Под ней понимается совокупность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов и органов местного самоуправления.

Согласно нормативному определению простая совокупность перечисленных органов власти указанную систему не образует. Обязательным условием их объединения в единую систему публичной власти является совместная деятельность по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, созданию условий для социально-экономического развития государства, основанная на принципах согласованного функционирования, организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия.

С точки зрения системного анализа слово «осуществляющие» в нормативном определении единой системы публичной власти характеризует ее не как статическую модель – простую совокупность органов власти (модель состояния), а как динамическую – совокупность органов власти, взаимодействующих при реализации власти публично-властных функций (модель процесса).

Это меняет привычную формулу «органы публичной власти = федеральные органы государственной власти + органы государственной власти субъектов РФ + органы местного самоуправления», дополняя ее новым слагаемым «иные государственные органы» и переводя из статического в динамическое состояние, детерминированное принципом единства функциональных основ единой системы публичной власти. Иными словами, модель проявляется только при совместном осуществлении указанными органами полномочий.

Таким образом, как представляется, во многом благодаря практике Конституционного Суда Российской Федерации изложенные в редких научных трудах разрозненные доктринальные положения относительно публичной власти и ее организации за период с 1997 по 2020 год были объединены, систематизированы и оформлены в завершённую модель единой системы публичной власти, получившую в 2020 году конституционное закрепление. Выраженные в форме правовых позиций высшего органа конституционного контроля основы организации публичной власти и ее единой системы, не вошедшие в текст Конституции РФ, далее реализуются в нор-

<sup>\*</sup> Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 50 (ч. III). Ст. 8039.

мах законодательства, приобретая нормативно обязательный характер.

Созданная на заложенных в главе 1 Конституции РФ противоречиях между двумя формами организации власти — власть государственная и власть муниципальная — конституционно-правовая модель единой системы публичной власти стала не только «изящным» решением этой принципиальной и сложной проблемы, но и определила курс на дальнейшее конституционно-правовое развитие нашей

страны в русле концепции единой системы публичной власти. Одним из проявлений данной тенденции является создание принципиально нового вида органов власти — «органы публичной власти федеральной территории»\*, специфику которых еще предстоит изучить.

\* О федеральной территории «Сириус»: федер. закон от 22 дек. 2020 г. N 437-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 52 (ч. 1). Ст. 8583.

#### Список источников:

1. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. Санкт-Петербург: Конституционный Суд Российской Федерации, 2021. 154 с.
2. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / пер. А. Яценко, В. Краснокутского, Б. Сыромятникова. Москва: Типография т-ва И.Д. Сытина, 1908. 957 с.
3. Филиппова Н.А. Публичная власть в современном государстве: правовые основы организации: учеб. пособие. Сургут: ИЦ СурГУ, 2017. 82 с.
4. Забелина Е.П. Муниципальная власть и ее процессуальное обеспечение // Конституционное и муниципальное право. 2022. N 7. С. 74-79.
5. Дементьев А.Н. Местное самоуправление как уровень публичной власти // Федерализм. 2010. N 1. С. 37-58.
6. Григорян Л.А. Социалистическая государственная власть и представительная форма ее осуществления // Советское государство и право. 1969. N 3. С. 83-92.
7. Васильчиков А.И. О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных, земских и общественных учреждений: в 2 т. Т. 1. 3-е изд. Санкт-Петербург, 1872. 460 с.
8. Саликов М.С. О сущности правовых позиций Конституционного Суда РФ // Российский юридический журнал. 2003. N 1. С. 14-17.
9. Шайхудинова Р.Р. Публичная власть в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2022. N 7. С. 65-68.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2006. 944 с.
11. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Рос. газ. 2018. 10 окт.
12. Югов А.А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. 123 с.
13. Авакьян С.А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. N 4. С. 7-13.
14. Карасев А.Т. Публичная власть в Российской Федерации: понятие, содержание // Проблемы права. 2011. N 1. С. 8-10.
15. Безруков А.В. Государственная и муниципальная власть в системе единой публичной власти России // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. N 6. С. 23-28.

#### References

1. Zor'kin V.D. Constitutional justice: procedure and meaning. St. Petersburg, Constitutional Court of the Russian Federation, 2021. 154 p. (In Russ.).
2. Dyugi L. Constitutional law. General theory of the state. Moscow, Printing house of the partnership I.D. Sytin, 1908. 957 p. (In Russ.).
3. Filippova N.A. Public authority in the modern state: legal foundations of the organization. Surgut, 2017. 82 p. (In Russ.).
4. Zabelina E.P. Municipal power and its procedural support. Constitutional and municipal law, 2022, no. 7, pp. 74-79. (In Russ.).
5. Dement'ev A.N. Local self-government as a level of public authority. Federalism, 2010, no. 1, pp. 37-58. (In Russ.).
6. Grigoryan L.A. Socialist state power and the representative form of its implementation. Soviet state and law, 1969, no. 3, pp. 83-92. (In Russ.).

7. Vasil'chikov A.I. About self-management: a comparative review of Russian and foreign, zemstvo and public institutions. In 2 volumes. Vol. 1. St. Petersburg, 1872. 460 p. (In Russ.).
8. Salikov M.S. On the essence of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Russian legal journal, 2003, no. 1, pp. 14-17. (In Russ.).
9. Shayhutdinova R.R. Public authority in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Constitutional and municipal law, 2022, no. 7, pp. 65-68. (In Russ.).
10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions. Moscow, A TEMP Publ., 2006. 944 p. (In Russ.).
11. Zor'kin V.D. The letter and spirit of the Constitution. Russian newspaper, 2018, October 10. (In Russ.).
12. Yugov A.A. Legal foundations of public authority in the Russian Federation. Yekaterinburg, 1999. 123 p. (In Russ.).
13. Avak'yan S.A. The structure of public authority in Russia: problems of formation and development. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, no. 4, pp. 7-13. (In Russ.).
14. Karasev A.T. Public authority in the Russian Federation: concept, content. Problems of law, 2011, no. 1, pp. 8-10. (In Russ.).
15. Bezrukov A.V. State and municipal power in the system of unified public power in Russia. State power and local self-government, 2015, no. 6, pp. 23-28. (In Russ.).

## Раздел 2. Административное право и деликтология

Научная специальность: 5.1.2

### Возвращаясь к вопросу об общественной опасности административных правонарушений в области дорожного движения

**Виктор Васильевич Денисенко,**

доктор юридических наук, профессор, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Краснодар, Россия, profdenisenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4704-0774>

**Владимир Иванович Майоров,**

доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

**Аннотация.** В статье продолжается дискуссия о наличии признака общественной опасности в содержании административных правонарушений в области безопасности дорожного движения. В частности, обосновывается, что одни административные правонарушения являются общественно опасными, в то время как другие лишены данного признака, их следует характеризовать как общественно вредные. Проведенное исследование базируется на опубликованных ранее работах авторов, посвященных проблематике административных правонарушений в области дорожного движения и вопросам общественной безопасности, составной частью которой выступает безопасность дорожного движения. По результатам анализа представленных в научной литературе точек зрения по изучаемому вопросу, а также содержания статей, включенных в главу 12 КоАП РФ, предложены новые аргументы в подтверждение авторской позиции о наличии общественной опасности в содержании административных правонарушений в сфере дорожного движения.

**Ключевые слова:** административно-деликтное законодательство, административное правонарушение, безопасность дорожного движения, общественная безопасность, общественная опасность

*Для цитирования:* Денисенко В.В., Майоров В.И. Возвращаясь к вопросу об общественной опасности административных правонарушений в области дорожного движения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4 (62). С. 16-24.

### Returning to the issue of public danger of the administrative offences in the sphere of road traffic

**Viktor V. Denisenko,**

Doctor of Legal Sciences, Professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, profdenisenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4704-0774>

**Vladimir I. Mayorov,**

Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, 1955715@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

**Abstract.** The discussion on the existence of the sign of public danger in the content of administrative offences in the sphere of road safety is continued in the article. In particular, it is substantiated that some administrative offences are socially dangerous, while others are deprived of it, they should be characterized as socially harmful. The conducted research is based on the earlier published authors' works, devoted to both the problems of administrative offences in the sphere of

road traffic and issues of public safety, including road safety. Basing on the results of analyzing the viewpoints presented in the scientific literature on the issue under study, as well as the content of the articles included in Chapter 12 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation, new arguments to confirm the authors' position on the existence of public danger in the content of administrative offences in the sphere of road traffic, are proposed.

**Keywords:** administrative and tort legislation, administrative offence, traffic safety, public safety, public danger

*For citation:* Denisenko V.V., Mayorov V.I. Returning to the issue of public danger of the administrative offences in the sphere of road traffic // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 4 (62). P. 16-24.

### **Введение**

Дискуссионность содержится уже в самой постановке вопроса об общественной опасности административных правонарушений. С одной стороны, в отечественном законодательстве общественная опасность достаточно однозначно отнесена к признакам, отграничивающим преступления от административных правонарушений, поскольку она закреплена в понятии преступления (ст. 14 УК РФ) и не включена в понятие административного правонарушения (ст. 2.1 КоАП РФ). Таким образом, признак общественной опасности выступает законодательно закрепленным критерием разграничения административных правонарушений и преступлений. Данный подход разделяют многие представители не только общей теории права и уголовного права [1, с. 51-59; 2], но и административного права [3, с. 545-548; 4, с. 21]. С другой стороны, многие исследователи аргументируют позицию о том, что общественная опасность присуща если не всем, то значительному количеству административных правонарушений [5, с. 21; 6, с. 87]. Эту позицию последовательно отстаивают и авторы настоящей статьи [7; 8; 9; 10].

Как представляется, исследование вопроса об имманентности общественной безопасности административным правонарушениям отдельных групп способно внести в вышеназванную дискуссию новые аргументы, способствующие лучшему пониманию ее сущности, и в конечном счете выйти с предложениями к российскому законодателю в части уточнения критериев разграничения двух наиболее распространенных правонарушений.

Авторам настоящей статьи близки и проблематика административных правонарушений в области дорожного движения,

и вопросы общественной безопасности, составной частью которой выступает безопасность дорожного движения [11]. Именно наличие работ в обозначенных областях научных знаний и обусловило выбор направления данного исследования, получившего отражение в названии статьи.

### **Описание исследования**

Дискуссия относительно наличия или отсутствия признака общественной опасности в административном правонарушении не является новой, она ведется на протяжении нескольких десятилетий, на что нами было обращено внимание во вводной части.

Обобщая представленные в литературе точки зрения, следует отметить, что относительно сущности административного правонарушения и его признаков среди отечественных ученых сформированы три основные позиции.

1. *Административные правонарушения в отличие от преступлений лишены общественной опасности.* Данная позиция, например, отражена в получившем широкое признание комментарии к КоАП РФ под редакцией Э.Н. Ренова, в котором отмечено, что «при определении составляющих элементов вины административного правонарушения признак общественной опасности, присущий преступлениям, заменен признаком "вредные последствия", опять же с учетом характера совершаемых действий (бездействия) и наступивших последствий, присущих административным правонарушениям» [4, с. 21].

На первый взгляд, представленная позиция может быть охарактеризована как безупречная, поскольку основана на оценке признаков, законодательно закрепленных в понятиях преступления и административного правонарушения. То, что,

например, убийство (ст. 105 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ) и большинство других преступлений общественно опасны, вряд ли кто-то станет оспаривать, как и то, что весьма сомнительным, весьма надуманным будет наделение признаком общественной опасности таких административных правонарушений, как несвоевременное представление сведений о юридическом лице или об индивидуальном предпринимателе в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в случаях, если такое представление предусмотрено законом (ч. 3 ст. 14.25 КоАП РФ), нарушение порядка работы с денежной наличностью и порядка ведения кассовых операций, а также нарушение требований об использовании специальных банковских счетов (ст. 15.1 КоАП РФ).

Вместе с тем по мере развития общественных отношений законодательная позиция об общественной опасности как признаке, разграничивающем уголовную и административную ответственность, на наш взгляд, уже не представляется такой безупречной. Это иллюстрируют следующие примеры.

Ранее клевета и оскорбление признавались преступлениями, предусмотренными соответственно ст. 129 и ст. 130 УК РФ. Следовательно, по смыслу уголовного законодательства им был присущ признак общественной опасности. В дальнейшем данные деяния были декриминализованы и переведены в разряд административных правонарушений, предусмотренных соответственно ст. 5.60 и ст. 5.61 КоАП РФ\*. Тем самым данные правонарушения были лишены признака общественной опасности. Некоторые авторы поддержали такое законодательное решение, посчитав, что декриминализация клеветы является одной из форм реализации уголовной политики [12, с. 196].

\* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. N 420-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 50. Ст. 7362.

Однако уже в 2012 году ст. 5.60 КоАП РФ утратила силу, вследствие чего клевета вновь стала преступлением, предусмотренным ст. 128.1 УК РФ. Наряду с этим УК РФ был дополнен еще одной статьей о клевете, а именно ст. 298.1 УК РФ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации»\*\*. Аргументация того, что клевета все же уголовно наказуемое деяние, также получившая освещение в научной литературе, как представляется, более точно отражает содержание данного противоправного деяния [13, с. 67].

Анализ ситуации с декриминализацией, а затем с повторной криминализацией клеветы приводит к определенному выводу. Поспешность, с которой декриминалированное деяние вновь было отнесено к преступлениям, может свидетельствовать об отсутствии научно обоснованных выводов о целесообразности декриминализации деяния. Наряду с этим возникает сомнение в том, что у российского законодателя существуют четкие критерии, в соответствии с которыми деяние следует относить к преступлениям либо к административным правонарушениям.

Представляется очевидным, что одним из таких критериев выступает невозможность возвращения к ситуации, предшествующей совершению противоправного деяния, как, например, в случае с совершением убийства. В то же время отграничение преступлений от административных правонарушений по размеру ущерба, исчисляемого в денежном выражении, вряд ли можно безапелляционно признать объективным критерием. В частности, неясно, чем руководствовался законодатель, признавая в зависимости от способа хищения (путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты) и отсутствия признаков совершения сходных преступлений (чч. 2, 3 и 4 ст.ст. 158, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6, чч. 2 и 3 ст. 160 УК РФ, за исключением случаев, предусмотрен-

\*\* См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28 июля 2012 г. N 141-ФЗ // Там же. 2012. N 31. Ст. 4330.

ных ст. 14.15.3 КоАП РФ) мелким хищением деяний, последствием которых в одних случаях является причинение ущерба, не превышающего одной тысячи рублей (ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ), в других – причинение ущерба стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей (ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ). Ответить на вопрос о том, почему при отсутствии признака общественной опасности либо, напротив, при его наличии в сходных преступлениях были выбраны именно такие суммы, не представляется возможным.

Вполне очевидно, что за совершение преступлений, которые законодательно признаны общественно опасными деяниями, должно наступать более суровое наказание, чем за совершение административных правонарушений, общественная опасность которых не признается. К сожалению, в отечественном законодательстве этот принцип не всегда соблюдается. За совершение ряда преступлений предусмотрена возможность наказания в виде лишения свободы или штрафа. При этом размер административного штрафа за административное правонарушение может превышать размер штрафа за преступление. Например, в случае совершения административных правонарушений, предусмотренных чч. 2, 3 и 4 ст. 20.2.2 КоАП РФ, в качестве одного из альтернативных административных наказаний установлена возможность назначения административного штрафа должностным лицам в размере от трехсот тысяч до шестисот тысяч рублей, а за совершение предусмотренного ст. 149 УК РФ преступления субъектами этой же категории также в качестве альтернативного наказания в виде лишения свободы имеется возможность назначить штраф в размере до трехсот тысяч рублей. Лицу, совершившему кражу – одно из наиболее распространенных преступлений, может быть назначен штраф в размере до восьмидесяти тысяч рублей (по ч. 1 ст. 158 УК РФ – преступление небольшой тяжести), до двухсот тысяч рублей (по ч. 2 ст. 158 УК РФ – преступление средней тяжести).

В связи с этим для сравнения можно привести административные штрафы, которые согласно ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ устанавливаются в размере, не превышающем для граждан пяти тысяч рублей. Однако

далее в этой же норме перечисляется тринадцать категорий составов административных правонарушений, в случае совершения которых размер административного штрафа увеличивается до размера, не превышающего семи тысяч рублей (9 составов), десяти тысяч рублей (38 составов)... пятисот тысяч рублей (19 составов), восьмисот тысяч рублей (2 состава – чч. 2 и 4 ст. 6.21.1 КоАП РФ). Таким образом, размер административного штрафа для граждан от первоначального размера до максимально возможного увеличивается в 160 раз. Для должностных лиц административный штраф устанавливается по общему правилу в размере, не превышающем пятидесяти тысяч рублей, но за отдельные административные правонарушения он может устанавливаться в размере до двух миллионов рублей.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос о «безобидности» административных правонарушений, не обладающих, по логике законодателя, общественной опасностью, если за некоторые из них предусмотрены более строгие административные наказания, чем за значительное количество преступлений.

2. *Административным правонарушением присуща общественная опасность, но по своему характеру менее выраженная, чем общественная опасность преступлений.* В частности, А.П. Алехин отмечает: «По существу административные правонарушения, как и преступления, являются общественно опасными, различаясь лишь по степени такой опасности» [14, с. 120].

Теоретически данная позиция имеет право на существование. Очевидно, что понятие «общественная опасность» связано с опасностью для общества. Но в таком случае при наличии опасности для общества должна быть предусмотрена юридическая ответственность, уголовная либо административная. В случае отсутствия опасности для общества вызывает сомнение необходимость установления юридической ответственности. Таким образом, если признать наличие общественной опасности и для преступлений, и для административных правонарушений, но разной степени, то необходимо определить критерий, разграничивающий вышеназванные правонарушения.

Ранее уже обращалось внимание на субъективность подхода относительно отграничения мелких хищений от сходных составов преступлений по размеру причиненного в денежном выражении ущерба. Более очевидным представляется отграничение преступлений от малозначительных административных правонарушений. К сожалению, КоАП РФ не содержит определения понятия «малозначительное правонарушение». Попытки разъяснения содержания данного понятия в постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2006 г. N 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях»\* и Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ»\*\* лишь отчасти устранили проблемы применения положений о малозначительности административного правонарушения.

Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации определил, что малозначительность административного правонарушения характеризуется отсутствием существенной угрозы охраняемым отношениям. Пленум Верховного Суда Российской Федерации, также указав на отсутствие значительного ущерба, дополнительно отметил, что малозначительность правонарушения подчеркивается его «низкой степенью общественной опасности». Таким образом, в правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации признается принадлежность к административным правонарушениям признака общественной опасности, но ее степень незначительна.

\* О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 июня 2004 г. N 10: ред. от 21 дек. 2017 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2004. N 8; Рос. газ. 2017. 29 дек.

\*\* О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. N 5: ред. от 23 дек. 2021 г. // Рос. газ. 2005. 19 апр.; 2021. 29 дек.

3. *Одни административные правонарушения являются общественно опасными, в то время как другие не имеют данного критерия и их следует характеризовать как общественно вредные.* Например, Д.А. Газизов акцентирует внимание на том, что общественную опасность необходимо рассматривать как обязательный признак административных правонарушений в сфере оборота наркотических средств [15, с. 43].

Отметим, что в поиске ответа на вопрос о том, какой признак — вредность или общественная опасность — преобладает в административном правонарушении, некоторые авторы используют онтологический и гносеологический подходы и отмечают, что при принятии и отстаивании той или иной позиции имеют место политический и юридический аспекты [16, с. 107].

По нашему мнению, при исследовании вопроса о наличии или об отсутствии общественной опасности административных правонарушений целесообразно обратиться к методу ретроспективного анализа законодательства об административных правонарушениях.

Как представляется, более объективное объяснение того, почему в понятии административного правонарушения отсутствует признак общественной опасности, дано В.В. Лукьяновым. По его справедливому утверждению, в предшествовавшие кодификации административно-деликтного законодательства годы «административные правонарушения носили в основном бытовой характер, они не представляли общественной опасности» [17, с. 60]. Полагаем, что именно по этой причине КоАП РСФСР закреплял доктрину об отсутствии общественной опасности в административных правонарушениях. И поскольку охрана общественной безопасности не значилась в числе задач КоАП РСФСР, то «в комментариях к нему подчеркивалось, что административные проступки и, следовательно, нарушения правил дорожного движения не представляют общественной опасности и именно этим принципиально отличаются от преступлений» [17, с. 60].

Традиционно общественную опасность деяния связывают с наступлением негативных последствий от его совершения. Однако общественная опасность дея-

яний, наряду с негативными последствиями, может характеризоваться и другими факторами. Так, одним из проявлений общественной опасности административных правонарушений в целом и в области дорожного движения в частности является их массовость.

Закон перехода количественных изменений в качественные выступает не только как всеобщий закон развития природы и материального мира, но и как закон развития человеческого общества и мышления. Именно в силу массовости административных правонарушений, большинство из которых не получают юридической оценки, у граждан может формироваться чувство безнаказанности и вседозволенности, которое будет способствовать совершению противоправных деяний, характеризующихся все более высокой степенью общественной опасности.

Общеизвестно, что количество реально совершаемых нарушений Правил дорожного движения с учетом их высокой латентности значительно превышает количество зафиксированных фактов данных нарушений [9, с. 43]. При этом латентность административных правонарушений негативно отражается на реализации принципа неотвратимости наказания. Как представляется, «совершение деликта связано не только с нарушением соответствующей нормы права, но и с обязанностью компетентных органов государственной власти своевременно отреагировать на данное нарушение». «С одной стороны, уровень латентности отражает степень эффективности работы правоохранительных органов. Чем ниже уровень латентности, тем эффективнее деятельность этих органов. Но, с другой стороны, состояние латентности отражает эффективность действия самого принципа неотвратимости наказания. Ибо каждый деликт, на который не последовало реакции юрисдикционных органов, таит в себе опасность повышения уверенности правонарушителя в своей безнаказанности» [18, с. 249, 250]. Точка зрения о том, что недооценка фактора латентности административных правонарушений неизбежно ведет к их росту и, соответственно, к снижению эффективности превентивной работы органов публичной власти, разделяется и другими исследователями [19, с. 8].

Одним из направлений деятельности ГИБДД, нацеленных на снижение уровня латентности административных правонарушений в области дорожного движения, стало установление и расширение сети комплексов автоматической фиксации нарушений Правил дорожного движения, что, по мнению ряда авторов, «имеет большой потенциал для профилактики и предупреждения административных правонарушений в области дорожного движения, они дисциплинируют водителей, напоминая о необходимости соблюдать ПДД» [20, с. 76].

Одновременно с этим следует поддерживать авторов, предлагающих пути решения проблем, связанных с уклонением водителей транспортных средств от административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьями главы 12 КоАП РФ, которые выявлены посредством комплексов автоматической фиксации нарушений Правил дорожного движения [21, с. 121-122].

### **Заключение**

Подводя итоги проведенного исследования, следует подчеркнуть правомерность точки зрения, согласно которой, несмотря на отсутствие указания на это в определении понятия административного правонарушения, закрепленном в КоАП РФ, одни административные правонарушения являются общественно опасными, в то время как другие не имеют данного критерия, и их следует характеризовать как общественно вредные. При этом наша позиция отличается от правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, признавшего наличие признака общественной опасности для всех административных правонарушений, но одновременно уточнившего, что малозначительные административные правонарушения отличаются более низкой степенью общественной опасности.

Анализ современного административно-деликтного законодательства свидетельствует о том, что закрепленное в КоАП РФ понятие административного правонарушения перестало объективно характеризовать содержание административных деликтов. В действующем КоАП РФ можно выделить значительное

количество составов, предусматривающих административные правонарушения, которые следует признавать общественно опасными уже в силу того, что размер административных штрафов, установленных за их совершение, аналогичен, а нередко существенно выше, чем размер штрафа, возможность назначения которого предусмотрена за совершение преступлений небольшой и средней тяжести.

По нашему мнению, общественно опасными следует признать прежде всего все административные правонарушения, посягающие на институты государственной власти (глава 17 КоАП РФ), на порядок управления (глава 19 КоАП РФ), на общественный порядок и общественную безопасность (глава 20 КоАП РФ). Наряду с этим общественная опасность характерна для административных правонарушений, объектом посягательства которых выступает нарушение правил, ограничивающих или запрещающих оборот наркотических средств и психотропных прекурсоров\*, ограничивающих оборот гражданского и служебного оружия\*\*, и др.

К таким деяниям, потенциально содержащим признаки общественной опасности, в частности, относятся административные правонарушения, предусматривающие административную ответственность за незаконные действия по обороту оружия, основных частей огнестрельного оружия и патронов к оружию (ст. 20.10 КоАП РФ). В этом же ряду административные правонарушения, сопряженные с потреблением наркотических средств (ст. 6.9 КоАП РФ), незаконным приобретением, хранением, перевозкой, производством, сбытом или пересылкой прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконным приобретением, хранением, перевозкой, сбытом или пересылкой рас-

тений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ (ст. 6.16.1 КоАП РФ), за совершение которых помимо административного штрафа предусмотрена возможность назначения административного ареста.

На наш взгляд, закрепление в санкции статьи КоАП РФ в качестве одного из альтернативных административных наказаний административного ареста уже само по себе свидетельствует об общественной опасности такого административного правонарушения. Примечательно, что для таких административных правонарушений характерно наличие сходных преступлений и то, каким образом данные деяния будут квалифицированы как административно наказуемые или уголовно наказуемые, зависит от целого ряда обстоятельств.

По тем же критериям общественно опасными следует признать административные правонарушения в области пожарной безопасности, экологической безопасности, транспортной безопасности.

На законодательном уровне необходимо осуществить категоризацию административных деликтов, предусмотрев в ней наличие административных правонарушений, представляющих общественную опасность, но не требующих применения наказания в виде лишения свободы, а также административных проступков, лишенных признака общественной опасности.

Наличие общественной опасности в содержании административных правонарушений в сфере дорожного движения вряд ли может вызывать сомнения. Сами общественные отношения в области дорожного движения носят специфический характер, поскольку движение транспортных средств, вне зависимости от скорости их движения, таит потенциальную опасность ввиду высокой вероятности неблагоприятного развития дорожно-транспортной ситуации как в силу объективных причин, например внезапного отказа агрегатов тормозной системы, так и по причинам субъективного характера, когда, например, водитель транспортного средства осознанно идет на риск, например, превышая установленный порог скоростного режима движения, для минимизации времени в пути.

\* Статья 14 Федерального закона от 8 января 1998 г. N 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (в ред. от 8 декабря 2020 г.). (См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 2. Ст. 219; 2020. N 50. Ст. 8074).

\*\* Статья 6 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. N 150-ФЗ «Об оружии» (с изм. и доп., вступившими в силу с 30 ноября 2022 г.). (См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 51. Ст. 5681; 2022. N 9. Ст. 1253).

Наряду с этим общественная опасность административных правонарушений, предусмотренных главой 12 КоАП РФ, проявляется и в том, что в случае их трансформации в дорожно-транспортном происше-

ствии они могут как остаться в категории административных правонарушений, так и перейти в категорию смежных с ними преступлений, общественная опасность которых никем не подвергается сомнению.

#### Список источников

1. Епифанова Е.И. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. Москва: Юрлитинформ, 2012. 152 с.
2. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации / Н.А. Лопашенко, А.В. Голикова, Е.В. Кобзева [и др.] // Правоприменение. 2020. N 4. С. 124-140.
3. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: учебник. 3-е изд., пересмотр. и доп. Москва: Норма, 2008. 816 с.
4. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / [Д.Н. Бахрах и др.]; под ред. Э.Н. Ренова. Москва: Норма, 2012. 641 с.
5. Севрюгин В.Е. Понятие правонарушения (проступка) по административному законодательству. Москва: Акад. МВД СССР, 1988. 54 с.
6. Козлов Ю.М. Административное право: учебник. Москва: Юрист, 1999. 320 с.
7. Денисенко В.В. Третья кодификация административно-деликтного законодательства: время дискуссий, ожидания, разочарований и надежд // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения), 20 марта 2015 г.: в 3 ч. Ч. I. Санкт-Петербург, 2015. С. 40-47.
8. Денисенко В.В. Дежавю непростых ответов на простые вопросы о разграничении административной и уголовной ответственности // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: материалы второй Всерос. заочной науч.-практ. конф., 27 мая 2017 г. Краснодар, 2017. С. 29-34.
9. Майоров В.И. Об общественной опасности административных правонарушений в области дорожного движения // Вестник Челябинского университета. 2015. N 13. С. 43-47.
10. Майоров В.И. Общественная опасность административных деликтов бесспорна // Проблемы права. 2016. N 2 (56). С. 85-86.
11. Майоров В.И., Денисенко В.В., Денисенко С.Г. Обеспечение безопасности дорожного движения: современные тенденции и перспективы: монография. Краснодар, Краснодарский ун-т МВД России, 2022. 167 с.
12. Осокин Р.Б. Декриминализация клеветы является одной из форм реализации уголовной политики // Право и общество. 2013. N 7-8. С. 195-199.
13. Майоров А.В. Клевета как уголовно-наказуемое деяние // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. N 1. С. 66-71.
14. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учебник. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Зерцало, 1998. 672 с.
15. Газизов Д.А. Общественная опасность как обязательный признак административных правонарушений в сфере оборота наркотических средств // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. N 3. С. 42-46.
16. Беженцев А.А. Преобладание признака вредоносности или общественной опасности в административном правонарушении: онтологический и гносеологический подходы // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Право. 2020. N 1 (61). С. 105-112.
17. Лукьянов В.В. Формы вины в дорожно-транспортных правонарушениях // Российская юстиция. 2002. N 12. С. 59-61.
18. Денисенко В.В. Латентность административной деликтности и преступности в структуре оценки органами внутренних дел состояния оперативной остановки // Общество и право. 2014. N 4. С. 249-250.
19. Латентность как фактор, влияющий на рост административных деликтов в Российской Федерации / И.Ф. Амельчаков, А.В. Карагодин, В.Н. Самсонов, Ж.П. Дорофеева // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. N 4. С. 6-9.
20. Майоров В.И., Дымберов А.Д., Молчанов П.В. Правовые проблемы применения специальных технических средств автоматической фотовидеофиксации нарушений Правил дорожного движения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. N 3. С. 69-77.
21. Козун А.В., Щеглов А.И. Латентность административных правонарушений в области дорожного движения, фиксируемых комплексами автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения: формы, причины и пути их решения // Безопасность дорожного движения: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.В. Митрошкина. Москва, 2020. Вып. 19. С. 117-122.

**References**

1. Epifanova E.I. Public danger as a scientific category, legislative definition: history and modernity. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 152 p. (In Russ.).
2. Lopashenko N.A., Golikova A.V., Kobzeva E.V. [i dr.]. Social danger of a crime: concept and verification criteria. Law enforcement, 2020, no. 4, pp. 124-140. (In Russ.).
3. Bahrah D.N., Rossinskiy B.V., Starilov Yu.N. Administrative law. Moscow, Norma Publ., 2008. 816 p. (In Russ.).
4. [Bahrah D.N. i dr.]. Commentary on the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. Moscow, Norma Publ., 2012. 641 p. (In Russ.).
5. Sevryugin V.E. The concept of an offense (misdemeanor) under administrative law. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1988. 54 p. (In Russ.).
6. Kozlov Yu.M. Administrative law. Moscow, Yurist Publ., 1999. 320 p. (In Russ.).
7. Denisenko V.V. The third codification of administrative and tort legislation: the time of discussions, expectations, disappointments and hopes. Actual problems of administrative and administrative procedural law. In 3 parts. Part I. St. Petersburg, 2015. Pp. 40-47. (In Russ.).
8. Denisenko V.V. Deja vu of difficult answers to simple questions about the delimitation of administrative and criminal liability. Modern problems of the theory and practice of combating crime. Krasnodar, 2017. Pp. 29-34. (In Russ.).
9. Mayorov V.I. On the public danger of administrative offenses in the field of road traffic. Bulletin of the Chelyabinsk University, 2015, no. 13, pp. 43-47. (In Russ.).
10. Maiyurov V.I. The public danger of administrative torts is indisputable. Problems of Law, 2016, no. 2 (56), pp. 85-86. (In Russ.).
11. Mayorov V.I., Denisenko V.V., Denisenko S.G. Ensuring road safety: current trends and prospects. Krasnodar, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 167 p. (In Russ.).
12. Osokin R.B. Decriminalization of slander is one of the forms of implementation of criminal policy. Law and Society, 2013, no. 7-8, pp. 195-199. (In Russ.).
13. Mayorov A.V. Slander as a criminally punishable act. Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law, 2019, no. 1, pp. 66-71. (In Russ.).
14. Alehin A.P., Karmolitskiy A.A., Kozlov Yu.M. Administrative law of the Russian Federation. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. 672 p. (In Russ.).
15. Gazizov D.A. Public danger as an obligatory sign of administrative offenses in the sphere of drug trafficking. Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, no. 3, pp. 42-46. (In Russ.).
16. Bezhentsev A.A. The predominance of a sign of harmfulness or public danger in an administrative offense: ontological and epistemological approaches. Bulletin of the Tver State University. Series: Law, 2020, no. 1 (61), pp. 105-112. (In Russ.).
17. Luk'yanov V.V. Forms of guilt in road traffic offenses. Russian justice, 2002, no. 12, pp. 59-61. (In Russ.).
18. Denisenko V.V. Latency of administrative delinquency and crime in the structure of assessment by internal affairs bodies of the state of operational stop. Society and Law, 2014, no. 4, pp. 249-250. (In Russ.).
19. Amel'chakov I.F., Karagodin A.V., Samsonov V.N., Dorofeeva Zh.P. Latency as a factor influencing the growth of administrative torts in the Russian Federation. Problems of law enforcement, 2016, no. 4, pp. 6-9. (In Russ.).
20. Mayorov V.I., Dymberov A.D., Molchanov P.V. Legal problems of the use of special technical means for automatic photo and video recording of violations of the Rules of the Road. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2016, no. 3, pp. 69-77. (In Russ.).
21. Kozun A.V., Shcheglov A.I. Latency of administrative offenses in the field of road traffic, fixed by complexes of automatic fixation of violations of traffic rules: forms, causes and ways of their solution. Moscow, 2020. Issue 19. Pp. 117-122. (In Russ.).

**Вклад авторов:**

Денисенко В.В. – разработка концепции научной статьи, анализ научной литературы по теме исследования, сбор и обработка эмпирического материала, написание текста и выводов статьи;

Майоров В.И. – идея исследования, разработка теоретических предпосылок, доработка текста, формулирование общих выводов, научное редактирование текста.

**Contribution of the authors:**

Denisenko V.V. – developing the concept of the scientific article, analyzing the scientific literature on the topic of the research, collecting and processing the empirical material, writing the text and conclusions of the article;

Mayorov V.I. – the idea of the study, developing the theoretical premises, revising the text, formulating the general conclusions, scientific editing of the text.

Научная специальность: 5.1.2

## **Нарушение присяги сотрудниками органов внутренних дел как основание дисциплинарной ответственности**

**Ирина Николаевна Ванюшина,**

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, irinaonline@bk.ru

**Аннотация.** Статья посвящена изучению института присяги сотрудников органов внутренних дел в контексте основания дисциплинарной ответственности. Автор обращается к вопросам определения и значения присяги в публично-правовой сфере, отмечает распространенность института присяги в системе государственной службы Российской Федерации и при замещении государственных должностей. В статье выделяются особенности института присяги в органах внутренних дел. Во-первых, присяга в органах внутренних дел имеет профессионально-этическое значение и поэтому не может быть основанием возникновения или прекращения служебных отношений. Во-вторых, характерной чертой является включение отдельных положений Присяги сотрудника органов внутренних дел в систему служебной дисциплины. При этом установление положений присяги, относящихся к служебной дисциплине, представляется невозможным в силу конкуренции иных ее элементов. В-третьих, несоблюдение (нарушение) Присяги сотрудника органов внутренних дел не отнесено федеральным законом к категории нарушения служебной дисциплины (дисциплинарного проступка), что создает неопределенность в возможности его использования в качестве основания дисциплинарной ответственности. На основании проведенного анализа автором предлагается внесение изменений в определение понятия нарушения служебной дисциплины.

**Ключевые слова:** дисциплинарная ответственность, дисциплинарное взыскание, дисциплинарный проступок, нарушение служебной дисциплины, присяга, служебная дисциплина

*Для цитирования:* Ванюшина И.Н. Нарушение присяги сотрудниками органов внутренних дел как основание дисциплинарной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4 (62). С. 25-31.

## **Violation of the oath by law enforcement officers as the grounds for disciplinary liability**

**Irina N. Vanyushina,**

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, irinaonline@bk.ru

**Abstract.** The institution of the oath of law enforcement officers in the context of the grounds for disciplinary liability is studied. The issues of the definition and significance of the oath in the public law sphere are considered. The prevalence of the institution of the oath in the public service system of the Russian Federation and when occupying public positions is noted. The features of the institution of the oath in law enforcement bodies are distinguished. Firstly, the oath in law enforcement bodies has a professional and ethical significance and therefore cannot be regarded as grounds for establishing or terminating the service relations in law enforcement bodies. The second characteristic feature is the inclusion of certain provisions of the law enforcement officers' oath into the system of service discipline. Moreover, the establishment of the oath's provisions related to the service discipline seems to be impossible due to the competition of its other elements. Thirdly, non-observance (violation) of the law enforcement officers' oath is not classified by the federal law as a violation of service discipline (disciplinary offence), that creates uncertainty in the possibility of using it as the grounds for disciplinary liability. Basing on the conducted analysis, amending the definition of the concept "violation of service discipline" is proposed.

**Keywords:** disciplinary liability, disciplinary penalty, disciplinary offence, violation of service discipline, oath, service discipline

*For citation:* Vanyushina I.N. Violation of the oath by law enforcement officers as the grounds for disciplinary liability // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 4 (62). P. 25-31.

### **Введение**

В соответствии с ч. 1 ст. 47 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»\* (далее – Федеральный закон о службе в ОВД) соблюдение сотрудником органов внутренних дел установленных присягой порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав является частью служебной дисциплины в органах внутренних дел. В целях обеспечения и укрепления служебной дисциплины Федеральным законом о службе в ОВД предусматривается возможность применения мер поощрения и дисциплинарных взысканий. Вместе с тем анализ правоприменительной деятельности в сфере служебной дисциплины свидетельствует об отсутствии практики привлечения сотрудников органов внутренних дел к дисциплинарной ответственности за нарушение присяги. В большинстве случаев основания наложения дисциплинарных взысканий на сотрудников органов внутренних дел выступают дисциплинарные проступки, например нарушение правил внутреннего служебного распорядка, невыполнение служебных обязанностей, приказов и распоряжений прямых руководителей (начальников). Основными причинами сложившейся ситуации являются недостатки институтов присяги сотрудника органов внутренних дел и дисциплинарной ответственности, что требует исследования и подготовки предложений по их совершенствованию.

### **Основная часть**

Присяга – официальное и торжественное обещание (обязательство), которое дается лицом, впервые поступившим на публичную службу, или при вступлении на публичную должность, или при получении определенного статуса. Согласно Федеральному закону о службе в ОВД сотрудник, впервые поступивший на службу в органы внутренних дел, приводится к

Присяге сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Приведение к присяге осуществляется в торжественной обстановке перед Государственным флагом Российской Федерации (ч. 1 ст. 28). Значение этого слова также соответствует значению слова «клятва». Принятие присяги имеет большое морально-этическое значение для сотрудников органов внутренних дел [1].

Как отмечают С.Ю. Чимаров и В.С. Бялт, во-первых, текст присяги сотрудника органов внутренних дел корреспондирует традиции российской полицейстики в части правового закрепления нормативных положений, имеющих форму юридического знака и обязывающих к безусловному соблюдению долга службы; во-вторых, акт принятия присяги и неуклонное следование ее канонам определяют должный уровень профессионализма каждого сотрудника органов внутренних дел и способствуют повышению доверия общества к системе МВД России в целом; в-третьих, целенаправленная и системная работа с каждым сотрудником органов внутренних дел по формированию у него осознанного отношения к тексту принятой им присяги и практической демонстрации своего служебного поведения в строгом соответствии с положениями присяги составляет важное направление воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации [2, с. 134].

В исследованиях, посвященных институту присяги, ее предлагается рассматривать как юридический факт, представляющий собой принятие официальной клятвы (торжественного обещания) соблюдать и исполнять права и обязанности в соответствии с принимаемой должностью, определяющий момент изменения специального правового статуса субъектов и осуществляемый в особом ритуальном порядке на основе специализированных символических действий [3, с. 46].

Присяга является одним из традиционных институтов государственной службы. Например, Ю.Н. Стариков к признакам государственного служащего, на-

\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 49. Ст. 7020.

ряду с присвоением квалификационного разряда (чина, ранга и т.д.), выполнением государственных функций и другими, относит принятие государственным служащим присяги на верность государству [4, с. 141]. Присяга получила широкое распространение в государственно-публичных отношениях, в частности при вступлении в должность, например, Президента Российской Федерации, судей, при вступлении в другие государственные должности, а также при приеме в гражданство Российской Федерации.

Следует согласиться с А.В. Щукиным, считающим, что «по своей сути, присяга и обязательство имеют одно общее значение – это официальное обещание. Однако природа этого обещания различна». Как отмечает исследователь применительно к военной службе, «...приведение к военной присяге – один из самых значимых воинских ритуалов, имеющих как в России, так и в армиях многих других государств многовековую традицию. Смысл этого торжественного акта заключается в том, что, произнося патриотические, эмоционально окрашенные слова Военной присяги, отражающие сущность воинского долга, военнослужащий или гражданин РФ выражает и подтверждает свою готовность защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество» [5, с. 22].

Таким образом, присяга может иметь как профессионально-этическое, так и юридическое значение. Примером юридического значения присяги является вступление в должность Президента Российской Федерации. В соответствии со ст. 92 Конституции РФ Президент Российской Федерации приступает к исполнению полномочий с момента принесения им присяги и прекращает их исполнение с истечением срока его пребывания в должности с момента принесения присяги вновь избранным Президентом Российской Федерации. Аналогичное значение имеет присяга при назначении на должность судей Конституционного Суда РФ. Согласно ст. 12 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»\* судья

Конституционного Суда РФ считается вступившим в должность с момента принятия им присяги.

В этом случае принесение присяги – обязательная процедура, без которой нельзя обойтись, в связи с чем в юридической литературе вполне обоснованно высказывается мнение о том, что определенное правовое значение имеет и соблюдение условий ее произнесения, касающихся как текста присяги, так и обязательного присутствия при приведении к ней определенного круга представителей публичной власти [6, с. 30].

Согласно законодательству о прохождении военной службы факт принятия Военной присяги имеет не только моральное, но и существенное правовое значение. Только с принятием присяги военнослужащий может быть назначен на должность и приобретает полный объем служебных прав, на него в полном объеме возлагаются служебные обязанности, в том числе он может быть привлечен к выполнению боевых задач (к участию в боевых действиях, несению боевого дежурства, боевой службы, караульной службы) [7].

Особенностью института присяги в органах внутренних дел является ее исключительно профессионально-этическое значение. Принятие присяги сотрудником органов внутренних дел, в отличие от контракта о службе, не выступает юридическим фактом профессионально-служебных отношений. Иными словами, принятие присяги сотрудником органов внутренних дел не связано с возникновением служебных отношений (основанием поступления на службу) и их прекращением (основанием увольнения). В этом состоит первая особенность института присяги в органах внутренних дел.

В отличие от органов внутренних дел, нарушение присяги на службе в Следственном комитете и в органах прокуратуры может быть основанием прекращения соответствующего вида службы. В соответствии с Федеральным законом от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурорский работник может быть уволен по инициативе руководителя органа или организации прокуратуры в случаях нарушения Присяги прокурора, а также совершения проступков, по-

\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. N 13. Ст. 1447.

рочащих честь прокурорского работника (п. «в» ч. 1 ст. 43)\*. Кроме того, данное обязательство содержится непосредственно в тексте присяги прокурора: «Сознаю, что нарушение Присяги несовместимо с дальнейшим пребыванием в органах прокуратуры» (ст. 40.4). Аналогичные положения содержит Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (ст. 19, п. 3 ч. 2 ст. 30)\*\*. В этом вопросе представляет интерес позиция Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, согласно которой прохождение службы в органах прокуратуры Российской Федерации и выполнение служебного долга по защите прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства требуют от каждого прокурора и следователя посвящения себя служению Закону и строгого соблюдения всех положений Присяги прокурора (следователя)\*\*\*.

Второй особенностью института присяги в органах внутренних дел является включение Присяги сотрудника органов внутренних дел в систему служебной дисциплины в качестве ее элемента. Согласно ч. 1 ст. 47 Федерального закона о службе в ОВД служебная дисциплина – соблюдение сотрудником органов внутренних дел установленных законодательством Российской Федерации, Присягой сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, Дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, контрактом, приказами и распоряжениями руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей (начальников) порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав.

В юридической литературе высказываются мнения о том, что несоблюдение

(нарушение) присяги может иметь и определенные правовые последствия для сотрудников. Соблюдение присяги сотрудником ОВД является одним из составляющих элементов служебной дисциплины, нарушение которой влечет определенные негативные последствия для сотрудников ОВД [1]. С данным суждением можно согласиться лишь отчасти.

Как следует из буквального толкования определения понятия служебной дисциплины, сформулированного Федеральным законом о службе в ОВД, речь идет не о присяге в целом, а о соблюдении установленных ею порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав.

Здесь необходимо обратиться к тексту Присяги сотрудника органов внутренних дел, который содержится в ч. 2 ст. 28 Федерального закона о службе в ОВД:

«Я, (фамилия, имя, отчество), поступая на службу в органы внутренних дел, торжественно присягаю на верность Российской Федерации и ее народу!

Клянусь при осуществлении полномочий сотрудника органов внутренних дел: уважать и защищать права и свободы человека и гражданина, свято соблюдать Конституцию Российской Федерации и федеральные законы;

быть мужественным, честным и бдительным, не щадить своих сил в борьбе с преступностью;

достойно исполнять свой служебный долг и возложенные на меня обязанности по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, хранить государственную и служебную тайну.

Служу России, служу Закону!»

С учетом используемой при формулировании текста присяги оценочной лексики определить положения, устанавливающие порядок и правила выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав сотрудника органов внутренних дел, достаточно сложно. Но наиболее очевидным представляется текст о соблюдении Конституции РФ и федеральных законов, достойном исполнении служебного долга, возложенных обязанностей по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, об обязанности хранить государственную и служебную тайну.

\* Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. N 8. Ст. 366.

\*\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 15.

\*\*\* Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 марта 2009 г. N 5-В09-13. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

При этом, если учитывать, что порядок и правила выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав сотрудникам органов внутренних дел также устанавливаются законодательством Российской Федерации, Дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, контрактом, множеством приказов и распоряжений МВД России, приказов и распоряжений прямых и непосредственных руководителей (начальников), то выделить соответствующие положения Присяги сотрудника органов внутренних дел представляется невозможным.

Третьей особенностью является использование в Федеральном законе о службе в ОВД самостоятельного понятия нарушения служебной дисциплины, в случае которого на сотрудника органов внутренних дел могут налагаться дисциплинарные взыскания. Определение данного понятия закреплено в ч. 1 ст. 49 Федерального закона о службе в ОВД.

Согласно Федеральному закону о службе в ОВД нарушением служебной дисциплины (дисциплинарным проступком) признается виновное действие (бездействие), выразившееся в нарушении сотрудником органов внутренних дел законодательства Российской Федерации, Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации, должностного регламента (должностной инструкции), правил внутреннего служебного распорядка, либо в несоблюдении запретов и ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел, и требований к служебному поведению, либо в неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательств, предусмотренных контрактом, служебных обязанностей, приказов и распоряжений прямых руководителей (начальников) и непосредственного руководителя (начальника) при выполнении основных обязанностей и реализации предоставленных прав.

Таким образом, несмотря на схожесть определений понятий «служебная дисциплина» и «нарушение служебной дисциплины (дисциплинарный проступок)», сформулированных в Федеральном законе о службе в ОВД, в последнем отсутствует указание на несоблюдение присяги сотрудником органов внутренних дел. В связи с этим возникает правовая неопре-

деленность в вопросе о возможности привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел за несоблюдение (нарушение) присяги.

С одной стороны, положения присяги являются элементом служебной дисциплины в органах внутренних дел и согласно ч. 2 ст. 47 Федерального закона о службе в ОВД в целях ее обеспечения и укрепления к сотруднику органов внутренних дел могут применяться меры поощрения и на него могут налагаться дисциплинарные взыскания. С другой стороны, в соответствии с ч. 1 ст. 50 Федерального закона о службе в ОВД дисциплинарные взыскания на сотрудника органов внутренних дел налагаются в случае нарушения служебной дисциплины, однако понятие нарушения служебной дисциплины не предусматривает несоблюдение сотрудником органов внутренних дел присяги.

Следует отметить, что подобной неопределенностью отличаются и федеральные законы, определяющие прохождение иных видов государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере, например: от 23 мая 2016 г. N 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 46)\*, от 1 октября 2019 г. N 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 45)\*\*.

Федеральный закон от 21 июля 1997 г. N 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации»\*\*\* и Дисциплинарный устав таможенной службы Российской Федерации\*\*\*\* не содержат положений, относящих присягу сотрудника таможенного органа к служебной дисциплине.

\* См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 22. Ст. 3089.

\*\* См.: Там же. 2019. N 40. Ст. 548.

\*\*\* См.: Там же. 1997. N 30. Ст. 3586.

\*\*\*\* См.: Об утверждении Дисциплинарного устава таможенной службы Российской Федерации: указ Президента РФ от 16 ноября. 1998 г. N 1396 // Там же. 1998. N 47. Ст. 5742.

Интерес при изучении данного вопроса представляет военная служба. В соответствии с Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил РФ воинская дисциплина обязывает каждого военнослужащего быть верным Военной присяге (обязательству), строго соблюдать Конституцию Российской Федерации, законы Российской Федерации, требования общевоинских уставов и др. Военнослужащие привлекаются к дисциплинарной ответственности за дисциплинарный проступок, то есть противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины, который в соответствии с законодательством Российской Федерации не влечет за собой уголовной или административной ответственности (пп. 3, 47)\*.

Анализ ч. 1 ст. 50 Федерального закона о службе ОВД, как представляется, не исключает возможности привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудника органов внутренних дел за нарушение (несоблюдение) присяги. В соответствии с указанной нормой на сотрудника органов внутренних дел могут налагаться дисциплинарные взыскания не только в случае нарушения им служебной дисциплины, но и в иных случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом. Вместе с тем существующая правовая

\* Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 нояб. 2007 г. N 1495 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 47. Ст. 5749.

неопределенность в признании нарушения сотрудником органов внутренних дел присяги в качестве основания дисциплинарной ответственности привела к отсутствию данной практики.

### Вывод

В связи с вышеизложенным предлагается внесение следующего изменения в Федеральный закон о службе в ОВД. Часть первую ст. 49 следует изложить в новой редакции:

«Нарушением служебной дисциплины (дисциплинарным проступком) признается виновное действие (бездействие), выразившееся в нарушении сотрудником органов внутренних дел законодательства Российской Федерации, Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации, должностного регламента (должностной инструкции), правил внутреннего служебного распорядка федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения, либо в несоблюдении запретов и ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел, и требований к служебному поведению, либо в неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательств, предусмотренных контрактом, служебных обязанностей, приказов и распоряжений прямых руководителей (начальников) и непосредственного руководителя (начальника) при выполнении основных обязанностей и реализации предоставленных прав.

### Список источников

1. Комментарий к Федеральному закону от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / В.А. Галкин, Ю.В. Егоров, Н.С. Манова, Е.А. Николаева; под ред. С.А. Денисова. 2012. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Чимаров С.Ю., Бялт В.С. Формирование верности присяге как направление воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел Российской Федерации // Вопросы педагогики. 2021. N 9. С. 133-135.
3. Русакова Н.Г. Присяга как общеправовой феномен: монография. Нижний Новгород, 2010. 119 с.
4. Стариков Ю.Н. Государственная служба в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. 456 с.
5. Щукин А.В. О некоторых особенностях начального периода военной службы иностранных граждан в Вооруженных Силах РФ // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2010. N 3. С. 21-24.
6. Кукушкин Е.В., Зуйков А.В. О конституционно-правовом смысле присяги Президента Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. N 22. С. 28-34.
7. Комментарий к Федеральному закону «Об обороне» (постатейный) / А.С. Герасимов, С.В. Корнишин, А.В. Кудашкин [и др.]. Москва: За права военнослужащих, 2002. 336 с. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

### References

1. Galkin V.A., Egorov Yu.V., Manova N.S., Nikolaev E.A. Commentary on the Federal Law of November 30, 2011 No. 342-FZ "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". 2012. Available at the reference-legal system "Garant". (In Russ.).
2. Chimarov S.Yu., Byalt V.S. Formation of fidelity to the oath as a direction of educational work with the personnel of the internal affairs bodies of the Russian Federation. *Questions of Pedagogy*, 2021, no. 9, pp. 133-135. (In Russ.).
3. Rusakova N.G. Oath as a general legal phenomenon. Nizhny Novgorod, 2010. 119 p. (In Russ.).
4. Starilov Yu.N. Public service in the Russian Federation: theoretical and legal research. Voronezh, Publishing House of the Voronezh University, 1996. 456 p. (In Russ.).
5. Shchukin A.V. On some features of the initial period of military service of foreign citizens in the Armed Forces of the Russian Federation. *Law in the Armed Forces – military legal review*, 2010, no. 3, pp. 21-24. (In Russ.).
6. Kukushkin E.V., Zuykov A.V. On the constitutional and legal meaning of the oath of the President of the Russian Federation. *Constitutional and municipal law*, 2009, no. 22, pp. 28-34. (In Russ.).
7. Gerasimov A.S., Kornishin S.V., Kudashkin A.V. [i dr.]. Commentary on the Federal Law "On Defense" (item-by-article). Moscow, 2002. 336 p. Available at the reference-legal system "Garant". (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.2

## Органы внутренних дел (полиция) и их должностные лица в системе субъектов квалификации административных правонарушений

**Снежана Геннадьевна Денисенко,**

кандидат юридических наук, Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Краснодар, Россия, [denisenkosg@list.ru](mailto:denisenkosg@list.ru), <https://orcid.org/0000-0002-7125-5006>

**Аннотация.** В статье рассмотрены не освещавшиеся ранее в научной литературе вопросы, раскрывающие особую роль и место органов внутренних дел (полиции) в системе субъектов квалификации административных правонарушений. Констатируется, что среди федеральных органов исполнительной власти только органы внутренних дел (полиция) одновременно являются элементами двух разноуровневых систем, одна из которых объединяет должностных лиц, осуществляющих квалификацию административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ, вторая – предусмотренных законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. Проведенное исследование, основанное на анализе действующего административно-деликтного законодательства (федерального и субъектов Южного федерального округа Российской Федерации) и результатах анкетирования сотрудников, проходящих службу в подразделениях полиции, осуществляющих административно-юрисдикционную деятельность, позволило выявить факторы, влияющие на качественную составляющую квалификации административных правонарушений.

**Ключевые слова:** законодательство об административных правонарушениях, квалификация административных правонарушений, органы внутренних дел (полиция), административно-юрисдикционная деятельность

*Для цитирования:* Денисенко С.Г. Органы внутренних дел (полиция) и их должностные лица в системе субъектов квалификации административных правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4 (62). С. 32-38.

## Internal affairs bodies (police) and their officials in the system of subjects of administrative offenses' qualification

**Snezhana G. Denisenko,**

Candidate of Legal Sciences, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, [denisenkosg@list.ru](mailto:denisenkosg@list.ru), <https://orcid.org/0000-0002-7125-5006>

**Abstract.** The issues, not previously covered in the scientific literature, revealing the special role and place of the internal affairs bodies (police) in the system of subjects of administrative offenses' qualification, are provided. It is shown that among the federal executive authorities only the internal affairs bodies (the police) are regarded as elements of two multilevel systems: the first unites officials, qualifying the administrative offenses, provided for by the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the second system unites the officials, qualifying the administrative offenses, provided for by the laws of the subjects of the Russian Federation on administrative offenses. The study, based on the analysis of both the current administrative and tort legislation (federal and subjects of the Southern Federal District of the Russian Federation) and the results of a survey of the internal affairs bodies' officers, serving in police units engaged in administrative and jurisdictional activities, reveals the factors influencing the qualitative component of the administrative offenses' qualification.

**Keywords:** legislation on administrative offenses, qualification of administrative offenses, internal affairs bodies (police), administrative and jurisdictional activities

*For citation:* Denisenko S.G. Internal affairs bodies (police) and their officials in the system of subjects of administrative offenses' qualification // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 4 (62). P. 32-38.

### Введение

Осуществляя административно-юрисдикционную деятельность, органы внутренних дел (полиция) и их должностные лица выступают обязательной стороной административно-деликтных отношений, наделенной государственно-властными полномочиями в производстве по делам об административных правонарушениях. Универсальная юрисдикция должностных лиц полиции распространяется на все стадии производства по делам об административных правонарушениях. На каждой из этих стадий (за исключением стадии исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях) осуществляется квалификация административных правонарушений.

Особая роль органов внутренних дел (полиции) в производстве по делам об административных правонарушениях определяется и тем, что к их подведомственности отнесено наибольшее в сравнении с иными органами, осуществляющими административно-юрисдикционную деятельность, количество составов административных правонарушений, дела по которым они уполномочены рассматривать\*, либо по которым они уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях\*\*. Кроме того, именно органы внутренних дел (полиция) отличаются самым большим перечнем должностных лиц, наделенных правомочиями по квалификации административных правонарушений\*\*\*. Наряду с этим анализ региональных законов об административных правонарушениях свидетельствует о том, что в большинстве субъектов Российской Федерации органы внутренних дел (по-

лиция) наделяются правом составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Указанные обстоятельства актуализируют постановку и исследование вопроса о месте и роли органов внутренних дел (полиции) и их должностных лиц в системе субъектов квалификации административных правонарушений.

### Описание исследования

В юридической литературе представлено значительное количество научных работ, прямо либо косвенно затрагивающих вопросы осуществления производства по делам об административных правонарушениях органами внутренних дел. Так, самостоятельному изучению было подвергнуто содержание стадий производства по делам об административных правонарушениях в органах внутренних дел [1], на монографическом уровне глубоко и всесторонне исследованы вопросы теории и практики производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел [2]. Достаточно активно изучались вопросы частного характера, например касающиеся производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения [3], об особенностях осуществления производства по делам об административных правонарушениях участковыми уполномоченными полиции [4], об особенностях возбуждения полицией дел об административных правонарушениях, совершаемых в сети Интернет [5]. Наряду с этим внимание было уделено вопросам квалификации отдельных составов административных правонарушений, по которым сотрудники органов внутренних дел наделены правомочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях [6; 7].

Исследователями обращено внимание на то, что органами внутренних дел выявляется и рассматривается основная часть совершаемых в Российской Федерации административных правонарушений [1, с. 4]. В целом можно согласиться с подобным утверждением, но с некоторыми сомнениями в справедливости второй его части, касающейся количества рассматри-

\* См.: Статьи 23.3-23.5, 23.7-23.15, 23.21-23.31, 23.33-23.40, 23.42-23.46, 23.48-23.53, 23.55-23.62, 23.64, 23.66, 23.68, 23.69, 23.71, 23.74, 23.76-23.79, 23.79.2-23.94 КоАП РФ.

\*\* См.: Части 1-3 ст. 28.3 КоАП РФ.

\*\*\* См.: О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание: приказ МВД России от 30 авг. 2017 г. N 685: ред. от 27 авг. 2021 г. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

ваемых ими дел об административных правонарушениях. Представляется, что наибольшее количество дел об административных правонарушениях рассматривается все же мировыми судьями и федеральными судами общей юрисдикции. Например, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2020 году в суды первой инстанции поступило 7 535 090 дел об административных правонарушениях (по количеству лиц), и за этот же период ими рассмотрено 7 401 360 дел\*.

Но если речь идет о количестве дел об административных правонарушениях, рассматриваемых во внесудебном порядке, то приоритет органов внутренних дел (полиции) по данному показателю будет очевидным. Такой вывод следует из объема закрепленных за ними в КоАП РФ административно-юрисдикционных полномочий. Так, органы внутренних дел (полиция) уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях, составы которых включены в 10 из 17 глав Особенной части КоАП РФ (главы 6, 8, 10-14, 18-20). Наряду с этим должностные лица органов внутренних дел наделены правом составлять протоколы об административных правонарушениях, составы которых включены в 15 из 17 глав (главы 5-15, 17-20), то есть во все главы Особенной части КоАП РФ, за исключением административных правонарушений в области таможенного дела (глава 16 КоАП РФ) и воинского учета (глава 21 КоАП РФ).

Исключительная роль органов внутренних дел (полиции) в системе субъектов квалификации административных правонарушений заключается и в том, что именно их должностные лица осуществляют предварительную квалификацию административных правонарушений, за совершение которых могут быть назначены наиболее суровые административные на-

казания. В качестве примера можно привести административный арест, назначение которого предусмотрено КоАП РФ в 27 составах административных правонарушений, посягающих на права несовершеннолетних (ч. 3 ст. 5.35), здоровье и общественную нравственность (ст.ст. 6.8, 6.9, 6.12, ч. 2 ст. 6.13), собственность (ст. 7.27), порядок культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (ст. 10.5.1), безопасность движения на транспорте (ч. 1 ст. 11.1, ч. 6 ст. 11.17), правонарушений в области дорожного движения (ч. 2 ст. 12.7, ч. 3 ст. 12.8, ч. 2 ст. 12.26, ч. 2 ст. 12.27), посягающих на установленный порядок деятельности судов (ч. 1 ст. 17.3), правонарушений в области защиты государственной границы (ст. 18.7), против порядка управления (ст. 19.3, ч. 1 ст. 19.24), посягающих на общественный порядок и общественную безопасность (ст. 20.1, ч. 3 ст. 20.2, ч. 1 ст. 20.3, ст. 20.5, ч. 3 ст. 20.2, ч. 6 ст. 20.8, ст. 20.18, ст. 20.21, ст. 20.25, ч. 3 ст. 20.27, ст. 20.29).

В отличие от квалификации преступлений, составы которых могут сохраняться лишь в одном федеральном законе – Уголовном кодексе Российской Федерации, квалификации подлежат административные правонарушения, предусмотренные не только Особенной частью КоАП РФ, но и законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях\*\*, что обуславливает двухуровневый характер административно-деликтного законодательства.

При этом из федеральных органов исполнительной власти только органы внутренних дел (полиция) относятся к субъектам, которым предоставлено право осуществлять квалификацию административных правонарушений, предусмотренных административно-деликтным законодательством как на федеральном, так и на региональном уровне.

Сотрудники органов внутренних дел (полиции) наделяются полномочиями по

\* См.: Раздел 1. Результаты рассмотрения дел об административных правонарушениях по 1 инстанции (по числу лиц). Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://cdep.ru>

\*\* В соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации административное и административно-процессуальное законодательство относится к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

составлению протоколов по отдельным составам административных правонарушений, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, но лишь в том случае, если передача этих полномочий урегулирована соглашением между МВД России и правительством субъекта Российской Федерации о передаче осуществления части полномочий субъекта Российской Федерации.

Анализ законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях свидетельствует о том, что в соответствии с данными законами сотрудники органов внутренних дел (полиции) вправе составлять протоколы об административных правонарушениях по достаточно ограниченному количеству составов.

Так, в Республике Дагестан данное правомочие органов внутренних дел распространяется только на административные правонарушения, предусмотренные одной статьей (ст. 3.12)\*, двумя статьями – в Краснодарском крае (ст.ст. 2.3, 3.3)\*\* и Республике Крым (ст.ст. 2.1, 7.2)\*\*\*, в Республике Ингушетия (ст.ст. 3, 4)\*\*\*\*, тремя статьями в Кабардино-Балкарской Республике (ст.ст. 4.4, 4.5, 4.13)\*\*\*\*\*, четырьмя статьями в Республике Адыгея (ст.ст. 22,

23, 24, 27(2)\*\*\*\*\*, Чеченской Республике (ст.ст. 6, 8-10)\*\*\*\*\*, Ставропольском крае (ст.ст. 2.1, 2.2, 2.5, 2.6)\*\*\*\*\*.

И только в Карачаево-Черкесской Республике сотрудникам органов внутренних дел (полиции) предоставлено право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных двенадцатью статьями регионального закона (ст.ст. 11.1-2 – 11.1-13)\*\*\*\*\*.

Выбор вышеназванных девяти субъектов Российской Федерации для анализа регионального административно-деликтного законодательства обусловлен тем, что сотрудники органов внутренних дел (полиции) именно этих регионов проходят обучение в Краснодарском университете МВД России на заочном факультете и факультете переподготовки и повышения квалификации, что позволило нам изучить их мнение по проблемам квалификации административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ и законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Анкетирование проводилось в 2020-2022 годах среди сотрудников органов внутренних дел, проходящих службу в подразделениях полиции, осуществляющих административно-юрисдикционную деятельность. Было проанкетировано 337 человек, для репрезентативности отобрано 325 анкет.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что причинами, осложняющими предварительную квалификацию административных правонарушений, могут выступать различные обстоятельства, в том числе уровень нормативного правового акта, в котором закреплены

\* Кодекс Республики Дагестан об административных правонарушениях: закон Республики Дагестан от 13 янв. 2015 г. N 1: ред. от 23 нояб. 2022 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru>

\*\* Об административных правонарушениях: закон Краснодарского края от 23 июля 2003 г. N 608-КЗ: ред. от 10 окт. 2022 г. // Там же.

\*\*\* Об административных правонарушениях в Республике Крым: закон Республики Крым от 25 июня 2015 г. N 117-ЗПК/2015: ред. от 29 сент. 2022 г. // Там же.

\*\*\*\* Об административной ответственности за совершение отдельных правонарушений на территории Республики Ингушетия: закон Республики Ингушетия от 7 дек. 2010 г. N 60-ПЗ // Там же.

\*\*\*\*\* Кодекс Кабардино-Балкарской Республики об административных правонарушениях от 22 июля 2003 г. N 66-ПЗ: ред. от 29 сент. 2022 г. // Там же.

\*\*\*\*\* Об административных правонарушениях: закон Республики Адыгея от 19 апр. 2004 г. N 215: ред. от 2 нояб. 2022 г. // Там же.

\*\*\*\*\* Об административных правонарушениях: закон Чеченской Республики от 8 мая 2008 г. N 17-ПЗ: ред. от 21 июня 2021 г. // Там же.

\*\*\*\*\* Об административных правонарушениях в Ставропольском крае: закон Ставропольского края от 10 апр. 2008 г. N 20-кз: ред. от 1 нояб. 2022 г. // Там же.

\*\*\*\*\* Об административных правонарушениях: закон Карачаево-Черкесской Республики от 11 апр. 2005 г. N 40-ПЗ: ред. от 11 марта 2022 г. // Там же.

составы административных правонарушений. Так, по мнению большинства опрошенных сотрудников органов внутренних дел (264 человека, 81,2 %), более сложной им представляется квалификация административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ, нежели предусмотренных законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. При этом основным аргументом в пользу такого мнения названо то обстоятельство, что органам внутренних дел предоставлены полномочия по составлению протоколов по небольшому количеству составов административных правонарушений, содержащихся в законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, и это существенно упрощает их квалификацию. На это основание указали 226 человек (69,5 % от общего количества опрошенных).

Кроме того, прослеживается зависимость между сложностью предварительной квалификации административных правонарушений и их включением в сферу организационно-правового воздействия органов внутренних дел. Таковыми, по мнению В.В. Денисенко, являются административные правонарушения, которые напрямую влияют на преступность и отнесены к подведомственности органов внутренних дел [8, с. 68-69]. В частности, наименьшую сложность у сотрудников органов внутренних дел вызывает предварительная квалификация административных правонарушений, по которым им предоставлено право не только составлять протоколы об административных правонарушениях, но и рассматривать дела по ним (283 человека, 87,1 %). Примерно такие же результаты были получены и по категории дел, которые отнесены по подведомственности к органам внутренних дел, но могут быть переданы ими на рассмотрение судьи (254 человека, 78,2 %).

Более сложной представляется предварительная квалификация административных правонарушений, по которым органы внутренних дел наделены полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях, но одновременно относящихся к исключительной подведомственности судей. Такого мнения придерживается пример-

но половина респондентов (181 человек, 55,7 %). При этом почти 2/3 респондентов (219 человек, 67,4 %) ответили, что наибольшие затруднения у них вызывает предварительная квалификация административных правонарушений, по которым органы внутренних дел наделены полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях, но одновременно относящихся к подведомственности других административно-юрисдикционных органов.

Подобные ответы согласуются с ответами респондентов на вопрос о том, какие основания для составления протокола об административном правонарушении и его предварительной квалификации вызывают у них наименьшие затруднения. По результатам анкетирования установлено, что с минимальными сложностями связано непосредственное обнаружение сотрудником органов внутренних дел данных, указывающих на событие административного правонарушения (274 человека, 84,3 %). Прежде всего это относится к административным правонарушениям, выявление которых сопряжено с возложенными на сотрудников должностными обязанностями.

Проведенное анкетирование также позволило ранжировать сложность предварительной квалификации административных правонарушений, информация о которых получена из других источников. По мере возрастания сложности названы случаи получения соответствующих материалов из других правоохранительных органов (81 человек, 24,9 %), из органов публичной власти (105 человек, 32,3 %), из общественных объединений (11 человек, 34,8 %). Наибольшую сложность вызывают случаи предварительной квалификации административных правонарушений, которую приходится осуществлять на основании сообщений физических и юридических лиц, а также сообщений средств массовой информации (144 человека, 44,3 %).

### **Заключение**

Органы внутренних дел являются основным субъектом, наделенным государственно-властными полномочиями в административно-деликтных отношениях, что обуславливает наличие у них полномочий по квалификации наибольшего в

сравнении с иными органами административной юрисдикции количества составов административных правонарушений, универсальной подведомственности дел об административных правонарушениях, а также наиболее широкого перечня должностей сотрудников, уполномоченных осуществлять квалификацию административных правонарушений, и, как следствие, наибольшего количества выявленных и задокументированных фактов совершения административных правонарушений.

При этом особая роль органов внутренних дел в административно-деликтных отношениях подчеркивается тем, что они одновременно являются элементами двух разноуровневых систем, одна из которых объединяет субъектов, осуществляющих квалификацию административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ, другая — установленных законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Проведенное исследование, основанное на анализе действующего административно-деликтного законодательства и изучении мнения сотрудников органов внутренних дел о практике его применения, позволило выявить факторы, влияющие на качество квалификации ими административных правонарушений.

Наименьшие затруднения у сотрудников органов внутренних дел (полиции) вызывает предварительная квалификация административных правонарушений, которые могут быть отнесены к сфере их организационно-правового воздействия, то есть правонарушений, в отношении которых они обладают наибольшими полномочиями, включая составление протоколов об административных правонарушениях и рассмотрение по ним дел.

Также не вызывает сложности предварительная квалификация административных правонарушений, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, ввиду незначительного количества составов административных правонарушений, по которым они наделяются полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях.

Еще одним критерием, который приводится в качестве условия, снижающего сложность квалификации административных правонарушений, выступает фактор непосредственного обнаружения сотрудником органов внутренних дел (полиции) данных о событии административного правонарушения, выявление которого сопряжено с возложенными на него должностными обязанностями.

#### Список источников

1. Дорохин В.В. Производство по делам об административных правонарушениях, осуществляемое органами внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 168 с.
2. Цуканов Н.Н. Вопросы теории и практики производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого органами внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2011. 380 с.
3. Кошелкин С.Ю. Производство по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 219 с.
4. Кучмезов Р.Н. Особенности осуществления производства по делам об административных правонарушениях участковым уполномоченным полиции в курортном регионе // Общество и право. 2016. N 1. С. 253-257.
5. Новгородов Д.А. Особенности возбуждения полицией дел об административных правонарушениях, совершаемых в сети Интернет // Административное право и практика администрирования. 2020. N 2. С. 21-26.
6. Труфанов М.Е., Техов Д.Н. Проблемы квалификации состава административного правонарушения и доказывания вины по ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. N 1. С. 68-72.
7. Рыдченко К.Д., Капранова Ю.В. Особенности квалификации и документирования сотрудниками полиции самовольного подключения к электросетям и самовольного (безучетного) использования электроэнергии // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. N 4. С. 71-78.
8. Денисенко В.В. Административная деликтность, средства воздействия на нее и их оценка. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический ин-т МВД России, 1999. 183 с.

#### References

1. Dorokhin V.V. Proceedings on cases of administrative offenses carried out by internal affairs bodies. Cand. Diss. Moscow, 2006. 168 p. (In Russ.).

2. Tsukanov N.N. Questions of theory and practice of proceedings in cases of administrative offenses carried out by internal affairs bodies. Doct. Diss. Chelyabinsk, 2011. 380 p. (In Russ.).
3. Koshelkin S.Yu. Proceedings on cases of administrative offenses in the field of traffic. Cand. Diss. Moscow, 2009. 219 p. (In Russ.).
4. Kuchmezov R.N. Features of the implementation of proceedings on cases of administrative offenses by the district police commissioner in the resort region. *Society and Law*, 2016, no. 1, pp. 253-257. (In Russ.).
5. Novgorodov D.A. Features of initiation by the police of cases of administrative offenses committed on the Internet. *Administrative law and practice of administration*, 2020, no. 2, pp. 21-26. (In Russ.).
6. Trufanov M.E., Tekhov D.N. Problems of qualifying the composition of an administrative offense and proving guilt under Art. 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 1, pp. 68-72. (In Russ.).
7. Rydchenko K.D., Kapranova Yu.V. Features of qualification and documentation by police officers of unauthorized connection to power grids and unauthorized (unaccounted) use of electricity. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin*, 2021, no. 4, pp. 71-78. (In Russ.).
8. Denisenko V.V. Administrative delinquency, means of influence on it and their assessment. Rostov-on-Don, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1999. 183 p. (In Russ.).

### Раздел 3. Уголовно-процессуальное обозрение

Научная специальность: 5.1.4

#### Проблемы обоснованности и мотивированности решений о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон

**Виктор Вадимович Мишин,**

Заозерский гарнизонный военный суд, Заозерск, Россия, Spiro94@yandex.ru

**Аннотация.** Автором предпринят анализ проблем обоснованности и мотивированности применения статьи 25 УПК РФ с точки зрения ответа на вопрос о том, являются ли предусмотренные в ней основания и условия достаточными для принятия решения о прекращении уголовного дела. В статье указывается на различие подходов при принятии судьями решений о возможности или невозможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Отмечается, что самим фактом принятия решения о прекращении уголовного дела по статье 25 УПК РФ констатируется доказанность события преступления и его совершения конкретным лицом, что не может иметь места, если речь идет о подозреваемом в совершении преступления. Кроме того, по мнению автора, без учета данных о личности лица, совершившего преступление, даже при наличии всех остальных предусмотренных законом условий, затруднительно определить, действительно ли возможно его исправление без назначения наказания. Предлагается дополнить статью 25 УПК РФ условием об учете данных о личности обвиняемого, что позволит сделать перечень оснований ее применения исчерпывающим, а также отразить возможность применения указанной нормы только к обвиняемому.

**Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, примирение сторон, прекращение уголовного дела, обоснованность, мотивированность

*Для цитирования:* Мишин В.В. Проблемы обоснованности и мотивированности решений о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4 (62). С. 39-47.

#### Problems of validity and motivation of the decisions concerning the termination of a criminal case due to the reconciliation of the parties

**Viktor V. Mishin,**

Zaozersk Garrison Military Court, Zaozersk, Russia, Spiro94@yandex.ru

**Abstract.** The author of the article analyzes the problems of validity and motivation of applying Article 25 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of resolving the issue of whether the grounds and conditions specified in it are sufficient for making a decision to terminate a criminal case. It is pointed out that there are different approaches used by the judges while making the decisions concerning the possibility or impossibility of terminating a criminal case due to the reconciliation of the parties. It is noted that the very fact of making the decision to terminate a criminal case under Article 25 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation states the fact that the elements of crime are proved and the crime is committed by a specific person, which is not the case if a person is suspected of committing the crime. According to the author's opinion, it is difficult to understand whether it is really possible to rehabilitate the person who has committed the crime without imposing punishment if personal data is not taken into account, even in case all other conditions provided by law are met. It is proposed to amend Article 25 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by the provision for the need to take into the account the personal data of the accused. This will make the list of grounds for the application of this article exhaustive, as well as reflect the possibility of applying this rule only to the accused.

**Keywords:** criminal proceedings, reconciliation of the parties, termination of a criminal case, validity, motivation

*For citation:* Mishin V.V. Problems of validity and motivation of the decisions concerning the termination of a criminal case due to the reconciliation of the parties // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 4 (62). P. 39-47.

Уголовное судопроизводство способно выполнить свое назначение лишь при строгом и неукоснительном соблюдении правовых принципов. Неслучайно ст. 6 УПК РФ, в которой раскрывается назначение уголовного судопроизводства, размещена именно в главе, посвященной его принципам. Определяющим принципом, безусловно, является принцип законности.

Между тем в уголовно-процессуальном законе в системе принципов первым расположен не принцип законности, а принцип разумного срока уголовного судопроизводства. Но если учитывать, что принципы позволяют оценить правовую реальность с точки зрения ее соответствия определенным ценностям, то в иерархии ценностей, охраняемых уголовно-процессуальным законом, основополагающим значением обладает именно законность, являющаяся не только общим принципом реального действия права для всех его отраслей, но и основным критерием при определении эффективности и качества уголовного судопроизводства. Соответственно, при рассмотрении соотношения указанных принципов не возникает сомнений в том, что именно ему принадлежит определяющая роль. При этом необходимыми элементами принципа законности в уголовном судопроизводстве являются требования обоснованности и мотивированности, предъявляемые к выносимым процессуальным решениям.

В связи с этим следует отметить, что наличие в уголовно-процессуальном законе положений о возможности применения согласительных процедур (ст.ст. 25, 28, 28.1, главы 40 и 40.1 УПК РФ), основанных на компромиссе между стороной обвинения и стороной защиты и, как следствие, предполагающих их взаимное согласие по поводу хода и результата уголовного судопроизводства, безусловно, отвечает требованиям принципа разумности его срока, поскольку влечет существенное упрощение и ускорение производства по уголовному делу. Наличие согласительных процедур отвечает также и таким целям развития

судебной системы, как повышение уровня доступности правосудия и оптимизации нагрузки на судебные органы\*.

Однако любое упрощение или ускорение порядка производства по уголовному делу чревато ущемлением законных прав и интересов как потерпевшего, так и подозреваемого (обвиняемого). Совершенствование же уголовно-процессуального законодательства и практики его применения должно иметь своей целью обеспечение конституционных гарантий осуществления прав личности, повышение степени доверия граждан к суду. По этой причине принятие уполномоченным должностным лицом решения о возможности применения в каждом конкретном случае согласительной процедуры, прежде всего, должно соответствовать принципу законности и вытекающим из него требованиям обоснованности и мотивированности. В связи с этим с теоретической стороны представляется важным правильное определение содержания категорий «обоснованность» и «мотивированность» процессуальных решений в уголовном судопроизводстве, а также объективных критериев, позволяющих оценить принимаемые по уголовным делам решения о возможности применения согласительных процедур как обоснованные и мотивированные. Судить о том, что принимаемое процессуальное решение обладает такими свойствами, можно только при учете всех предусмотренных законом оснований и условий применения каждой из согласительных процедур. Тем не менее на современном этапе доктринальный подход к вопросу о достаточности определенных в законе оснований применения согласительных процедур является неоднознач-

\* О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы»: постановление Правительства Российской Федерации от 27 дек. 2012 г. N 1406: ред. от 25 дек. 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 1. Ст. 13; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

ным. Этим обусловлена потребность обращения к их рассмотрению и тщательному научному анализу.

В частности, значимые преимущества прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, по сравнению с общим порядком производства по уголовному делу, сопряжены с неотсроченным во времени устранением последствий совершенного преступления, восстановлением социальной справедливости, а также с экономией уголовно-процессуальных ресурсов.

Действительно, несмотря на то, что закон предусматривает право потерпевшего на предъявление гражданского иска о возмещении явившегося следствием совершенного в отношении его преступления имущественного и морального вреда, такое возмещение предполагает довольно затратную по времени процедуру и непосредственно зависит от материального положения лица, совершившего преступление. В связи с этим одно из несомненных преимуществ института примирения сторон, самым ближайшим последствием применения которого является возмещение потерпевшему вреда, — это проявление уголовно-правовых принципов гуманизма и справедливости, содержанием которых, по справедливому мнению ученых, охватывается требование о восстановлении прав и свобод потерпевшего, нарушенных преступлением [1, с. 117].

Казалось бы, содержание ст. 25 УПК РФ является вполне конкретным, тем не менее вопросы ее применения вызывают непрекращающиеся на протяжении длительного времени дискуссии среди ученых и практиков. Так, по мнению многих ученых, механизм применения регулирующей данный институт нормы не обрел достаточно четких форм. В частности, критически оценивается формулировка ст. 25 УПК РФ в связи с тем, что данная норма, по сути, представляет собой простой перенос нормы материального права, повторяя содержание ст. 76 УК РФ. Между тем все основания прекращения уголовного дела должны быть предусмотрены процессуальным законом, поэтому ссылка при прекращении уголовного дела только на материальный закон не отвечает процессуальным требованиям.

Л.М. Володина, кроме этого, справедливо указывает, что для процессуального права необходимо не только законодательное закрепление оснований для прекращения производства по делу, но и четкое определение процедурных правил его осуществления. Однако в УПК РФ регламентация самой процедуры примирения сторон отсутствует, в силу чего правоприменителю приходится нарабатывать «свои процессуальные формы» [2, с. 339-340].

Следует подчеркнуть, что наличие четко и однозначно воспринимаемого правоприменителем механизма регулирования института примирения сторон самым непосредственным образом связано с оценкой обоснованности и мотивированности принимаемых в рамках данного института процессуальных решений, а значит, и с их законностью. В связи с этим любое процессуальное решение в ходе производства по уголовному делу должно приниматься и при соблюдении тех условий, которые для этого решения предусмотрены уголовно-процессуальным законом [3, с. 241].

Между тем И.Ю. Панькина считает абсурдным наличие в уголовно-процессуальном законе такого условия, являющегося самостоятельным основанием применения ст. 25 УПК РФ, как наличие заявления потерпевшего, поскольку, во-первых, данное основание не содержит ст. 76 УК РФ и, во-вторых, факт примирения, по ее мнению, и без этого является объективным [4, с. 253-254].

На наш взгляд, с данной позицией нельзя согласиться, так как сама процедура примирения не может иметь места без доброй воли потерпевшего, выраженной в его заявлении, в котором удостоверен факт заглаживания причиненного ему вреда. Последний, как правило, подтверждается возмещением ущерба, производимым посредством восстановления (ремонта) поврежденного имущества, а в случае невозможности этого — посредством приобретения аналогичного имущества или возмещения его стоимости. Возмещение нематериального вреда может выражаться в принесении извинений потерпевшему. Судить о реальности возмещения вреда позволяет оформление этого факта, например, распиской потерпевшего. Од-

нако могут быть и другие формы, например платежные документы, подтверждающие возмещение стоимости похищенного, фотографии имущества, предоставленного взамен утраченного, и т.д.

Кроме этого, следует подчеркнуть, что условия возникновения отношений, регламентируемых ст. 25 УПК РФ, касающиеся определения категории преступления и его совершения лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, предполагают доказанность органами предварительного расследования факта совершения лицом деяния, которое содержит признаки конкретного состава преступления. Именно исходя из того, что примирение сторон и заглаживание вреда является нереабилитирующим основанием прекращения уголовного дела, уголовно-процессуальным законом установлено положение, согласно которому при решении данного вопроса необходимо получение на это согласия лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, поскольку, несмотря на прекращение уголовного дела, лицо считается совершившим преступление. В связи с этим перечисленные в ст. 25 УПК РФ властные субъекты уголовного судопроизводства самими фактом принятия решения о прекращении уголовного дела по данному основанию констатируют доказанность события преступления и его совершение конкретным лицом, а также возможность достижения целей уголовного судопроизводства без реализации в отношении этого лица уголовной ответственности.

Представляется, что такая констатация не может иметь места, если речь идет лишь о подозреваемом в совершении преступления. Как справедливо в связи с этим отмечает Л.М. Володина, сама постановка вопроса о примирении сторон и его разрешение могут иметь место лишь после того, как лицу предъявлено обвинение. По правомерному мнению указанного автора, такой вывод следует из предписаний ст. 73 УПК РФ. Это во-первых. Во-вторых, отразить с достаточной полнотой, какое именно деяние инкриминируется лицу и каков размер вреда, причиненного этим деянием, возможно только в акте обвинения. И, наконец, такой подход является более предпочтительным с позиции соблю-

дения прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование [2, с. 350].

Думается, что, помимо этого, возможностью прекращения уголовного дела в отношении лишь подозреваемого в совершении преступления существенным образом затрагиваются и права потерпевшего, поскольку, если речь идет об обвиняемом, то у потерпевшего есть право знать о предъявленном ему обвинении (п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), в том числе и о характере и размере вреда, причиненного ему преступлением (п. 8 ч. 1 ст. 220 и п. 8 ч. 1 ст. 255 УПК РФ). Напротив, в отношении подозреваемого такая информированность потерпевшего невозможна. Следует учесть, что для восстановления социальной справедливости важно, чтобы размер возмещения причиненного преступлением имущественного вреда был действительно соразмерен этому вреду, поскольку обоснованность признания факта его возмещения может вызвать сомнения [5, с. 83].

В связи с этим в отношении лишь подозреваемого в совершении преступления лица ставить вопрос о применении ст. 25 УПК РФ необоснованно\*.

В то же время необходимо уделить внимание такому смягчающему обстоятельству, как признание вины, и его соотношению с понятием «согласие обвиняемого на прекращение уголовного дела (или отсутствие возражений обвиняемого)». Следует отметить наличие острой полемики среди ученых по данному вопросу. Так, многие исследователи придерживаются мнения о том, что самими фактом согласия на примирение лицо подтверждает собственную виновность в совершении преступления, только действительно виновный может просить прощение [см., например: 6, с. 178], якобы первое с необходимостью содержит элемент второго [7, с. 37], при этом признание вины обвиняемым должно иметь место еще до начала примирительного процесса [8, с. 20].

\* Следует указать, что данное положение поддержали лишь 47 % опрошенных, при этом преимущественно представители адвокатского сообщества. Опрос проводился в Оренбургской области в 2021 году, опрошено 162 респондента, в том числе 45 судей, 36 следователей, 18 прокуроров, 45 адвокатов, 18 дознавателей.

Более того, отмечается, что законодатель признание вины предполагает в качестве необходимого условия принятия процессуального решения при применении ст. 25 УПК РФ [9, с. 63-64], поэтому для исключения разночтения данное условие следует отразить в содержании указанной нормы [10, с. 8; 8, с. 20].

По мнению других ученых, признание вины, конечно, желательно, но отнюдь не является обязательным условием примирения сторон. По справедливому утверждению некоторых авторов, признание вины не может и не должно рассматриваться в качестве критерия принятия процессуального решения о правовых последствиях совершенного преступления [11, с. 117].

Действительно, мотивы, по которым обвиняемый выразил согласие на примирение с потерпевшим и заглаживание причиненного преступлением вреда, могут быть весьма многообразны (от искреннего раскаяния до чисто утилитарных соображений [12, с. 130]), поэтому субъективные переживания лица, выразившего согласие на прекращение уголовного дела по ст. 25 УПК РФ, не имеют правового значения и должны быть безразличны для уполномоченного на принятие решения должностного лица. Следует отметить, что по делам частного обвинения при примирении сторон в порядке ч. 2 ст. 20 УПК РФ признание обвиняемым своей вины вообще не имеет значения, поскольку такое решение зависит исключительно от волеизъявления потерпевшего.

Как отмечает в связи с этим И.В. Смолькова, если значимость выяснения мотива у потерпевшего от преступления заключается в установлении того, не имело ли его согласие вынужденный характер, не было ли оно следствием угроз и запугивания со стороны обвиняемого, то по отношению к обвиняемому выяснение его мотивации на согласие на прекращение уголовного дела по данному основанию не имеет никакого практического смысла [13, с. 214].

Думается, что вторая позиция более обоснованна. Тем не менее большая часть опрошенных в этом отношении практических работников (71 %) ответила утвердительно на вопрос о необходимости на-

личия признания вины. Анализ практики также показал, что прекращение или не-прекращение уголовного дела по ст. 25 УПК РФ нередко напрямую зависит от факта признания или непризнания вины обвиняемым.

Так, отказывая в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела по рассматриваемому основанию, суд «принял во внимание, что осужденный К. не признал свою вину в совершении преступления и не раскаялся в содеянном, а в соответствии со ст. 76 УК РФ обязательными условиями освобождения лица от уголовной ответственности являются примирение с потерпевшим и заглаживание причиненного потерпевшему вреда, что подразумевает признание подсудимым своей вины и раскаяние в содеянном»\*.

Представляется, что в приведенном решении отражена произвольная трактовка уголовно-процессуального закона, не опирающаяся на его предписания. Такой вывод подтверждается и толкованием воли законодателя, который не счел необходимым соотносить прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон с признанием обвиняемым своей вины.

Проанализированные в ходе исследования многочисленные примеры принятия судьями решений о возможности или невозможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон указывают на различие подходов судов к рассмотрению данного вопроса, что, на наш взгляд, вряд ли можно оценить как соответствующее принципу справедливости с правовой и моральной позиций. Безусловно, принимая решения, уполномоченные должностные лица должны не только оценивать в каждом конкретном случае их соответствие целям и задачам уголовного судопроизводства, но и отражать мотивировку своей оценки в процессуальных решениях.

Как представляется, мотивировкой принятия решения об отказе в удовлетворении ходатайства потерпевшего о примирении с подозреваемым (обвиняемым) не

\* Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 2009 г. по делу N 2-32/09 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

может и не должен быть содержащийся практически в каждом судебном решении аргумент о том, что удовлетворение такого ходатайства является правом, а не обязанностью суда, если он не находит достаточного обоснования иными доводами.

Например, отказывая в удовлетворении ходатайства потерпевшего Р. о прекращении уголовного дела в отношении К. в связи с примирением сторон, суд первой инстанции принял во внимание, что преступление, в котором обвинялся К., имеет два объекта преступного посягательства — личность, а также общественные отношения — безопасность дорожного движения и эксплуатации транспорта\*.

На наш взгляд, если исходить из правомерности подобного решения, то следует констатировать невозможность прекращения уголовных дел за примирением сторон во всех случаях совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, поскольку в каждом из них двойной объект посягательства, что опровергается судебно-следственной практикой. В связи с этим необходимо признать отсутствие в приведенном примере достаточного обоснования и мотивировки принятого судом решения.

Следует отметить также, что предъявляемым законом требованием обоснованности и мотивированности всех процессуальных решений с необходимостью охватывается и обязанность государственного обвинителя по обоснованию своей позиции в случае возражения против прекращения дела по рассматриваемому основанию. Нередко в обоснование возражений государственными обвинителями приводятся аргументы, прямо противоречащие воле законодателя.

Например, государственный обвинитель — помощник Михайловского межрайонного прокурора Ю.М. Шибитова возражала против прекращения рассматриваемого судом уголовного дела, полагая, что «восстановление социальной справедливости, исправление подсудимого и предупреждение совершения им новых

\* Апелляционное постановление Нижегородского областного суда (Нижегородская область) от 7 нояб. 2018 г. по делу N 22-5891/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

преступлений возможно лишь в случае назначения ему наказания за совершенное преступление»\*\*. По другому уголовному делу гособвинитель возражал против прекращения уголовного дела в отношении подсудимых в связи с примирением с потерпевшим, «поскольку таким образом нарушается принцип неотвратимости наказания»\*\*\*.

Между тем Верховный Суд Российской Федерации высоко оценивает значение применения правового института освобождения от уголовной ответственности. В частности, в постановлении от 27 июня 2013 г. N 19\*\*\*\* Пленумом высшей судебной инстанции даны руководящие разъяснения судам по единообразному применению норм главы 11 УК РФ, регламентирующей анализируемый институт. В пункте 1 данного постановления внимание судов акцентируется на том, что посредством применения указанных норм реализуются принципы справедливости и гуманизма, когда, освобождая лицо от уголовной ответственности, государство при наличии на то законных оснований отказывается от ее реализации.

Кроме этого, соблюдение принципа неотвратимости наказания здесь проявляется в том, что возмещение вреда, как правомерно отмечается некоторыми авторами, можно отнести к виду наказания, поскольку иногда большее воздействие на личность оказывает «наказание через стыд» [4, с. 252].

Необходимо уделить внимание еще одному аспекту, по нашему мнению, непосредственным образом влияющему на обоснованность применения рассматриваемого института. В частности, представ-

\*\* Постановление Михайловского районного суда (Волгоградская область) от 30 окт. 2018 г. по делу N 1-265/2018 // Там же.

\*\*\* Постановление Калачевского районного суда (Волгоградская область) от 30 окт. 2018 г. по делу N 1-129/2018 // Там же.

\*\*\*\* О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 19: ред. от 29 нояб. 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. N 8; 2017. N 1.

ляется очевидным, что без учета данных о личности лица, совершившего преступление, даже при наличии всех остальных оснований, требуемых законом, довольно затруднительным является определение того, действительно ли возможно исправление этого лица без назначения наказания. Исходя из этого полагаем, что включение в формулировку ст. 25 УПК РФ положения о необходимости учета личности обвиняемого может позволить судьям обоснованно и мотивированно отказывать в применении указанной нормы. Следует отметить распространенность такого отказа в судебной практике при наличии отрицательной характеристики обвиняемого (в частности, в связи с его криминальной склонностью), оцениваемого учеными как правомерное явление [9, с. 63-64]. Думается, что дополнение содержания комментируемой нормы таким условием, как учет данных о личности обвиняемого, позволит сделать перечень оснований ее применения исчерпывающим.

Несмотря на то, что положения ст. 25 УПК РФ применимы на любой стадии уголовного дела – как в ходе дознания (следствия), так и в ходе судебного рассмотрения – случаи прекращения дел ввиду примирения сторон на стадии предварительного расследования являются практически единичными. По большей части это объясняется тем, что органы, осуществляющие предварительное расследование, в первую очередь, заинтересованы в положительной статистике направленных в суд дел по раскрытым преступлениям. Но нередко их отказы в удовлетворении заявления потерпевшего о примирении мотивируются исключительно тем, что это право, а не обязанность должностного лица. При этом обжалование решений следователя (дознателя) об отказе в примирении сторон лишено смысла, поскольку, как правило, к моменту рассмотрения такой жалобы дело уже находится на этапе судебного разбирательства, тем самым утрачивается смысл самой просьбы о признании отказа в примирении незаконным.

Между тем установлением права, а не обязанности перечисленных в ст. 25 УПК РФ субъектов на принятие решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон предусматривается

обязательное указание мотивов принятого решения как в случае удовлетворения ходатайства сторон, так и в случае отказа от такового, поскольку любое процессуальное решение уполномоченного лица в силу требований п. 4 ст. 7 УПК РФ должно быть мотивировано.

Кроме этого, соблюдение интересов и прав сторон с необходимостью предполагает их информированность в полном объеме об основаниях принятого по уголовному делу, сторонами которого они являются, того или иного решения. Для реализации данного положения представляется необходимым дополнить перечень закрепленных в п. 1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ копий документов, которые имеет право получить обвиняемый, копией постановления о прекращении или об отказе в прекращении возбужденного в отношении его уголовного дела.

В завершение укажем на обоснованность позиции ученых, считающих, что отсутствие законодательной регламентации самой процедуры примирения дает основание сомневаться в точности исполнения предписанных законом условий [2, с. 341] и положительно оценить предложения исследователей данной проблемы относительно внедрения медиативных технологий в уголовное судопроизводство, как это имеет место в ряде государств – участников СНГ [14, с. 184].

Хотя рассмотрение этого вопроса не относится к предмету настоящего исследования, необходимо отметить, что участие в процедуре примирения третьего, действующего на профессиональной основе, беспристрастного, незаинтересованного в исходе дела лица позволит с большей долей уверенности судить о добровольности примирения и достижении соглашения по всем вопросам договоренности сторон. Нам импонирует позиция авторов, которые еще в период действия УПК РСФСР высказывались за восстановительное правосудие в противовес действующему карательному. По их мнению, «права тех, кто пострадал от правонарушения, будут действительно защищаться, если вопрос защиты прав потерпевших будет одним из основных критериев оценки работы органов правопорядка, осуществляющих уголовное преследование» [2, с. 340].

Таким образом, произведенный анализ ст. 25 УПК РФ позволил сделать вывод о том, что для обеспечения требований законности, обоснованности и мотивированности при применении указанной нормы необходимо внесение изменений в ее содержание и закрепление в уголовно-процессуальном законе ее следующей редакции:

«1. Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа

или дознаватель с согласия прокурора на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекращают уголовное дело в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, с учетом данных о его личности в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред».

### Список источников

1. Корнакова .В. Проблемы реализации принципа справедливости в российском уголовном судопроизводстве. Москва: Юрлитинформ, 2019. 144 с.
2. Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. Москва: Юрист, 2006. 352 с.
3. Мищенко Е.В., Корнакова С.В., Мишин В.В. Обоснованность и мотивированность принятия решения о прекращении уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием // Вестник Томского государственного университета. 2020. N 452. С. 239-244.
4. Панькина И.Ю. Институт медиации как метод внесудебного разрешения споров в уголовном процессе России // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. науч. ст., посвященный 50-летию Юридического института БФУ им. И. Канта. Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та им. И. Канта, 2017. С. 248-257.
5. Корнакова С.В. К вопросу о принципе справедливости в российском праве // Вопросы правоведения. 2012. N 4. С. 81-88.
6. Касаткина С.А. Признание обвиняемого. Москва: Проспект, 2013. 224 с.
7. Морозов И., Анненков А., Дадонов С. Сделка о признании вины как вариант мирового соглашения // Российская юстиция. 2000. N 10. С. 37-38.
8. Самдамова Б.Б. Проблемы становления и развития института прекращения уголовного дела в связи с примирением потерпевшего и обвиняемого в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2003. 22 с.
9. Нагуляк М.В. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон – право или обязанность компетентных органов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Право. 2011. N 6. С. 62-65.
10. Андросенко Н. Признание вины в совершении преступления как условие принятия процессуальных решений по УПК РФ // Российский следователь. 2007. N 23. С. 6-8.
11. Корнакова С.В. Некоторые суждения о несовершенстве норм УПК РФ, касающихся признания вины обвиняемым // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. N 4. С. 110-118.
12. Корнакова С.В. Установление мотивов совершения преступлений: криминалистические возможности и уголовно-процессуальная целесообразность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. N 4 (30). С. 126-133.
13. Смолькова И.В. Признание обвиняемым своей вины. Москва: Юрлитинформ, 2017. 432 с.
14. Мищенко Е.В., Корнакова С.В., Мишин В.В. Применение согласительных процедур в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы российского права. 2020. T. 15. N 4 (113). С. 176-186.

### References

1. Kornakova S.V. Problems of realization of the principle of justice in Russian criminal proceedings. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 144 p. (In Russ.).
2. Volodina L.M. Problems of the criminal process: law, theory, practice. Moscow, Yurist Publ., 2006. 352 p. (In Russ.).
3. Mishchenko E.V., Kornakova S.V., Mishin V.V. The validity and motivation of the decision to terminate criminal prosecution in connection with active repentance. Bulletin of Tomsk State University, 2020, no. 452, pp. 239-244. (In Russ.).
4. Pan'kina I.Yu. Institute of Mediation as a method of out-of-court dispute resolution in the criminal process of Russia. Modern problems of legal science and law enforcement practice. Kaliningrad, Publishing House of the Baltic Federal University named after I. Kant, 2017. Pp. 248-257. (In Russ.).

5. Kornakova S.V. On the question of the principle of justice in Russian law. *Questions of Jurisprudence*, 2012, no. 4, pp. 81-88. (In Russ.).
6. Kasatkina S.A. Confession of the accused. Moscow, Prospect Publ., 2013. 224 p. (In Russ.).
7. Morozova I., Annenkov A., Dadonov S. Plea bargain as a variant of the settlement agreement. *Russian justice*, 2000, no. 10, pp. 37-38. (In Russ.).
8. Samdanova B.B. Problems of formation and development of the institution of termination of a criminal case in connection with the reconciliation of the victim and the accused in the Russian criminal process. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2003. 22 p. (In Russ.).
9. Nagulyak M.V. Termination of a criminal case in connection with the reconciliation of the parties – the right or duty of the competent authorities. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2011, no. 6, pp. 62-65. (In Russ.).
10. Androsenko N. Admission of guilt in the commission of a crime as a condition for making procedural decisions under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Russian Investigator*, 2007, no. 23, pp. 6-8. (In Russ.).
11. Kornakova S.V. Some judgments about the imperfection of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation concerning the admission of guilt by the accused. *Siberian Criminal Procedural and Criminalistic Readings*, 2019, no. 4, pp. 110-118. (In Russ.).
12. Kornakova S.V. Establishing motives for committing crimes: criminalistic possibilities and criminal procedural expediency. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 4 (30), pp. 126-133. (In Russ.).
13. Smol'kova I.V. Confession of guilt by the accused. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 432 p. (In Russ.).
14. Mishchenko E.V., Kornakova S.V., Mishin V.V. Application of conciliation procedures in the CIS countries: comparative legal analysis. *Actual problems of Russian law*, 2020, vol. 15, no. 4 (113), pp. 176-186. (In Russ.).

## Раздел 4. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

Научная специальность: 5.1.4

### Отдельные вопросы работы с криминалистическими учетами как элемент процесса расследования преступлений (на примере учета следов подошв обуви)

**Светлана Иосифовна Соболевская,**

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, sibirian\_empire@mail.ru

**Аннотация.** В статье рассмотрены проблемы, возникающие при формировании и ведении учета следов подошв обуви. Отмечено, что знание закономерностей слеодообразования позволяет сотрудникам правоохранительных органов, ведущим расследование уголовных дел, по обнаруженным на месте происшествия следам выдвигать и проверять версии относительно механизма совершения преступления, лица, его совершившего, и других обстоятельств, подлежащих доказыванию. В настоящее время процесс расследования преступлений невозможен без обращения должностных лиц к различным видам учетов, ведущихся в органах внутренних дел Российской Федерации, которые составляют систему криминалистической регистрации. Автором обоснована необходимость совершенствования регламентации экспертно-криминалистической деятельности, сформулированы рекомендации по оптимизации формирования и ведения учета следов подошв обуви, а также профессиональной подготовки соответствующих специалистов.

**Ключевые слова:** след, криминалистическая регистрация, криминалистические учеты, экспертно-криминалистические учеты, учет следов подошв обуви, компетентностный подход, профессиональные компетенции

*Для цитирования:* Соболевская С.И. Отдельные вопросы работы с криминалистическими учетами как элемент процесса расследования преступлений (на примере учета следов подошв обуви) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4 (62). С. 48-57.

### Some issues of working with forensic database as an element of the crime investigation process (on the example of recording traces of shoe soles)

**Svetlana I. Sobolevskaya,**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, sibirian\_empire@mail.ru

**Abstract.** The problems arising in the process of collecting, preserving and recording traces of shoe soles are analyzed in the article. It is noted that the knowledge of the patterns of the occurrence and genesis of trace evidence allows law enforcement officers involved in criminal investigations to suggest and check the versions regarding the way of committing the crime, the person who committed it, and other circumstances to be proved, by using trace evidence found at the crime scene. Currently, the process of investigating crimes is impossible without accessing various types of databases available in the internal affairs bodies of the Russian Federation, which make up the forensic registration system. The author of the article substantiates the need to improve the regulation of forensic activities. The recommendations for optimizing the process of collecting, preserving and recording traces of shoe soles, as well as for the professional training of relevant specialists, are formulated.

**Keywords:** trace, forensic registration, forensic database, recording traces of shoe soles, competency-based approach, professional competencies

*For citation:* Sobolevskaya S.I. Some issues of working with forensic database as an element of the crime investigation process (on the example of recording traces of shoe soles) // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 4 (62). P. 48-57.

Защита прав и свобод граждан относится к основным задачам государства. Органы внутренних дел Российской Федерации являются одним из элементов системы правоохранительных органов, призванных осуществлять, наряду с другими, решение данной задачи. Это закреплено в п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»\* (далее – Федеральный закон «О полиции»). И в этом смысле раскрытие, расследование и предотвращение преступлений является одним из важнейших направлений деятельности правоохранительных органов. Следует согласиться с М.К. Каминским, по мнению которого, «преступление, взятое в собственно криминалистическом плане, выступает не только как юридический факт, но и как предметная деятельность (иногда ее фрагмент: действие, совокупность действий) человека» [1, с. 3]. Аналогичного мнения придерживаются и другие исследователи [см., например: 2, с. 112-113; 3, с. 169-170]. В связи с этим криминалисты рассматривают преступление именно как противоправную деятельность, установление содержания которой является одной из их задач.

Согласно теории отражения любая деятельность оставляет следы. При этом преступная деятельность не является исключением. «Всякое событие, – отмечает В.И. Корюкин, – связано с изменениями в окружающей среде. Изменения в среде предшествуют наступлению события, наступление события, в свою очередь, вызывает изменения в окружающей среде... Для того чтобы узнать о событии, мы должны выделить связанные с ним изменения. Связь изменений с событием существует объективно» [4, с. 42-43]. Именно эта закономерность позволяет сотрудникам правоохранительных органов по следам сначала выдвинуть версии относительно механизма совершения преступления, а затем и о лице, совершившем преступление.

Необходимо отметить, что между механизмом преступления и следами применения различных способов его совершения также существует закономерная

связь. Иными словами, при совершении преступления тем или иным способом остаются конкретные следы, характерные именно для данного способа. Разделяем позицию Р.С. Белкина, согласно которой следы, закономерно оставленные в ходе совершения преступления, также закономерно должны быть обнаружены. Он подчеркивает: «как всякое объективно существующее явление материального мира, доказательство принципиально всегда может быть обнаружено субъектом судебного исследования. Возможность обнаружения доказательств, их собирания – одна из важных закономерностей объективной действительности, одна из закономерностей принципиальной познаваемости этой действительности, отражения ее субъектом судебного исследования» [2, с. 139-140].

Наряду с обозначенными, преступной деятельности присущ ряд других закономерностей. Таковыми являются закономерности сохранения следов в окружающей среде и утраты следов. Например, следы обуви на снегу сохраняются неизменными лишь до тех пор, пока они не будут видоизменены или уничтожены вследствие наложения других следов, оставленных иным объектом, или вследствие воздействия окружающей среды (в частности, по ним может проехать автомобиль или они окажутся скрытыми выпавшим снегом). Кроме того, имеется зависимость между временем существования следов и объемом содержащейся в них информации. Так, время существования идентификационных признаков на объекте после совершения преступления с его использованием ограничено при условии его дальнейшей эксплуатации. Это время в криминалистике получило название идентификационного периода.

Процесс идентификации объектов в ходе расследования преступления существует как в процессуальной (судебная экспертиза), так и непроцессуальной форме. Одной из разновидностей этой формы может служить проверка объекта по различным видам учетов.

Первое определение одного из видов уголовной регистрации в советской литературе содержится в работах И.Н. Якимова [5, с. 28]. Научные основы

\* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ; ред. от 21 дек. 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

системы организации работы с учетами поступательно развивались и были предметом изучения многих ученых-криминалистов [см., например: 6, с. 9; 7]. Система криминалистической регистрации формировалась на протяжении достаточно длительного периода. Она и сейчас продолжает развиваться. Вопросы, связанные с повышением эффективности работы различных видов учетов, и в настоящее время привлекают внимание ученых [8; 9; 10; 11; 12].

Однако следует заметить, что любой учет может быть полезен для решения задач борьбы с преступностью лишь при условии неуклонного соблюдения основных принципов криминалистической регистрации:

- обязательность регистрации всех преступлений и правонарушений, учитываемых в информационных массивах;
- достоверность регистрируемой информации;
- значимость регистрируемых признаков учитываемых объектов;
- актуальность информации, находящейся в информационном массиве;
- относимость регистрируемых признаков учитываемых объектов к числу необходимых для обеспечения практической криминалистической деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;
- конфиденциальность регистрационной информации.

В настоящее время система криминалистической регистрации насчитывает около трех десятков различных учетов. Одним из старейших видов учета, наряду с дактилоскопическим, является учет следов подошв обуви, который, согласно современной классификации, относится к экспертно-криминалистическим учетам.

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим деятельность по формированию, ведению и использованию экспертно-криминалистических учетов, является Инструкция по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденная приказом МВД России от 10 февраля 2006 г. N 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов

внутренних дел Российской Федерации»\* (далее — Инструкция). Согласно п. 3 Инструкции экспертно-криминалистическим учетом является система хранения и поиска экспертно-криминалистической информации об объектах учета, используемая для решения задач оперативно-розыскной деятельности и расследования уголовных дел. В соответствии с п. 4 Инструкции должностными лицами, ответственными за формирование и использование экспертно-криминалистических учетов, являются «следователи, дознаватели, сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел, а также сотрудники экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел в пределах их компетенции».

Таким образом, несмотря на отнесение учета следов подошв обуви к экспертно-криминалистическим учетам, обязанность по его формированию лежит главным образом на должностных лицах, осуществляющих предварительное расследование в форме предварительного следствия или дознания. Согласно результатам проведенного нами исследования\*\* 61,3 % опрошенных сотрудников органов внутренних дел считают, что ответственными за формирование экспертно-криминалистических учетов являются сотрудники экспертно-криминалистических подразделений, лишь 9,7 % знают, на основании какого нормативного правового акта осуществляется бутоскопирование. По нашему мнению, это свидетельствует о недостаточном понимании вопросов организации криминалистических учетов в целом и экспертно-криминалистических учетов в частности. По этой причине считаем необходимым усиление акцента на данном вопросе в процессе профессиональной подготовки сотрудников, а также при повышении их квалификации.

Как указывается в п. 4 Инструкции, «формирование учета представляет со-

\* Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

\*\* В анкетировании, проводившемся на базе Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, приняли участие 79 слушателей различных категорий — следователи, дознаватели, участковые уполномоченные, оперуполномоченные, сотрудники охранно-конвойных подразделений полиции.

бой комплекс мероприятий по обнаружению, изъятию и направлению предметов, следов, которые могут быть объектами учета, в экспертно-криминалистические подразделения органов внутренних дел в целях создания информационных систем, используемых при решении задач оперативно-розыскной деятельности и расследования уголовных дел». В связи с этим рассмотрим алгоритм действий лиц, ответственных за формирование экспертно-криминалистических учетов, в частности, учета следов подошв обуви.

Как правило, работа со следами состоит из следующих этапов: обнаружение, фиксация, изъятие, исследование, оценка и использование. Обнаружение, фиксация и изъятие следов подошв обуви осуществляются в ходе проведения следственных действий. Соответственно, основное требование данных этапов — это правильное процессуальное закрепление результатов работы, а также качественная работа непосредственно со следами. Если выполнение первого требования — это в полном объеме задача следователя (дознателя), то выполнение второго — чаще всего результат качественной работы специалиста, участвующего в следственном действии.

Необходимо отметить, что большое количество следов преступления обнаруживается при производстве осмотра места происшествия. Однако чаще всего в рамках данного следственного действия обнаруживаются следы неизвестного происхождения. Для решения вопроса о принадлежности найденного следа и его идентификации, осуществляемой в ходе судебной экспертизы, необходимо получить объект, который, возможно, оставил этот след в момент совершения преступления. Это может быть как обувь подозреваемого, так и отпечаток подошвы данной обуви. У сотрудников экспертно-криминалистических подразделений данные отпечатки по аналогии с дактилокартами получили название *бутокарт* (от англ. *boot* — ботинок).

Однако в Инструкции не содержится понятие «*бутокарта*», а также не предусматривается организация формирования, ведения и использования *бутокарт*. Пункт 9 Инструкции предусматривает лишь организацию учета следов подошв обуви, изъятых с мест нераскрытых происшествий.

Соответственно, после установления лица, подозреваемого в совершении определенного преступления, и идентификации соответствующего следа информация о нем изымается из данного массива информации. На это прямо указывает п. 18.1 Инструкции.

Эта проблема должна быть устранена посредством закрепления в соответствующих нормативных правовых актах определения данного понятия, а также смежных с ним.

Можно определить понятие «*бутоскопирование*» как процесс получения отпечатков подошв обуви с целью их дальнейшей идентификации. Соответственно, *бутокарта* — это бумажный носитель с полученным на нем отпечатком подошвы обуви с целью его дальнейшей идентификации.

Несмотря на отсутствие в действующем законодательстве данных понятий, они активно используются сотрудниками органов внутренних дел. Так, в результате анкетирования установлено, что термин «*бутоскопирование*» знаком 80,6 % опрошенных сотрудников органов внутренних дел, а 35,4 % сами осуществляли процесс получения отпечатков подошв обуви.

Поскольку понятие «*бутокарта*» официально не закреплено в законодательстве Российской Федерации, то, соответственно, отсутствует нормативно закрепленный порядок *бутоскопирования*, а также не определен круг лиц, как подлежащих *бутоскопированию*, так и тех, за кем может быть закреплен данный вид деятельности. Соответственно, не существует самой формы *бланка* *бутокарты*.

Представляется, что решение данных проблемных вопросов целесообразно осуществлять следующим образом.

*Бутокарта* должна представлять собой бланк, содержащий как сведения о лице, подозреваемом в совершении преступлений либо представляющем иной оперативный интерес, которому принадлежит данная обувь, так и сами отпечатки подошв обуви этого лица, и использоваться для проверки по учету следов подошв обуви, изъятых с мест совершения нераскрытых преступлений.

Поскольку в длину стопа мужчин может достигать 47-го размера и более, а размер подошвы самой обуви, соответ-

ственно, больше примерно на 1,5-2 см, то бланк бутокарты должен быть формата А3 (297х420 см) и состоять из двух или трех (при необходимости получения отпечатков обуви и на правую, и на левую ногу) листов. На первом листе должны содержаться сведения о лице, подлежащем бутоскопированию: фамилия, имя, отчество; дата рождения (год, месяц, число); место рождения; гражданство; адрес регистрации (адрес проживания); паспортные данные; основания бутоскопирования; дата и место бутоскопирования; данные о лице, осуществляющем бутоскопирование; индивидуальные особенности обуви (размер обуви (если он указан), наличие фурнитуры, подробное описание верхней части, подошвенной части, способа их крепления друг к другу, а также видимых признаков ремонта обуви или признаков износа, повреждений). При этом обувь на правую и левую ногу должна описываться отдельно.

Бутоскопирование может осуществляться различными способами. Для исключения возможного повреждения или уничтожения текстовой части бутокарты предлагается оттиски подошвы обуви изготавливать как на отдельном листе, так и на оборотной стороне первого листа, на котором содержится текстовая часть бутокарты.

Формирование информации об индивидуальных признаках обуви, лиц, подозреваемых в совершении преступлений либо представляющих иной оперативный интерес, возможно пятью способами: красковый (с использованием типографской краски); бескрасковый (с использованием комплекта для получения оттисков подошв обуви); при помощи гипса либо силиконовых слепочных масс; путем получения фотоизображения подошвы обуви по правилам измерительной фотосъемки; электронный (при помощи сканера для обуви с последующим формированием бутокарты).

В качестве примера отечественного аппаратно-программного комплекса можно привести разработанный АО «ПАПИЛОН» сканер обуви, который предназначен для получения цифровых изображений подошвенной и верхней части обуви задержанных лиц в дежурных частях, следственных изоляторах и т.д. с целью дальнейшей идентификации по следам обуви с мест происшествий [13, с. 91].

Если для получения оттиска подошвы обуви использовался гипс или слепочные массы, то текстовую часть бутокарты можно оформить в виде бирки, которая крепится к объемному слепку подошвы обуви.

Оформление бутокарты должно осуществляться в соответствии с рядом требований. Данные текстовой части бутокарты желательно заполнять в печатном виде, а при отсутствии такой возможности – рукописным текстом, но печатными буквами. Перед проведением бутоскопирования необходимо осмотреть подошвы обуви и очистить их от грязи и других веществ, которые могут затруднить в дальнейшем идентификацию данного объекта. Получать оттиск подошвы обуви необходимо однократным прокатыванием подошвы обуви от каблучной части к носку.

По окончании бутоскопирования необходимо оценить качество полученного оттиска. Оттиск должен быть полным, то есть отображающим всю поверхность подошвы обуви с элементами рисунка; четким, то есть не должно быть отсутствующих частей оттиска подошвы либо сплошных черных пятен от типографской краски или присутствующих загрязнений подошвы.

80,9 % специалистов, принявших участие в анкетировании, к категориям лиц, подлежащих бутоскопированию, отнесли в основном подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления. Полагаем, что это не вполне верно, особенно с учетом задач, стоящих перед сотрудниками полиции\*.

В связи с этим полагаем, что нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность по формированию рассматриваемого вида учета, должны содержать указание на следующие категории лиц:

- 1) лица, подозреваемые в совершении преступления и обвиняемые в совершении преступления;
- 2) ранее судимые лица, если они задержаны по подозрению в совершении преступления либо административного правонарушения;
- 3) ранее судимые лица, состоящие на учете по месту жительства (пребывания);

\* См.: Статья 12 Федерального закона «О полиции».

4) лица без определенного места жительства;

5) лица без гражданства;

6) несовершеннолетние, состоящие на профилактическом учете;

7) лица, в том числе несовершеннолетние, ведущие асоциальный образ жизни.

Приведенный выше список лиц, подлежащих бутоскопированию, не является окончательным и может быть дополнен при внесении изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты и при разработке новых.

Поскольку проверка по учету следов обуви может быть эффективной в процессе расследования не только преступлений, но и административных правонарушений, считаем, что перечень категорий лиц, осуществляющих бутоскопирование, целесообразно расширить. Кроме следователей, дознавателей, оперативных сотрудников и сотрудников экспертно-криминалистических подразделений в пределах их компетенции, к процессу бутоскопирования могут быть допущены все должностные лица, относящиеся к органам дознания в соответствии со ст. 40 УПК РФ.

Увеличение категорий лиц, подлежащих бутоскопированию и проверке по учетам, не противоречит действующему законодательству Российской Федерации. Так, частью 1 ст. 17 Федерального закона «О полиции» определяется, что полиция имеет право обрабатывать данные о гражданах, необходимые для выполнения возложенных на нее обязанностей, с последующим внесением полученной информации в банки данных о гражданах.

В связи с вышеуказанным обстоятельством необходимо дополнить и перечень категорий сотрудников, осуществляющих постановку объекта на данный вид учета, а также его проверку, поскольку согласно действующей редакции Инструкции «основанием постановки объекта на экспертно-криминалистический учет, а также проверки объекта по экспертно-криминалистическому учету является рапорт сотрудника оперативного подразделения, утвержденный его руководителем, или поручение следователя, дознавателя либо иного лица, уполномоченного осуществлять розыскные меры по делу».

Ведение экспертно-криминалистических учетов осуществляется сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений. Задачами по ведению данных учетов является «деятельность по систематизации и размещению в информационной системе экспертно-криминалистической информации об объектах учета, позволяющей осуществить ее использование в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности и расследования уголовных дел»\*.

Цифровизация и автоматизация многих процессов жизни современного общества определяют необходимость модернизации работы, в том числе со следами подошв обуви. Это обстоятельство обуславливает внесение изменений в нормативные правовые акты МВД России в части возможности постановки бутокарт на учет\*\*, проведения по ним проверок, определения сроков их хранения и ряд иных вопросов. Возможность автоматизации анализируемого вида учета предусмотрена действующим законодательством\*\*\*, однако необходимость апробации такого программного обеспечения предполагает, что решение данного вопроса будет возложено на ЭКЦ МВД России.

При разработке указанных нормативных правовых актов по организации, ведению данного учета, проведению проверок за основу взаимодействия структурных подразделений могут быть взяты принципы, изложенные в действующих нормативных правовых актах, регламентирующих порядок получения, учета, хранения, ведения, использования банка данных дактилоскопической информации в органах внутренних дел Российской Федерации.

При этом возможно усложнение работы по идентификации следов подошв обуви, возложенной на сотрудников экспертно-криминалистических подразделений, которая будет предполагать следующие комбинации объектов сравнения:

– «след» – «отпечаток» и «след» – «след» – при работе со следами, изъятыми с мест происшествий;

– «карта» – «карта» и «карта» – «след» – при проверке информации о

\* См.: Пункт 5 Инструкции.

\*\* Как отмечено выше, Инструкцией ведение учета бутокарт не предусмотрено.

\*\*\* См.: Пункт 8 Инструкции.

лицах, подлежащих проверке на причастность к совершению преступлений или представляющих оперативный интерес.

При установлении совпадения объекта учета с идентифицируемым объектом сотрудник экспертно-криминалистического подразделения подготавливает справку о результатах проверки.

Решение вышеуказанных проблемных вопросов будет способствовать повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений с помощью экспертно-криминалистических учетов.

Эффективность любого криминалистического учета напрямую зависит от знаний и навыков сотрудников, предоставляющих информацию, от грамотной работы с самим учетом, что в совокупности способствует быстрому и качественному раскрытию и расследованию преступлений. Однако анализ данного вида деятельности позволяет выявить ряд недостатков, имеющих место на всех этапах формирования исследуемого вида учета следов и работы с ним.

В связи с этим важно уже на стадии обучения специалистов не только обозначить выявленные недостатки в работе со следами подошв обуви, но и научить их оптимизации данной деятельности.

В профессиональной подготовке кадров в МВД России основным является компетентностный подход, который применяется для формирования высококвалифицированного кадрового состава и кадрового резерва, а также для осуществления управленческих процессов в подразделениях органов внутренних дел (мониторинг качества кадрового состава, укомплектование подразделений полиции; организация обучения и повышения квалификации сотрудников; проведение аттестаций и квалификационных экзаменов, работа с кадровым резервом и т.д.), а деятельность в области подготовки кадров для решения задач, стоящих перед органами внутренних дел Российской Федерации, возложена на образовательные организации МВД России\*.

\* Пункт 2 Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 5 мая 2018 г. N 275. (См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>).

Суть обучения сводится к развитию у специалиста способности самостоятельно решать проблемы в сфере своей деятельности, используя свой опыт (знания, умения, навыки в широком смысле) [14, с. 77-78].

Теоретические аспекты и реализацию компетентностного подхода в образовательной системе в России разрабатывали А.А. Деркач, Э.З. Зеер, А.К. Маркова, В.Д. Шадриков и др. Впервые базовую модель компетентности профессиональной подготовки в юридической сфере обосновали Н.И. Иоголевич и В.И. Майоров. Авторы аргументированно выделили четыре ведущих блока компетенций:

1) когнитивная компетентность (прогнозирование того, что человек может сделать, на основе тех знаний, которые он освоил);

2) функциональная компетентность (навыки, умение разрабатывать эффективные стратегии работы);

3) личностная компетентность (устойчивые особенности психической деятельности, отвечающие определенной профессии);

4) этическая компетентность (комплексное образование, направленности личности, включая ценностные ориентации, установки, мотивацию на достижение профессионально значимых целей) [15, с. 77-78].

Профессиональное обучение по программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский» проводится в федеральных государственных образовательных организациях высшего и дополнительного профессионального образования, находящихся в ведении МВД России, в центрах профессиональной подготовки территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном, региональном уровнях по очной форме\*\* (далее – образовательные организации).

При оценке организации и содержания подготовки кадров проверяются качество, эффективность, практическая направленность, своевременность, научное

\*\* Пункт 13 Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 5 мая 2018 г. N 275.

и методическое обеспечение процесса обучения, применение инновационных образовательных технологий и современных технических средств обучения, состояние учебно-материальной базы, профессиональные знания и навыки сотрудников, необходимые для выполнения служебных обязанностей\*.

Например, с начала своего формирования кафедра организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России осуществляет материально-техническое обеспечение образовательного процесса с учетом ориентации на работу по созданию криминалистических учетов с различными аппаратно-программными комплексами и информационными массивами, а также с использованием современных технико-криминалистических средств работы со следами.

В настоящий момент кафедра оснащена практически всеми имеющимися современными технико-криминалистическими средствами, необходимыми для формирования учета подошв обуви. Учебный процесс со слушателями профессиональной подготовки и повышения квалификации ведется с использованием устройства «Следокоп», в основу которого положен электростатический метод обнаружения и изъятия пылевых следов на ковровых изделиях и других диэлектрических материалах, а также различных осветителей, отражающих экранов, фототехники. Процесс обучения получению оттисков подошв обуви производится с использованием комплекта для получения оттисков подошв обуви, который предназначен для снятия оттисков без загрязнения подошвы. К положительным моментам данного способа относится то, что качественные оттиски можно получить всего за несколько минут. Кроме того, в процессе обучения используются традиционные технико-криминалистические средства работы со следами обуви – гипс, различные силиконовые компаунды, типографская краска.

\* Пункт 7 Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 5 мая 2018 г. N 275.

Слушатели изучают все возможные способы работы со следами подошв обуви, вырабатывают навыки по данному виду деятельности, имеют возможность сравнить красковый и бескрасковый методы получения оттисков подошв обуви.

Вместе с тем одной из серьезных проблем организации учебного процесса по программам профессионального обучения профессиональной подготовки по направлению изучения вопросов, связанных с работой с различными криминалистическими учетами, является дефицит учебного времени\*\*. В рамках данных программ количество учебных часов определено на основе соответствующих примерных программ, согласно которым на изучение вопросов работы с криминалистическими учетами отведен относительно небольшой объем учебного времени. За это время слушателям необходимо освоить не только общетеоретические, научные, правовые основы криминалистической регистрации и возможности использования оперативно-справочных, криминалистических, розыскных и экспертно-криминалистических учетов в раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений, но и возможности использования и совершенствования применения электронно-вычислительной техники в криминалистической регистрации, формирование, ведение и использование удаленных рабочих мест при обращении к функционирующим интегрированным банкам данных (ИБД); уметь не только формировать, вести и использовать данные учеты, но и оформлять соответствующую документацию по проверке, постановке на учет и снятию с учета объектов криминалистической регистрации, формировать и обрабатывать запросы с удаленных рабочих мест в имеющиеся учеты посредством системы ЕИТКС, а также владеть приемами изготовления дактилокарт и бутоек и др.

\*\* См.: Профессиональная подготовка лиц среднего и старшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации и имеющих высшее или среднее профессиональное (неюридическое) образование по должности служащего «Полицейский»: примерная основная программа профессионального обучения. М.: ДГСК МВД России, 2019.

Однако незначительный объем времени, отведенного на тему «Криминалистическая регистрация», не позволяет изучить данные вопросы в рамках аудиторных занятий. Одним из способов решения этой проблемы стало вынесение части вопросов, подлежащих рассмотрению, на самостоятельное изучение слушателями. Другой способ связан с изменением программ обучения в части увеличения количества часов на данную и, возможно, другие актуальные темы, так или иначе связанные с работой с криминалистическими учетами.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

— можно констатировать, что действующее законодательство в сфере формирования и ведения отдельных видов криминалистических учетов, в частности учета следов подошв обуви, не вполне соответствует потребностям правоохранительных органов, и это делает работу с данным учетом малоэффективной;

— необходимо внести изменения в Инструкцию, утвержденную приказом МВД России от 10 февраля 2006 г. N 70 «Об организации использования экс-

пертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», в части закрепления понятия «бутокарта»;

— необходимо разработать нормативные правовые акты, определяющие порядок формирования, ведения и использования бутокарт и перечень лиц, на которых возложены обязанности по бутокопированию и направлению на постановку и проверку по экспертно-криминалистическим учетам;

— имеющийся в образовательных организациях МВД России дефицит учебного времени, заложенного в образовательных программах профессионального обучения и дополнительного профессионального образования по темам, связанным с работой с криминалистическими учетами, не позволяет осуществлять образовательную деятельность настолько эффективно, насколько это требуется для практической деятельности. С целью решения указанной проблемы считаем необходимой осуществить разработку учебно-методического обеспечения процесса обучения по данному направлению.

#### Список источников

1. Взаимодействие, отражение, информация // Теория криминалистической идентификации, дифференциации и дидактические вопросы специальной подготовки сотрудников аппаратов БХСС / В.Д. Грабовский, М.К. Каминский, Н.А. Селиванов, А.А. Эйсман. Горький, 1980. 100 с.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. Москва, 1997. 474 с.
3. Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности как междисциплинарная категория // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Право. 2001. N 2. С. 169-176.
4. Корюкин В.И. Вероятность и информация // Вопросы философии. 1965. N 8. С. 35-44.
5. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепечатанное с изд. 1925 г. Москва, 2003. 496 с.
6. Возгрин И.А. Некоторые вопросы теории и практики криминалистического учета // Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. Ленинград, 1972. 110 с.
7. Ищенко П.П. О необходимости создания нового криминалистического учета для борьбы с организованной преступностью // Актуальные проблемы борьбы с правонарушениями. Екатеринбург, 1992. С. 66-70.
8. Булгаков В.Г., Барковская Е.Г. Отражение концепции биометрии человека в системе криминалистической регистрации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. N 1 (8). С. 32-37.
9. Волинский А.Ф. Человек как объект идентификации в системе криминалистической регистрации: потребность и возможность, законность и целесообразность // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Орел: Орловский юридический ин-т МВД России им. В.В. Лукьянова. 2015. С. 92-97.
10. Дмитриенко А.А. Расширение круга лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации как совершенствование способа криминалистической регистрации: перспективы введения // EUROPEAN RESEARCH FORUM: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2021. С. 163-168.
11. Россинская Е.Р. Цифровизация справочно-информационных фондов криминалистического и судебно-экспертного назначения как часть учения о цифровизации криминалистической регистрации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. N 6 (70). С. 23-32.
12. Хмыз А.И. Использование системы криминалистической регистрации при идентификации интерактивного пользователя // Вестник экономической безопасности. 2022. N 1. С. 201-206.

13. Эйхвальд Н.Л. К вопросу автоматизации криминалистического учета следов подошв обуви // Сборник материалов криминалистических чтений. 2020. N 17. С. 91-92.

14. Дунаева О.Н. Имидж вуза как отражение современной парадигмы профессионального образования и конкурентный ресурс // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. N 4 (33). С. 72-79.

15. Иоголевич Н.И., Майоров В.И. Профессиональная подготовка юриста // Право и образование. 2008. N 11. С. 76-83.

#### References

1. Grabovskiy V.D., Kaminskiy M.K., Selivanov N.A., Eysman A.A. Interaction, reflection, information. Theory of forensic identification, differentiation and didactic issues of special training of employees of the BHSS apparatus. Gorky, 1980. 100 p. (In Russ.).

2. Belkin R.S. Course of criminalistics. In 3 volumes. Vol. 1. 1997. 474 p. (In Russ.).

3. Lubin A.F. The mechanism of criminal activity as an interdisciplinary category. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Law, 2001, no. 2, pp. 169-176.

4. Koryukin V.I. Probability and information. Questions of Philosophy, 1965, no. 8, pp. 35-44. (In Russ.).

5. Yakimov I.N. Criminalistics. Manual of criminal technique and tactics. Moscow, 2003. 496 p. (In Russ.).

6. Vozgrin I.A. Some questions of the theory and practice of forensic accounting. Questions of theory and practice of combating crime. Leningrad, 1972. 110 p. (In Russ.).

7. Ishchenko P.P. On the need to create a new forensic accounting to combat organized crime. Actual problems of combating offenses. Yekaterinburg, 1992. Pp. 66-70. (In Russ.).

8. Bulgakov V.G., Barkovskaya E.G. Reflection of the concept of human biometrics in the system of criminalistic registration. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009, no. 1 (8), pp. 32-37. (In Russ.).

9. Volynsky A.F. Man as an object of identification in the forensic registration system: need and opportunity, legality and expediency. Criminal procedure and forensic problems of crime control. Oryol, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, 2015. Pp. 92-97. (In Russ.).

10. Dmitrienko A.A. Expansion of the circle of persons subject to mandatory genomic registration as an improvement of the method of forensic registration: prospects for introduction. EUROPEAN RESEARCH FORUM. Petrozavodsk, 2021. Pp. 163-168. (In Russ.).

11. Rossinskaya E.R. Digitalization of reference and information funds of criminalistic and forensic purpose as part of the doctrine of digitalization of criminalistic registration. Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSU), 2020, no. 6 (70), pp. 23-32. (In Russ.).

12. Khmyz A.I. The use of a forensic registration system for the identification of an interactive user. Bulletin of Economic Security, 2022, no. 1, pp. 201-206. (In Russ.).

13. Eichwald N.L. On the issue of automation of forensic accounting of traces of shoe soles. Collection of materials of forensic readings, 2020, no. 17, pp. 91-92. (In Russ.).

14. Dunayeva O.N. The image of the university as a reflection of the modern paradigm of vocational education and a competitive resource. Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law, 2015, no. 4 (33), pp. 72-79. (In Russ.).

15. Iogolevich N.I., Mayorov V.I. Professional training lawyer. Law and education, 2008, no. 11, pp. 76-83. (In Russ.).

## Раздел 5. Совершенствование правоохранительной практики

Научная специальность: 5.1.4

### Улики поведения и учет связанных с ними закономерностей в профессиональной деятельности следователя

**Николай Васильевич Яджин,**

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, yadzhinnw@mail.ru

**Аннотация.** Статья посвящена теоретическим и практическим вопросам, касающимся улики поведения. Проводится анализ точек зрения ученых относительно данного явления, его психолого-криминалистической сущности, а также роли в изобличении лица (или группы лиц) в совершении преступления. Изучаются поведенческие акты виновного и невиновного человека как основа формирования улики поведения лица, представляющего интерес для следствия. Автором обращено внимание на то, что улика поведения – это гипотеза, предположение следователя. Отмечается, что хотя практически каждая улика устанавливает какой-то факт, тем не менее это еще не доказательство, пусть даже и косвенное. Следовательно, речь должна идти о подозрении в причастности к совершенному преступлению, а не о доказательстве. Обосновывается необходимость осуществления классификации улик поведения, а также рассмотрения их в частной криминалистической теории.

**Ключевые слова:** подозрение в причастности к преступлению, улики поведения, косвенное доказательство, классификация улик поведения, криминалистическая характеристика

*Для цитирования:* Яджин Н.В. Улики поведения и учет связанных с ними закономерностей в профессиональной деятельности следователя // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4 (62). С. 58-65.

### Evidence of behavior and accounting for related regularities in the professional activities of investigators

**Nikolay V. Yadzhin,**

Candidate of Legal Sciences, associate professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, yadzhinnw@mail.ru

**Abstract.** The theoretical and practical issues of evidence of behavior are considered. The analysis of both the scientists' viewpoints regarding this phenomenon and its psychological and criminalistic essence, as well as its role in identifying a person (or group of persons) committing a crime, is conducted. The behavioral acts of a guilty and innocent person are studied as the grounds for forming the evidence of the behavior of a person being of interest to the investigation. The attention is drawn to the fact that evidence of behavior is a hypothesis, the investigator's assumption. It is noted that although almost every evidence establishes some fact, nevertheless this is not yet evidence, even if it is indirect. Therefore, it should be a question of suspicion of involvement in a committed crime, and not of evidence. The necessity of conducting the classification of evidence of behavior, as well as their consideration in the private forensic theory, is substantiated.

**Keywords:** suspicion of involvement in a crime, evidence of behavior, indirect evidence, classification of evidence of behavior, criminalistic characteristics

*For citation:* Yadzhin N.V. Evidence of behavior and accounting for related regularities in the professional activities of investigators // Legal science and Law enforcement practice. 2022. No. 4 (62). P. 58-65.

### Введение

В процессе расследования преступлений достаточно часто имеют место такие явления, как дача заведомо ложных показаний; создание ложного алиби; немотивированный и внезапный отъезд лица, заподозренного в совершении преступления\*; осведомленность о таких деталях, которые могут быть известны только лицу, совершившему преступление; неоднократное появление около места совершения преступления; повышенный интерес к расследуемому событию; симуляция психического заболевания и другие действия и поступки, которые привлекают к себе внимание следователя и дают ему основание для предположения о его причастности к совершенному преступлению или осведомленности о данном преступлении. Такие действия получили название «улики поведения».

Учитывая то обстоятельство, что улика поведения представляет не только практический, но и научный интерес, автором был проведен анализ специальной литературы и опрос следователей (дознавателей)\*\*. Результаты исследования свидетельствуют об отсутствии среди ученых и практиков единой точки зрения относительно определения понятия «улика поведения», ее психолого-криминалистической сущности, а также роли в избличении лица (или группы лиц) в совершении преступления.

### Основная часть исследования

Согласно Словарю русского языка С.И. Ожегова под уликой понимается «предмет или обстоятельство, уличающее кого-нибудь в чем-нибудь» [1, с. 828]. Та-

ким образом, применительно к исследованию улика поведения — это некие действия или поступки, эмоционально-волевые реакции лица, представляющего интерес для следствия, которым следователь придает значение и которые, в свою очередь, вызывают у него определенное подозрение относительно причастности к совершенному преступлению или осведомленности о нем.

Например, А.И. Ковалев под уликами поведения понимает «...уликовое значение некоторых действий (бездействия) или состояния подследственного при производстве с его участием тех или иных следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий. Именно так толкуется зачастую изменение состояния допрашиваемого подозреваемого или обвиняемого при постановке вопросов избличающего характера или уличающих его во лжи. Явные признаки эмоционального возбуждения, выражающиеся при этом в наблюдаемых следователем или оперативным сотрудником изменениях функционального состояния допрашиваемого, его произвольных реакциях, которые трактуются как улики поведения» [2, с. 186].

В свою очередь, Ф.В. Глазырин акцентирует свое внимание в основном на поведенческих актах лица. Он отмечает, что «улики поведения бывают самых разных видов. Наиболее распространенными являются: подготовка инсценировок, создание ложного алиби, немотивированный и внезапный отъезд, попытки направить следствие по ложному пути; проявление повышенного интереса к процессу расследования преступления; распространение заведомо вымышленных слухов о личности преступника, мотивах преступного деяния; нарочитость, демонстративность поведения, призванного всячески убедить окружающих в полной непричастности к преступлению, отрицание даже точно установленных фактов (не видел, ничего не слышал и т.д.); попытки уговорить, подкупить потерпевших, свидетелей; поиск лиц, которые дали бы ложные показания; изменение привычек, стереотипов поведения после совершения преступления; осведомленность о таких деталях, которые мог знать только виновный, возвращение, порой неоднократное, на место совершения преступления» [3, с. 76].

\* Под термином «заподозренный в совершении преступления» понимается известное следователю лицо, в отношении которого имеются фактические основания для подозрения о совершении им преступления. Однако основания эти недостаточны для задержания данного лица в порядке ст. 91 УПК РФ или применения к нему меры пресечения в соответствии со ст. 100 УПК РФ. Разумеется, этих оснований (фактических данных) еще в большей степени недостаточно для предъявления обвинения.

\*\* В опросе, проводившемся в 2021-2022 годах, приняли участие 50 следователей и дознавателей, обучавшихся в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России.

Р.Г. Ардашев и Н.Н. Китаев рассматривают проблему улик поведения в контексте их выявления при расследовании убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя. Авторы акцентируют внимание на том, что в определенных случаях надлежащая проверка обстоятельств суицида может помочь в раскрытии преступлений против жизни, и это должны учитывать следователи и сотрудники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [4, с. 234]. Исследователи приводят пример из практики Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ростовской области, связанный с обнаружением в поле тел двух местных жителей с огнестрельными ранениями. «Обстоятельства происшедшего были неясны, пока не поступила информация, что через несколько часов после выявления данного преступления в соседнем поселке Глубокий “безмотивно” застрелился из охотничьего ружья у себя дома пенсионер Х. Судебно-баллистическая экспертиза установила, что из этого оружия были убиты и потерявшие... При расследовании выяснилось, что покойные длительное время отказывались вернуть Х. крупный денежный долг. В данном случае сам факт самоубийства выступает уликой поведения» [4, с. 234].

Улика – это своего рода предположение следователя, вызванное его сомнением в непричастности заподозренного в совершенном преступлении к данному деянию. Сомнение формируется на основе анализа действий лица, представляющего интерес для следствия, его поступков, высказываний, эмоциональных реакций и других поведенческих актов.

Человека, совершившего преступление, несмотря на его стремление утаить это деяние, в ряде случаев выдает так называемый язык тела.

Однако следует учитывать ряд особенностей:

– во-первых, все зависит от того, насколько человек раскаивается или стыдится своих противоправных действий. Вследствие этого разоблачение одних правонарушителей не представляет труда для следователя, а разоблачение других требует от него определенных усилий, времени и профессионального мастерства;

– во-вторых, имеет значение, испытывает ли он чувство вины. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что чувство вины не является основной эмоцией, а улика поведения формируется только при наличии базовых эмоций, которые отчетливо проявляются в жестах, мимике, телодвижениях и иных психофизиологических процессах.

Чувство вины – это более сложный по проявлению психологический феномен, который включает в себя осмысление своих действий и поступков. «Человек понимает несоответствие своих поступков требованиям общественной морали, в нем пробуждаются и оказывают влияние на его поведение такие нравственные чувства, как чувство чести и собственного достоинства, стыд за себя и свои поступки, сожаление о содеянном, раскаяние и еще ряд эмоций, которые четко прослеживаются в его жестах, мимике и ином как невербальном, так и вербальном поведении. Однако, поскольку страх и стремление к безопасности (инстинкт самосохранения) запрограммированы в психике человека генетически, являются врожденными, не будет ошибкой считать страх перед уголовной ответственностью более частым мотивом поведения в виде уклонения виновного от правоохранительных органов и совершения иных действий» [5, с. 83], направленных на противодействие расследованию, по сравнению с признанием своей вины. Как правило, это категория лиц, впервые совершивших преступление или попавших в поле зрения следователя, которые, вступая в коммуникативный контакт со следователем, своими ответами на вопросы, жестами, мимикой, эмоциональным реагированием в сложившейся ситуации вызывают определенного рода подозрение в причастности к совершенному преступлению.

Более сложную категорию представляют лица, имеющие так называемый преступный опыт, то есть ранее судимые. Как правило, они не признают вину, свое внимание фокусируют на доказательной базе, имеющейся у следователя. Чувства вины, страха наказания они обычно не испытывают. На уровне чувств, мыслей, представлений они, совершив деяние, руководствуются своего рода «преступной философией».

Например, совершение кражи в квартире высокопоставленного лица оправдывается восстановлением «мировой справедливости», так как украденное имущество якобы было приобретено нечестным путем. Совершивший убийство может объяснить свое деяние недостойным, с его точки зрения, поведением потерпевшего и т.д.

Подобные рассуждения исключают чувство вины, сожаления, раскаяния в совершенном преступлении и, скорее всего, их сложно выявить с точки зрения «языка тела», так как человек может сознательно контролировать все свои движения, которые могли бы его выдать. Как правило, уликой служит не поведение, эмоционально-волевые реакции и иные психофизиологические проявления, а наличие судимости, причем чаще всего за совершенное аналогичное преступление.

Тем не менее человек, совершивший преступление, не может постоянно контролировать свои жесты, позы, движения, он нередко живет в состоянии тревоги. Такой человек осознанно или неосознанно понимает, что поступил предосудительно, причинил кому-то вред, горе. Следовательно, он понимает, что должен контролировать свое поведение, эмоционально-волевое состояние. Это проявляется, например, в попытке следить во время общения со следователем за его реакцией, прикрыть рот (лицо) руками, в частом покашливании или незначительном заикании. От напряжения и стресса, связанных с ролью «невиновного», у человека пересыхает во рту, поэтому он часто просит воды. Возможны сложности в построении связанных предложений, хотя обычно он бывает красноречив.

Вместе с тем, если вести речь о невиновном человеке, то такими же невиновными будут его жесты, позы и т.д., то есть как вербальные, так и невербальные средства общения. Человек будет рационально приводить доводы своей невиновности и непричастности к совершенному преступлению (сообщает конкретную информацию, факты), а виновные, как правило, требуют доказательств от следователя. Невиновный человек будет стремиться доказать, что любые противоправные действия несовместимы с его образом жизни, статусом в обществе, воспитанием, обра-

зованием и т.д. В свою очередь, виновный редко обращается к таким аргументам.

Кроме того, для невиновного человека значимо мнение друзей, родственников, коллег и т.д., в то время как виновного беспокоит только ответственность. Его психология такова, что он будет изо всех сил стараться выглядеть невиновным.

Основой для формирования улики служат:

1) данные, которые противоречат доказательствам, имеющимся у следователя;

2) данные, указывающие на внутреннее противоречие;

3) данные о ситуациях, действиях, поступках и иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, о которых лицо, представляющее интерес для следствия, не могло знать до встречи со следователем;

4) проявление излишней заинтересованности в ходе расследования уголовного дела;

5) осведомленность по поводу тех или иных моментов совершенного преступления;

6) случайное сообщение того, что не следовало бы говорить, — в результате недостаточного контроля за изложением информации лицо произносит то, что действительно соответствует событию преступления и расходится с выстроенной данным лицом легендой (проговаривается).

Улика обусловлена, как правило, личными убеждениями следователя, которые основаны на анализе действий и поступков лица, представляющего интерес для следствия. Он должен сам собрать, проверить, сопоставить все улики с имеющимися в его распоряжении фактическими данными и убедиться в их достоверности.

С точки зрения психологии процесс формирования улик обусловлен в той или иной мере интуицией следователя, которая позволяет ему интерпретировать определенное поведение человека (действия, поступки, слова, жесты, мимику, телодвижения и др.) и, основываясь на предположении, делать вывод о причастности к совершенному преступлению. В данном случае может идти речь о лице, заподозренном в совершении преступления.

Вместе с тем анализ научной литературы показал, что ряд ученых, например,

А.И. Винберг, Г.М. Миньковский, Р.Д. Рахунов [6, с. 3-24], А.Я. Вышинский [7, с. 216-218], М.М. Гродзинский [8, с. 79], М.С. Строгович [9, с. 309-312], Г.Н. Мудьюгин [10, с. 53-57], А.А. Хмыров [11, с. 93], С.С. Чегодаева [12, с. 13-17], улики поведения относят к разряду косвенных доказательств. Кроме того, как показал проведенный нами опрос следователей и дознавателей, 75 % респондентов улики поведения также относят к косвенным доказательствам совершения преступления. Более категоричны авторы Большого юридического словаря [13, с. 643], которые отмечают, что улика в обиходной речи означает то же, что и доказательства.

Таким образом, превалирующей как среди ученых, так и среди практиков является точка зрения о том, что улика — это косвенные доказательства, вытекающие из поведения (действия или бездействия) лица, представляющего интерес для следствия.

Действительно, анализ следственной практики показывает, что следователи (дознаватели) в процессе расследования преступления наблюдают множество разнообразных действий и поступков участников уголовного процесса, которые вызывают те или иные эмоционально-волевые процессы и психические состояния, проявляющиеся в демонстрации поведения и трактующиеся как улика поведения. Вместе с тем, на наш взгляд, улика поведения — это гипотеза, предположение следователя. Несмотря на то, что практически каждая улика устанавливает какой-то факт (человек был в этом месте или был в другом; вещь найдена здесь или там; между соседями была ссора или ссоры не было; один оговорил другого), тем не менее это еще не доказательство, пусть даже и косвенное.

«Доказательство в уголовном процессе всегда представляет собой сложную юридическую конструкцию. Оно не возникает само по себе, поскольку формируется в результате целенаправленной процессуальной деятельности соответствующих субъектов доказывания. Доказательства — это не просто любые сведения об обстоятельствах устанавливаемого уголовно-правового события. Сведения, которые способны стать доказательством, должны быть обнаружены, получены и документально зафиксированы только специально уполномоченным

на то лицом или государственным органом в таком порядке, который точно соответствует требованиям уголовно-процессуального закона» [14, с. 109].

Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности — с позиции достаточности для разрешения уголовного дела (ч. 1 ст. 88 УПК РФ). Иными словами, перечисленные выше признаки понятия «уголовно-процессуальное доказательство» являются показателями внешних свойств и качеств структуры уголовно-процессуальных доказательств, состоящей из их содержания и процессуальной формы.

По всей видимости, речь должна идти о подозрении в причастности к совершенному преступлению, а не о доказательстве. В Словаре русского языка термин «подозрение» трактуется как «...предположение, основанное на сомнении в правильности, законности, чьих-нибудь поступков, в правдивости чьих-нибудь слов (вызывает к себе подозрения, подозрительное отношение)» [1, с. 538]. Понятие подозрения в уголовно-процессуальном законе не раскрывается. При этом сам термин «подозрение» используется в законодательстве часто (пп. 11, 42 ст. 5, ст. 10, ст. 46, ст. 223 УПК РФ и др.) и в некоторых случаях имеет ключевое значение для раскрытия сущности тех или иных процессуальных действий.

Любое подозрение должно подвергаться следователем тщательной проверке и доказыванию в ходе предварительного следствия. При этом форма подозрения должна выступать в виде предположения о причастности лица к преступлению. И только тогда, когда доказательств будет достаточно, подозрение может трансформироваться в обвинение.

Тем не менее дискуссия о том, является ли улика поведения косвенным доказательством, имеет право на существование. Причиной тому служит то обстоятельство, что в теории уголовно-процессуального права существует общепринятое разделение доказательств на косвенные и прямые.

Вместе с тем улика поведения — это в первую очередь феномен психолого-физиологический, а не юридический. Это продукт психологического наблюде-

ния за лицом, представляющим интерес для следствия, анализа его действий, поступков, намерений и т.д. Кроме того, неюридический характер подтверждается и тем, что понятие «улика поведения» не нашло своего отражения в уголовно-процессуальном законодательстве. Несмотря на это, его криминалистическое значение нельзя недооценивать.

Психологическое наблюдение, анализ действий и поступков лица, представляющего интерес для следствия, позволяют следователю или дознавателю более эффективно решать следующие оперативно-тактические задачи:

1) выдвигать обоснованные следственные версии, так как улика поведения дает возможность следователю интерпретировать определенное поведение лица, представляющего интерес для следствия, как причинно связанное с расследуемым преступлением;

2) осуществлять целенаправленный и всесторонний поиск доказательств, так как улика содержит в себе ориентирующую информацию, которая способствует эффективному проведению оперативно-розыскных мероприятий;

3) избирать правильную тактику проведения следственных действий (допроса, обыска и др.);

4) более эффективно организовать проведение тактических операций и комбинаций.

Учитывая важность и значимость своевременно выявленной улики поведения для расследования преступления, еще в 1925 году известный ученый-криминалист И.Н. Якимов предлагает сведения об «уликах поведения включать в криминалистическую характеристику преступления» [15, с. 393-394, 411-413], однако предложение ученого реального отражения в теории криминалистики до настоящего времени не нашло.

Рассуждая о криминалистической характеристике преступления, Р.С. Белкин отмечает, что ее составляют данные, касающиеся любых признаков преступления и, более того, фактов, которые, строго говоря, не относятся к числу обстоятельств преступления, при условии, конечно, если они так или иначе связаны с преступлением и содержат информацию, способству-

ющую расследованию. Например, такое обстоятельство, как жизнь «не по средствам» лица, обвиняемого в корыстном преступлении, в строгом смысле характеризует не преступление, а постпреступное поведение определенного субъекта. Однако при обоснованности обвинения, будучи тесно связано с преступлением и способствуя расследованию, оно должно рассматриваться как элемент криминалистической характеристики. Аналогичное значение имеют и такие, например, данные, как предшествовавшее событию и выраженное вовне намерение определенного лица совершить преступление; внезапный, безмотивный для невинного, переезд лица на новое место жительства из населенного пункта, в котором совершено преступление; резкое изменение в состоянии и поведении лица (угнетенность, проявление чувства страха и т.п.), характерное для совершившего преступление. Подобные элементы криминалистической характеристики являются своего рода отражениями процессов, ведущих к преступлению, либо самого преступления [16, с. 123-124].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что Р.С. Белкин прямо указывает на необходимость включения улики поведения в криминалистическую характеристику преступлений. Однако, по всей видимости, из-за недостаточной разработанности их научных основ улики поведения в настоящее время не нашли своего отражения.

Вместе с тем для рассмотрения улики поведения как элемента криминалистической характеристики необходимо:

– во-первых, разработать криминалистическое понятие улики поведения;

– во-вторых, определиться с криминалистической сущностью улики поведения и их назначением;

– в-третьих, провести классификацию улики поведения, которая отражала бы их содержание, и т.д.

### **Выводы**

Как представляется, в криминалистической характеристике отдельных видов преступлений основное внимание следует обратить на типичные улики поведения, относящиеся как к лицу, заподозренному в совершении преступления, так и к потерпевшему, которые на начальном этапе рас-

следования преступлений будут служить в качестве основания для выдвижения следственных версий. Интерес представляют и улики поведения, проявляющиеся в процессе проведения следственных действий (допроса, обыска и др.).

Кроме того, анализ и обобщение типичных улик поведения не только позволит придать им криминалистическое содержание, но и существенно повысит их практическое значение для деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений.

Перечни типичных улик поведения имеются, они находят свое отражение в ряде работ известных ученых-криминалистов, однако они не систематизированы. В свое время В.Г. Рубцов [17, с. 96] предлагал организовать ведение их учета, но данное предложение до сих пор не реализовано. Полагаем, что в случае осуществления систематизации и типизации улик поведения можно было бы вести речь о криминалистической теории – криминалистическом учении об уликах поведения.

### Список источников

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. Москва: Рус. яз., 1990. 921 с.
2. Ковалев А.И. Улики поведения и планирование следствия // Вопросы правоведения. Новосибирск, 1970. Вып. 6. С. 186-188.
3. Глазырин Ф.В. Психология следственных действий: учеб. пособие для высших учебных заведений МВД СССР. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1983. 136 с.
4. Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н. Посткриминальный суицид убийц как улика поведения // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: Юридические науки. 2011. Т. 24 (63). N 2. С. 232-236.
5. Яджин Н.В. Психология личности явившегося с повинной и мотивация явки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2006. N 1. С. 81-87.
6. Винберг А.И., Миньковский Г.М., Рахунов Р.Д. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. Москва: Госюриздат, 1956. 219 с.
7. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 220 с.
8. Ученые труды. Вып. VII: Улики в уголовном процессе / М.М. Гродзинский. Москва: Изд-во НКЮ СССР, 1945. 123 с.
9. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / Акад. наук СССР; Ин-т права им. А.Я. Вышинского. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 384 с.
10. Мудьюгин Г.Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. Москва, 1973. 157 с.
11. Хмыров А.А. Некоторые вопросы теории и практики применения косвенных доказательств // Советское государство и право. 1965. N 2. С. 92-101.
12. Чегодаева С.С. Криминалистическое исследование улик поведения: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. 159 с.
13. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2002. 704 с.
14. Уголовный процесс: учебник / под ред. С.А. Колосовича, Е.А. Зайцевой. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ГУК МВД России, 2003. 492 с.
15. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Москва: ЛексЭст, 2003. 496 с.
16. Криминалистика социалистических стран / Р.С. Белкин, В. Гельбиг, Х. Говорка, Г.Г. Зуйков [и др.]. Москва: Юрид. лит., 1986. 512 с.
17. Рубцов В.Г. О регистрации и учете форм посткриминального поведения // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и правонарушениями. 2004. N 4. С. 96-97.

### References

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1990. 921 p. (In Russ.).
2. Kovalev A.I. Evidence of behavior and investigation planning. Questions of jurisprudence, 1970, issue 6, pp. 186-188. (In Russ.).
3. Glazyrin F.V. Psychology of investigative actions: a textbook for higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Volgograd, 1983. 136 p. (In Russ.).
4. Ardashev R.G., Kitaev N.N. Post-crimal suicide of murderers as evidence of behavior. Scientific notes of the Tauride National University named after V.I. Vernadsky. The series "Legal Sciences", 2011, vol. 24 (63), no. 2, pp. 232-236. (In Russ.).

5. Yadzhin N.V. Psychology of the person who turned himself in and the motivation of the appearance. *Legal Science and Law Enforcement Practic*, 2006, no. 1, pp. 81-87. (In Russ.).
6. Vinberg A.I., Min'kovskiy G.M., Rakhunov R.D. Indirect evidence in the Soviet criminal process. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1956. 219 p. (In Russ.).
7. Vyshinsky A.Ya. Theory of judicial evidence in Soviet law. Moscow, 1941. 220 p. (In Russ.).
8. Grodzinsky M.M. Evidence in criminal proceedings. *Scientific works. Issue VII*. Moscow, 1945. 123 p. (In Russ.).
9. Strogovich M.S. Material truth and judicial evidence in the Soviet criminal process. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. 384 p. (In Russ.).
10. Mudyugin G.N. Investigation of murders disguised by dramatizations. All-Union Institute for the Study of the Causes and Development of Crime Prevention Measures. Moscow, 1973. 157 p. (In Russ.).
11. Khmyrov A.A. Some questions of theory and practice of the use of indirect evidence. *Soviet state and Law*, 1965, no. 2, pp. 92-101. (In Russ.).
12. Chegodaeva S.S. Forensic investigation of evidence of behavior. *Cand. Diss.* Moscow, 2000. 159 p. (In Russ.).
13. Large legal dictionary. Moscow, INFRA-M Publ., 2002. 704 p. (In Russ.).
14. Criminal procedure. Moscow, 2003. 492 p. (In Russ.).
15. Yakimov I.N. Criminalistics: Manual on criminal technique and tactics. Moscow, LeksEst Publ., 2003. 496 p. (In Russ.).
16. Belkin R.S., Gel'big V., Govorka H., Zuikov G.G. [i dr.]. Criminalistics of socialist countries. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1986. 512 p. (In Russ.).
17. Rubtsov V.G. On registration and accounting of forms of post-criminal behavior. *Actual problems of combating crimes and offenses*, 2004, no. 4, pp. 96-97. (In Russ.).

## Раздел 6. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Научная специальность: 5.1.2

### Особенности административного выдворения за пределы Российской Федерации несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства

**Андрей Владимирович Лупенков,**

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, lupenkovav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8710-3568>

**Аннотация.** В статье рассматриваются особенности административного выдворения за пределы Российской Федерации несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства. Автором изучается правовой статус таких лиц, определенный действующим российским законодательством. Анализируется влияние особенностей правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства на реализацию административной ответственности, применение процессуальной меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренной статьей 27.19 КоАП РФ. Рассматривается порядок производства по делу об административном правонарушении, совершенном несовершеннолетним иностранным гражданином, а также реализации его помещения в центр содержания иностранных граждан и лиц без гражданства и в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей. По результатам исследования формулируются выводы, предлагаются пути разрешения выявленных проблем.

**Ключевые слова:** несовершеннолетний иностранный гражданин, административное выдворение, правовой статус, помещение в специальное учреждение, специальные учреждения органов внутренних дел

*Для цитирования:* Лупенков А.В. Особенности административного выдворения за пределы Российской Федерации несовершеннолетних иностранных граждан и лиц без гражданства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4 (62). С. 66-74.

### Peculiarities of administrative expulsion of minor foreign citizens and stateless persons from the Russian Federation

**Andrey V. Lupenkov,**

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, lupenkovav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8710-3568>

**Abstract.** The peculiarities of administrative expulsion of minor foreign citizens and stateless persons from the Russian Federation are analyzed in the article. The author studies the legal status of such persons determined by the current Russian legislation. The influence of the peculiarities of the legal status of foreign citizens and stateless persons on the process of implementing the administrative responsibility, as well as the application of a procedural measure to ensure the administrative proceedings provided by Article 27.19 of the Administrative Code of the Russian Federation, is examined. The procedures for considering the administrative offence committed by a minor foreign citizen and placing the minor in detention center for foreign citizens and stateless persons and in juvenile temporary detention center are analyzed. Basing on the results of the study, the conclusions are formulated and the ways of solving the identified problems are proposed.

**Keywords:** minor foreign citizen, administrative expulsion, legal status, placing in a special institution, special institutions of internal affairs bodies

*For citation:* Lupenkov A.V. Peculiarities of administrative expulsion of minor foreign citizens and stateless persons from the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 4 (62). P. 66-74.

Действующим российским законодательством несовершеннолетние иностранные граждане и лица без гражданства (далее — иностранные граждане) не выделяются в качестве особого субъекта административно-правовых отношений, они лишь однократно упоминаются как члены семьи иностранного гражданина — высококвалифицированного специалиста (абз. 3 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»)\*. При этом указанные субъекты являются участниками данных правоотношений, что определяет необходимость осуществления ряда функций, направленных на предупреждение и пресечение правонарушений в сфере миграционного законодательства [1, с. 30]. Согласно ст.ст. 17, 38 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) и федеральным законам Российской Федерации\*\* права и законные интересы несовершеннолетних подлежат защите безотносительно к их гражданству. Независимо от возраста, иностранные граждане пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (ч. 3 ст. 62 Конституции РФ).

Главная особенность правового статуса несовершеннолетних иностранных граждан — это зависимость от правового статуса их родителей или иных законных представителей, являющихся также иностранными гражданами. Правовой статус родителей — иностранных граждан, в свою очередь, зависит от цели их прибытия на территорию Российской Федерации, срока нахождения на территории Российской Федерации и вида полученных ими разрешительных документов.

\* Рос. газ. 2002. 31 июля.

\*\* См.: Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 27 дек. 2018 г. N 501-ФЗ // Там же. 2018. 29 дек.; Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ // Там же. 1998. 5 авг.

На территории Российской Федерации несовершеннолетние иностранные граждане могут находиться либо в связи с прибытием из иностранного государства с родителями либо иными законными представителями или самостоятельно в порядке, регламентированном Федеральным законом от 15 августа 1996 г. N 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»\*\*\*, либо с момента рождения на территории Российской Федерации.

Во время нахождения на территории Российской Федерации на несовершеннолетних иностранных граждан, как и на их родителей — иностранных граждан, распространяется правило о необходимости оформления свидетельства о регистрации по месту пребывания в установленные законом сроки. Место их пребывания законодательством не определяется. Как правило, они проживают со своими родителями или иными законными представителями, в обязанность которых входит постановка указанных несовершеннолетних на миграционный учет по месту пребывания либо регистрация по месту жительства. Несовершеннолетних иностранных граждан запрещено регистрировать по адресу юридического лица, по которому могут быть зарегистрированы их родители. Срок пребывания несовершеннолетних иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации определяется сроком пребывания их родителей или иных законных представителей\*\*\*\*.

Как отмечают исследователи, самая острая правовая проблема, касающаяся несовершеннолетних иммигрантов, — это истечение разрешенного 90-дневного срока пребывания со дня их въезда на территорию Российской Федерации. Даже если у родителей есть разрешение на ра-

\*\*\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 34. Ст. 4029.

\*\*\*\* См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 14 июля 2022 г. N 357-ФЗ // Там же. 2022. N 29 (ч. III). Ст. 5324.

боту или патент и они могут пребывать на территории Российской Федерации более 90 дней, не выезжая из страны, то для несовершеннолетних детей указанный срок является пресекательным [2, с. 38].

Следует учитывать, что в случае рождения на территории Российской Федерации ребенка, родители которого являются иностранными гражданами, приобретения им гражданства Российской Федерации не происходит, соответственно, статус и порядок нахождения несовершеннолетнего иностранного гражданина на территории Российской Федерации не изменяются.

Административная ответственность несовершеннолетних иностранных граждан реализуется в порядке ст. 2.6 КоАП РФ на общих основаниях с некоторыми исключениями в части применения специального наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации, а также процессуальной меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренной ст. 27.19 КоАП РФ, – помещение в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации. К таким учреждениям в системе МВД России относятся Центры временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – ЦВСИГ), обладающие специальным административно-правовым статусом, предопределенным спецификой их деятельности и регламентированным федеральными законами [3, с. 30].

Таким образом, можно согласиться с выводом М.Ю. Понежина и Л.Ю. Понежиной о том, что «для данной категории лиц в России установлен национальный режим, то есть правило об уравнивании, за некоторыми исключениями, в правах и обязанностях с гражданами Российской Федерации» [4, с. 83].

В случае совершения находящимся на территории Российской Федерации несовершеннолетним иностранным гражданином, достигшим возраста 16 лет, административного правонарушения, за совершение которого в качестве на-

казания предусмотрено административное выдворение за пределы Российской Федерации, данный гражданин самостоятельно несет за него ответственность и к нему может быть применена процессуальная мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (ст. 27.19 КоАП РФ).

Согласно п. 15 Правил содержания (пребывания) в специальных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. N 1306\*, несовершеннолетние иностранные граждане и лица без гражданства содержатся в специальных учреждениях совместно с родителями или иными совершеннолетними близкими родственниками – иностранными гражданами.

Случаи применения указанной процессуальной меры в отношении иностранных граждан в возрасте от 16 до 18 лет без сопровождения законных представителей являются единичными. По данным Е.А. Летаевой, в 2020 и 2021 годах в ЦВСИГ содержалось 14 несовершеннолетних иностранных граждан [5, с. 98]\*\*. При этом административному выдворению в 2020 году подлежало

\* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 2 (ч. I). Ст. 130.

\*\* В Отчете о результатах деятельности территориальных органов МВД России по содержанию (пребыванию) в специальных учреждениях МВД России или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, сведения о данной категории лиц отражаются только на конец отчетного периода (месяц, год), что свидетельствует о недостаточном внимании, уделяемом данному вопросу.

9768 иностранных граждан, а в 2021 году – 9009\*.

Несовершенство нормативных правовых актов, регламентирующих помещение иностранных граждан в возрасте от 16 до 18 лет в ЦВСИГ, стало причиной сделанного Н.В. Поляковой вывода о том, что «дети, не достигшие 18 лет, не могут содержаться в специальных учреждениях без сопровождения родителей и иных законных представителей» [6, с. 193]. М.Ю. Семенец подчеркивает отсутствие необходимых условий для пребывания в ЦВСИГ несовершеннолетних иностранных граждан [7, с. 114], а Е.А. Летаева отмечает отсутствие законодательного закрепления требований к указанным условиям [8, с. 48].

В настоящее время несовершеннолетних граждан до их административного выдворения, ввиду отсутствия четкой регламентации порядка их содержания, помещают в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел (далее – ЦВСНП), что подтверждают статистические данные, согласно которым количество доставленных в органы внутренних дел несовершеннолетних иностранных граждан не снижается. Так, в 2021 году в ОВД доставлено 1857 несовершеннолетних иностранных граждан (государств – участников СНГ), за 6 месяцев 2022 года

– 1548\*\*. В частности, только в ЦВСНП ГУ МВД России по Свердловской области и ЦВСНП МУ МВД России «Нижнетагильское» в 2020 году содержалось 45 несовершеннолетних иностранных граждан, в 2021 году – 26, за 6 месяцев 2022 года – 30\*\*\*.

Фактическими основаниями помещения несовершеннолетнего иностранного гражданина в ЦВСНП являются: неустановление личности несовершеннолетнего иностранного гражданина, отсутствие места жительства, места пребывания на территории Российской Федерации, совершение правонарушения на территории другого субъекта Российской Федерации (вне места проживания) либо невозможность передать родителям или иным законным представителям в течение трехчасового срока в случае проживания на территории субъекта Российской Федерации, где им было совершено правонарушение\*\*\*\*.

По мнению М.Ю. Семенец, для помещения несовершеннолетнего иностранного гражданина, подлежащего административному выдворению, в ЦВСНП необходимо законодательное расширение круга лиц, помещаемых в данные центры, и, соответственно, введение категории несовершеннолетних, оставивших государство постоянного проживания без раз-

\* Сборник по России. Отчет о результатах деятельности территориальных органов МВД России по содержанию (пребыванию) в специальных учреждениях МВД России или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии за январь – декабрь 2020 г.; Сборник по России. Отчет о результатах деятельности территориальных органов МВД России по содержанию (пребыванию) в специальных учреждениях МВД России или его территориального органа иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии за январь – декабрь 2021 г. Документы опубликованы не были. Доступ из информационно-справочного портала МВД России.

\*\* Сборник по России. Отчет о работе территориальных органов МВД России по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних за январь – декабрь 2021 г.; Сборник по России. Отчет о работе территориальных органов МВД России по предупреждению и пресечению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних за январь – июнь 2022 г. Документы опубликованы не были. Доступ из информационно-справочного портала МВД России.

\*\*\* В итоговой статистике ГИАЦ МВД России сведения о помещении несовершеннолетних иностранных граждан в ЦВСНП не обобщаются, что свидетельствует о недостаточном внимании, уделяемом данному вопросу.

\*\*\*\* Пункты 5 и 6 ч. 2 ст. 22 Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». (См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 26. Ст. 3177).

решения родителей или иных законных представителей и подлежащих возвращению в государство постоянного проживания. Как отмечает автор, введение указанной категории позволит не только урегулировать вопросы передачи несовершеннолетних иностранных граждан родителям или иным законным представителям, но и законодательно закрепить возможность содержания детей в ЦВСНП до решения в суде вопроса о применении к ним административного наказания в виде административного выдворения [9, с. 193]. Указанная позиция имеет право на существование, так как законодательную регламентацию данного вопроса нельзя признать удовлетворительной.

После помещения в ЦВСНП несовершеннолетние иностранные граждане могут находиться там в течение времени, минимально необходимого для их устройства, но не более 30 суток. В исключительных случаях указанный срок может быть продлен на основании постановления судьи до 15 суток\*.

В качестве исключительных обстоятельств для продления срока содержания несовершеннолетних иностранных граждан в ЦВСНП сотрудниками правоохранительных органов, как правило, указывается необходимость дополнительного времени для оформления соответствующих документов (получение необходимых разрешений и их согласование) и приобретения проездных билетов. Примером может послужить административный иск начальника ЦВСНП ГУ МВД России по Самарской области о продлении срока содержания несовершеннолетнего гражданина Республики Таджикистан\*\*.

Не являются исключением случаи неоднократного продления срока содержания несовершеннолетних иностранных граждан в ЦВСНП, а также вынесение представителями правоохранительных органов ходатайств о продлении сроков содержания бо-

лее чем на 15 суток. Например, УМВД России по Псковской области обратилось в суд с административным иском заявлением к гражданину Социалистической Республики Вьетнам Ч. о продлении срока содержания последнего в ЦВСНП сначала на 15 суток, а затем, ввиду того, что срок нахождения Ч. в ЦВСНП УМВД России по Псковской области истек и законных оснований для пребывания на территории Российской Федерации несовершеннолетний гражданин Социалистической Республики Вьетнам не имеет, в связи с нарушением правил транзитного проезда через территорию Российской Федерации, а также отсутствием у него законных представителей на территории Российской Федерации, проведением в отношении его процедуры реадмиссии, – на срок 180 суток\*\*\*.

Судами по своей инициативе также принимаются решения о бессрочном содержании в ЦВСНП несовершеннолетних иностранных граждан. Так, постановлением судьи Свердловского районного суда г. Перми срок содержания несовершеннолетнего иностранного гражданина М. в ЦВСНП ГУ МВД России по Пермскому краю установлен до исполнения решения об административном выдворении\*\*\*\*.

Следует согласиться с мнением Е.Ю. Родионовой и С.В. Калининой о том, что практика позиционирования ЦВСНП в качестве специальных учреждений, предназначенных для содержания несовершеннолетних иностранных граждан, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации, в рамках действующего законодательства не соответствует требованиям правовых норм, составляющих основу регулирования отношений в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и в миграционной сфере [10, с. 229].

При осуществлении производства по делу об административном правонарушении в отношении несовершеннолетнего иностранного гражданина и применении

\* Часть 6 ст. 22 Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

\*\* Решение Железнодорожного районного суда г. Самары от 6 мая 2019 г. по делу N 2А-1460/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

\*\*\* Решение Псковского городского суда от 18 сент. 2018 г. по делу N 2А-3276/2018 // Там же.

\*\*\*\* Постановление Свердловского районного суда г. Перми от 21 окт. 2013 г. N 5-934/2013 // Там же.

к нему специальной меры обеспечения в виде помещения в специальное учреждение имеются риски ограничения основных конституционных прав правонарушителя, таких как право на свободу и личную неприкосновенность.

На основании ч. 3 ст. 1.3, ч. 1 ст. 23.2 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, подведомственны комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав. Данное правило не зависит от гражданской принадлежности несовершеннолетнего правонарушителя.

При рассмотрении дела об административном правонарушении, совершенном несовершеннолетним иностранным гражданином, требуется установление факта нахождения его родителей или иных законных представителей на территории Российской Федерации и наличия у последних гражданства Российской Федерации.

В соответствии с ч. 3 ст. 29.5, ст. 25.3 КоАП РФ рассмотрение дела об административном правонарушении осуществляется комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав с участием законных представителей по месту жительства несовершеннолетнего иностранного гражданина. При этом возникают сложности с определением места жительства несовершеннолетнего иностранного гражданина, так как согласно действующему миграционному законодательству местом жительства на территории Российской Федерации обладают только иностранные граждане, временно или постоянно проживающие в Российской Федерации и имеющие регистрацию в установленном порядке по адресу проживания (пп. 3 и 5 ст. 2 Федерального закона от 18 июля 2006 г. N 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»<sup>\*</sup>). В то же время остальные иностранные граждане являются временно пребывающими в Российской Федерации и места жительства не имеют. Кроме того, родители или иные законные представители несовершеннолетнего иностранного гражданина могут находиться за пределами Российской Федерации, в

связи с чем у них отсутствует возможность принять участие в рассмотрении дела. Указанные обстоятельства образуют правовую коллизию, не позволяющую комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав надлежащим образом выполнить необходимые процессуальные действия.

Исполнение административного наказания в виде административного выдворения в отношении иностранных несовершеннолетних граждан осуществляется в порядке, установленном Соглашением о сотрудничестве государств – участников СНГ в вопросах возвращения несовершеннолетних в государства их постоянного проживания от 7 октября 2002 г.<sup>\*\*</sup> Такие лица из ЦВСНП передаются представителям транзитных учреждений государств – участников СНГ или в сопровождении должностных лиц ЦВСНП доставляются в государства постоянного проживания, где передаются законным представителям или органам государственной власти, исполняющим функции органа опеки и попечительства.

Как показывает практика, в случае, если у несовершеннолетнего иностранного гражданина на территории Российской Федерации имеются родители или иные законные представители, то наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации и, соответственно, помещение в специальные учреждения не применяется<sup>\*\*\*</sup>.

При решении вопроса о назначении наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации судом учитываются требования ст. 9

<sup>\*\*</sup> Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в вопросах возвращения несовершеннолетних в государства их постоянного проживания (Вместе с «Перечнем транзитных учреждений, через которые устанавливается межгосударственная перевозка...») (Заключено в г. Кишиневе 7 окт. 2002 г.) // Бюллетень международных договоров. 2007. N 1. С. 20-25.

<sup>\*\*\*</sup> См.: постановление Ленинского районного суда г. Нижний Новгород N 5-569/2019 от 10 июля 2019 г. по делу N 5-569/2019; Постановление Ленинградского районного суда г. Калининграда N 5-566/2019 от 23 мая 2019 г. по делу N 5-566/2019 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

<sup>\*</sup> Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 30. Ст. 3285.

Конвенции о правах ребенка\*, которая запрещает вмешательство в семейную жизнь, а разлучение ребенка с родителями определяется как исключительное обстоятельство.

Если в отношении родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего иностранного гражданина судом назначено наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации, то судам также необходимо учитывать законные интересы самого несовершеннолетнего. Если у несовершеннолетнего иностранного гражданина на территории Российской Федерации отсутствует второй родитель или иной законный представитель помимо родителя, в отношении которого может быть назначено наказание в виде административного выдворения из Российской Федерации, то необходимым условием является участие представителей органов опеки и попечительства при рассмотрении дела об административном правонарушении. В ходе рассмотрения дела об административном правонарушении представители органов опеки и попечительства должны ходатайствовать о помещении в ЦВСИГ несовершеннолетнего иностранного гражданина совместно с подлежащим административному выдворению, депортации или реадмиссии за пределы Российской Федерации родителем или иным законным представителем, либо о помещении несовершеннолетнего иностранного гражданина в специализированное учреждение для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, или учреждение органов здравоохранения\*\*.

Однако, несмотря на охранительные нормы международного права и законо-

\* Конвенция о правах ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 нояб. 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сент. 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

\*\* Необходимость указанного ходатайства обусловлена положениями ч. 3 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека, которая объявляет семью «естественной и основной ячейкой общества», обладающей правом на «защиту со стороны общества и государства», а кроме того, ст. 38 Конституции Российской Федерации, провозглашающей государственную защиту материнства и детства.

дательства Российской Федерации, имеют место случаи вынесения судами постановлений об административном выдворении родителей без учета интересов несовершеннолетнего\*\*\*.

Если в отношении родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего назначено наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации, то несовершеннолетний иностранный гражданин, как правило, не помещается в специальные учреждения (ЦВСИГ или ЦВСНП). Однако его права также нуждаются в защите, поскольку в случае оставления несовершеннолетнего иностранного гражданина на территории Российской Федерации у него будет отсутствовать возможность нормального общения с родителями, что нарушает его право на проживание, воспитание в семье и общение с родителями. В данном случае суду, органам опеки и попечительства необходимо разъяснять выдворяемому иностранному гражданину действующее законодательство и возможность наступления указанных негативных последствий.

При этом следует учитывать, что суд при назначении административного выдворения как в принудительной форме, так и в форме самостоятельного контролируемого выезда не полномочен одновременно выдворить и его несовершеннолетних детей, поскольку производство по делу в отношении их не осуществлялось.

В некоторых случаях к лицам, подлежащим административному выдворению за пределы Российской Федерации, невозможно применять данную меру, поскольку это напрямую запрещают нормы международного права. Вследствие этого и применение такой обеспечительной меры, как их помещение в специальные учреждения (ЦВСИГ или ЦВСНП), также представляется невозможным.

К таким случаям относится наличие серьезных оснований полагать, что вы-

\*\*\* См.: Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 10 февр. 2022 г. N 16-317/2022; Решение Ростовского областного суда от 28 февр. 2020 г. N 7.1-193/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дворяемому из Российской Федерации в административном порядке лицу в другом государстве, в которое оно выдворяется, может угрожать применение пыток\*; наличие угрозы жизни или свободе иностранного гражданина или лица без гражданства вследствие его расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений\*\*. Кроме того, запрещена коллективная высылка иностранцев, высылка без принятия законного принятого решения о ней в отношении каждого иностранного гражданина и лица без гражданства\*\*\*.

Действующее законодательство Российской Федерации не в полной мере

отражает особенности правового статуса несовершеннолетних иностранных граждан, что существенно затрудняет правоприменительную деятельность. Выработка единообразного подхода к рассмотрению судами дел об административном выдворении несовершеннолетних иностранных граждан за пределы Российской Федерации и к решению вопроса о помещении последних в специальные учреждения будет иметь большое значение для регламентации деятельности по исполнению рассматриваемого наказания.

Для решения указанной проблемы предлагается законодательно закрепить возможность помещения в ЦВСИГ несовершеннолетних иностранных граждан без сопровождения законных представителей и определить условия их содержания. Другим способом решения проблемы может выступить законодательное расширение круга лиц, помещаемых в ЦВСИГ, и введение в Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» новой категории несовершеннолетних — подлежащие возвращению в государство постоянного проживания.

\* Статья 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Заключена в г. Нью-Йорке 10 дек. 1984 г.). (См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. N 45. Ст. 747).

\*\* Статья 33 Конвенции о статусе беженцев (Заключена в г. Женеве 28 июля 1951 г.). (См.: Бюллетень международных договоров. 1993. N 9. С. 6-28).

\*\*\* Статья 25 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26 мая 1995 г.). (См.: Рос. газ. 1995. 23 июня).

#### Список источников

1. Дорошенко О.М., Морукова А.А. Актуальные проблемы деятельности органов государственной власти Российской Федерации по контролю за соблюдением правил миграционного учета несовершеннолетних граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства // Миграционное право. 2016. N 2. С. 30-34.
2. Жукова И.А. Правовое положение детей мигрантов в Российской Федерации // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2015. N 2. С. 38-40.
3. Летаева Е.А. Административно-правовой статус специальных учреждений МВД России для содержания иностранных граждан // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 2 (56). С. 26-34.
4. Понежин М.Ю., Понежина Л.Ю. Некоторые особенности привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к административной ответственности // Юристъ-Правоведъ. 2015. N 2 (69). С. 83-88.
5. Летаева Е.А. Специальные учреждения МВД России для содержания иностранных граждан, подлежащих административному выдворению, депортации или реадмиссии (теоретико-прикладной аспект): монография. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2022. 160 с.
6. Полякова Н.В. Проблемы административно-правового регулирования положения несовершеннолетних мигрантов // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. N 1. С. 189-195.
7. Семенец М.Ю. Особенности административно-правового регулирования помещения несовершеннолетних граждан иностранных государств в центры временного содержания и передачи их законным представителям // Труды Академии управления МВД России. 2018. N 1 (45). С. 114-119.
8. Летаева Е.А. Совершенствование правового регулирования организации службы Центров временного содержания иностранных граждан // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2020. N 2 (15). С. 44-49.
9. Семенец М.Ю. Административно-правовые основы деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Москва, 2019. 279 с.

10. Родионова Е.Ю., Калинина С.В. Особенности содержания в специализированных учреждениях несовершеннолетних иностранных граждан // Вестник экономической безопасности. 2020. N 6. С. 225-229.

#### References

1. Doroshenko O.M., Morukova A.A. Actual problems of the activity of state authorities of the Russian Federation in monitoring compliance with the rules of migration registration of minors of the Russian Federation, foreign citizens and stateless persons. *Migration Law*, 2016, no. 2, pp. 30-34. (In Russ.).
2. Zhukova I.A. The legal status of migrant children in the Russian Federation. The spiritual situation of time. *Russia XXI century*, 2015, no. 2, pp. 38-40. (In Russ.).
3. Letaeva E.A. Administrative and legal status of special institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the maintenance of foreign citizens. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2021, no. 2 (56), pp. 26-34. (In Russ.).
4. Ponezhin M.Yu., Ponezhina L.Yu. Some features of bringing foreign citizens and stateless persons to administrative responsibility. *Lawyer-Jurist*, 2015, no. 2 (69), pp. 83-88. (In Russ.).
5. Letaeva E.A. Special institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the detention of foreign citizens subject to administrative expulsion, deportation or readmission (theoretical and applied aspect). Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2022. 160 p. (In Russ.).
6. Polyakova N.V. Problems of administrative and legal regulation of the situation of minor migrants. *Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 1, pp. 189-195. (In Russ.).
7. Semenets M.Yu. Features of the administrative and legal regulation of the placement of minor citizens of foreign States in temporary detention centers and their transfer to legal representatives. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1 (45), pp. 114-119. (In Russ.).
8. Letaeva E.A. Improving the legal regulation of the organization of the service of Temporary Detention Centers for Foreign citizens. *Bulletin of the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2020, no. 2 (15), pp. 44-49. (In Russ.).
9. Semenets M.Yu. Administrative and legal bases of the activity of temporary detention centers for juvenile offenders. *Cand. Diss. Moscow*, 2019. 279 p. (In Russ.).
10. Rodionova E.Yu., Kalinina S.V. Features of the detention of minors of foreign citizens in specialized institutions. *Bulletin of Economic Security*, 2020, no. 6, pp. 225-229. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.2

### **Влияние психологических и социологических аспектов на применение административных наказаний**

**Сергей Николаевич Шаклеин,**

Управление Государственной инспекции безопасности дорожного движения Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Магаданской области, Магадан, Россия, shaklein83@mail.ru

**Аннотация.** Научная статья посвящена актуальной проблеме увеличения количества административных правонарушений и применения административных наказаний. Акцентируется внимание на необходимости комплексного подхода при назначении административного наказания, так как ключевая цель наказания – предупреждение последующих правонарушений. Обосновывается значимость учета психологических и социологических аспектов как превентивного условия прекращения противоправного поведения при определении меры наказания за совершение административного правонарушения с целью воспитания (перевоспитания) административного делинквента. Предлагается сконцентрировать внимание на исследовании повышения эффективности назначения и исполнения административных наказаний с учетом психологических и социологических аспектов в рамках нового научного направления – административной пенологии. Сделаны выводы о целесообразности использования данного подхода для повышения эффективности назначения и исполнения административных наказаний.

**Ключевые слова:** административная деликтность, административное правонарушение, административная деликтология, психология, социология, административная пенология, административное наказание

*Для цитирования:* Шаклеин С.Н. Влияние психологических и социологических аспектов на применение административных наказаний // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4 (62). С. 75-83.

### **Considering psychological and sociological aspects when imposing and applying administrative penalties**

**Sergey N. Shaklein,**

Department of the State Road Safety Inspectorate of the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Magadan Region, Magadan, Russia, shaklein83@mail.ru

**Abstract.** The scientific article is devoted to the actual problem of increasing the number of administrative offences and the application of administrative penalties. The author of the article emphasizes the need for an integrated approach when imposing the administrative penalty, since the key purpose of the punishment is the prevention of subsequent offences. The importance of considering the psychological and sociological aspects when imposing the penalty for committing an administrative offence for the purpose of educating (re-educating) the delinquent as the condition for preventing illegal behavior is substantiated. It is proposed to focus on the study of increasing the effectiveness of the imposition and application of administrative penalties, taking into account the psychological and sociological aspects within the framework of a new direction in administrative law – administrative penology. It is concluded that the use of this approach is advisable to improve the efficiency of the imposition and application of administrative penalties.

**Keywords:** totality of administrative offences committed in a certain territory for a certain period of time, administrative offence, administrative delictology, psychology, sociology, administrative penology, administrative punishment

*For citation:* Shaklein S.N. Considering psychological and sociological aspects when imposing and applying administrative penalties // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 4 (62). P. 75-83.

© Шаклеин С.Н., 2022

В настоящее время в Российской Федерации административные правонарушения являются одними из самых распространенных противоправных деяний, имеющих тенденцию к увеличению. Качество обеспечения прав и свобод граждан, общественных и государственных интересов во многом связано с эффективностью противодействия административным правонарушениям. Каждое такое правонарушение является лишь частной угрозой конкретным общественным отношениям, которая снижает уровень их безопасности, но в своей совокупности, в виде административно-деликтной массы, вызывает значительные негативные последствия. Административные деликты деструктивно влияют на социально-культурные и экономические основы российского общества, в определенной степени служат причиной, сопутствующей формированию опасного вида девиантного поведения — преступления.

Административная деликтность как социальное и правовое явление представ-

ляет собой особый научный интерес. Важные исследования в данной области научного знания, имеющие большое значение и в настоящее время, были проведены во второй половине XX века такими учеными, как Е.В. Додин, А.Е. Лунев, Л.Л. Попов, В.И. Ремнев. Существенный вклад в исследование различных аспектов и проблем административной деликтности, эффективности административного наказания внесли известные российские ученые (В.В. Головкин, В.В. Денисенко, А.Н. Дерюга, Н.Н. Дерюга, А.С. Дугенец, В.И. Майоров, Б.В. Россинский, О.С. Рогачева, Ю.П. Соловей, Ю.Н. Стариков, А.П. Шергин и др.).

В настоящее время актуальность поиска новых решений в противодействии росту административных правонарушений не вызывает сомнений. Статистические данные за пятилетний период, представленные Главным информационно-аналитическим центром МВД России\*, демонстрируют рост административных правонарушений (см. рис.).

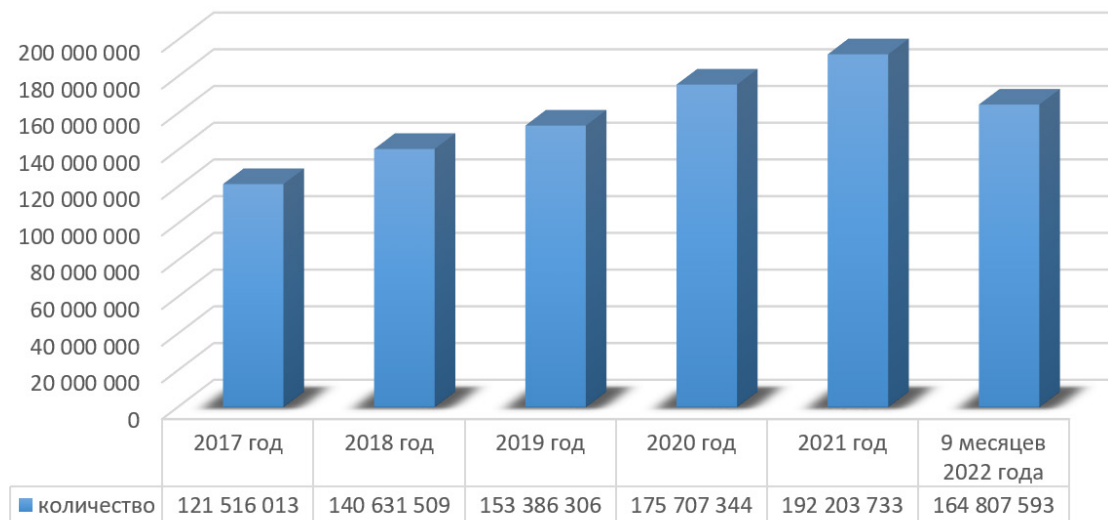


Рис. Количество административных правонарушений, зарегистрированных в период 2017 год — 9 месяцев 2022 года

Следует констатировать, что, несмотря на усиление санкционных мер, в том числе применение института административной преюдиции, происходит увеличение количества новых административных правонарушений. Подавляющее большинство делится приходится на административные правонарушения в области дорожного движения, тем не менее возрастает количество и других административных правонарушений.

Санкционные меры, принимаемые с начала введения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, до настоящего времени имеют два ключевых направления. С одной стороны, это понимание неотвратимости наказания, а с другой — ужесточение наказания (дополнительно вводились новые

\* Доступ из информационно-справочного портала МВД России.

виды наказания, увеличивались их размеры и сроки; получил развитие институт административной преюдиции).

Установить те причины и условия, в результате которых совершаются административные правонарушения, и в последующем исключить их, подобрать то наказание, которое максимально воздействует на сознание нарушителя и в дальнейшем остановит его, а также других лиц от совершения новых административных правонарушений, — это те задачи, которые стоят перед современным научным сообществом.

Изучение состояния, динамики, причин административной деликтности и мер по борьбе с ней осуществляется, в частности, в рамках административной деликтологии. Административно-деликтологические исследования направлены на анализ динамики количественно-качественных показателей административных правонарушений, установление на этой основе социально-биологических особенностей лиц, их совершивших, выявление соответствующих причин, их порождающих, и условий, способствующих нарушению закона. Это дает возможность более глубоко понять природу противоправного поведения, наряду с репрессивными мерами найти иные способы воздействия, способствующие изменению сознания и поведения людей [1, с. 31].

В целях исследования в административной деликтологии необходимо выделить элемент, включающий в себя лишь область административных наказаний. Это позволит более глубоко осмыслить сущность административного наказания, его цели, процедуры назначения и исполнения, а также влияние наказания на последующее поведение человека в административном правовом поле, что в конечном итоге приведет к повышению эффективности его применения.

На важность и актуальность исследования эффективности административных наказаний указывает А.С. Дугенец, подчеркивая, что наказание не имеет четкого организационно-правового разрешения и требуется проведение всесторонних научных исследований. Необходим глубокий анализ изучения совокупности правовых и организационных проблем эффективности административных наказаний. Эффектив-

ность как социально-правовая категория, а также разнообразные пути ее повышения должны стать предметом отдельного научного исследования [2, с. 41; 3, с. 156].

Одним из важных условий сокращения количества административных правонарушений является точный выбор вида и размера (сроков) административного наказания, отвечающий требованиям справедливости (частной и общей), соразмерности и индивидуальности наказания. Следует помнить, что с точки зрения философии права результирующий эффект от применения наказания должен, во-первых, служить осознанию справедливости понесенного наказания; во-вторых, способствовать изменению противоправного поведения виновного лица; в-третьих, являться предупреждением для других граждан; в-четвертых, содействовать воздержанию от противоправных действий в будущем, то есть выполнять превентивную функцию.

С научной точки зрения ожидаемый результат применения административно-деликтной санкции основан на определении баланса между желаемым и необходимым, а также индивидуальным и публичным восприятием социальной справедливости. С практической точки зрения умелое (наиболее верное и точное) применение административно-деликтных санкций в правоохранительной деятельности должно способствовать недопущению повторения административного правонарушения виновным лицом и эффективному предупреждению других о негативных последствиях аналогичного противоправного поведения. В последние годы в действующий КоАП РФ вносились многочисленные изменения, в ряде случаев имевшие бессистемный и не обоснованный научно характер.

В итоге достигался кратковременный результат, который достаточно быстро утрачивался, что в дальнейшем влекло низкую эффективность применяемых административных наказаний. Такое положение дел обычно смягчается правоприменительной практикой. Качество знаний и умений правоприменителя при назначении административного наказания может частично или полностью нейтрализовать юридические просчеты, заложенные в административно-деликтной санкции.

Административная деликтность — это отрицательное социальное явление, достаточно массовое, в связи с чем к административным делинквентам относится значительная часть населения. Девиация не существует вне поведения людей, наделенных сознанием, волей, и их взаимодействия, поэтому так важны социальные и психолого-педагогические аспекты ее анализа и поиска механизмов влияния на позитивное изменение [4, с. 100]. Со всей очевидностью можно утверждать, что принимаемые административно-юрисдикционными органами и судьями меры должны оказывать воспитательное воздействие, в том числе психологическое, направленное на сознание правонарушителя с целью изменения его поведения в будущем.

В противном случае административный делинквент подвергается одному или нескольким наказаниям, которые не сопровождаются психолого-педагогическим влиянием, понимаются им как формальные, не затрагивают «душу» (совесть), не воспринимаются «разумом» (сознанием), не влияют на «поведение» (поступки). Делинквент, наоборот, приобретает «устойчивый иммунитет» — невосприимчивость к наложенному наказанию, так как никаких серьезных ограничений, неудобств он не испытывает. Более того, у него закрепляется пагубная, но устойчивая привычка к правонарушениям, поэтому последующие административные наказания не достигают своей «ключевой» цели — предупреждения совершения новых правонарушений.

Устойчивое формирование превенции административного наказания как на уровне индивидуального поведения, так и на уровне социальных групп, а также общества в целом возможно только путем воздействия на сознание людей, развития правосознания, повышения правовой культуры. Все это влияет на формирование должного правомерного поведения. Именно в этом контексте возможна экстраполяция психолого-педагогического и социологического подходов к повышению эффективности административного наказания. От того, как граждане понимают, во-первых, справедливость назначаемого в отношении правонарушителя наказания, а во-вторых, «суть» наказания как пре-

вентивную меру недопустимости совершения административных правонарушений в дальнейшем, зависит их отношение не только к правоохранительной системе, но и к государственной власти в целом, происходит оценивание (положительное или отрицательное) правового поля, в котором осуществляется жизнедеятельность общества.

Любой индивид не только воспринимает право, юридическое бытие с помощью разума, рассудка, оперируя при этом научными категориями и понятиями, но и определенным образом ощущает, чувствует, эмоционально реагирует на принимаемые государством юридические нормы, на действующую систему законодательства, на правовую реальность в целом [5, с. 30-31]. Впервые на эмоциональную природу отношения к праву, принятие (непринятие) существующих правовых норм обратил внимание выдающийся российский правовед Л.И. Петражицкий, полагая, что существуют моральные и правовые эмоции, и именно последние являются отражением настоящего, действительного права. Такое видение проблемы обогащает и ориентирует законодателя и правоприменителя на более глубокое и основательное осмысление «право-психологических» переживаний людей, обращение к их духовности [см. об этом: 6, с. 17].

Правовые эмоции человека выражаются в его переживаниях по поводу права (в объективном и субъективном смысле), вновь изданного закона, нормативного акта, правотворческой, правоприменительной, правоохранительной деятельности государственных органов, существующих правонарушений, преступлений и системы противодействия им. Такие переживания проявляются на трех эмоциональных уровнях: 1) в виде приятного или неприятного ощущения; 2) эмоционального состояния удовольствия или неудовольствия; 3) общего (устойчивого) эмоционального фона удовлетворенности или негодования (требующего разрядки, противодействия и др.).

В зависимости от сочетания рационального и эмоционального комплекса принято выделять три вида правосознания: обыденное (массовое), профессиональное и теоретическое (научное). В правоприменительной деятельности неотъемлемым

элементом является профессиональное правосознание как основной критерий эффективности назначения и исполнения административного наказания. Вместе с тем наличие только юридического инструментария, владения терминологией и понятиями, знаниями в области юриспруденции и умения их использовать недостаточно для применения административного наказания, осуществляемого по отношению к человеку, обладающему с психологической точки зрения индивидуально-типологическими и личностными качествами, а с социологической точки зрения являющемуся носителем определенных социальных (социологических) характеристик. Рассмотрим подробнее.

А.Г. Самусевич выделяет три основных элемента профессионального правосознания правоприменителей: психологический, социологический и юридический (правовая позиция). Представленные элементы правосознания находятся в тесной взаимосвязи и взаимодействии, дополняют и обогащают друг друга [7, с. 272].

Во-первых, владение психологическими компетенциями (знаниями, умениями, навыками) позволяет субъекту правоприменения детально проанализировать виновное лицо как личность, его мотивы, поступки, поведение, морально-нравственные устои и в итоге подобрать действенное индивидуальное и соразмерное наказание, позволяющее достичь цели наказания. Психологический аспект в правосознании, административном процессе, административном производстве и в целом в юридической области играет ключевую роль.

Во-вторых, владение социологическими компетенциями позволяет субъекту правоприменения детально проанализировать виновное лицо в трех основных аспектах: 1) представитель определенной социальной системы (как «элемент» социальных общностей, социальных институтов, социальных групп); 2) личность как объект социальных отношений (воздействие микро- и макроокружения семьи и общества на процессы формирования, социализации, воспитания); 3) субъект общественных отношений (деятельность, активность личности, поведение, в том числе правомерное или противоправное).

На основе вышеизложенного в рамках темы исследования можно констатировать следующее. Во-первых, определение видов и размеров (сроков) административного наказания происходит в соответствии с общественной опасностью административного правонарушения и его последствиями, а также с учетом названных выше особенностей (психологических, социологических) личности правонарушителя. Во-вторых, следует отметить, что процесс выбора и назначения наказания также включает элемент субъективности, так как связан с личностными и психологическими особенностями самого правоприменителя, его опытом и профессионализмом, мировоззрением, направленностью жизненных и морально-нравственных установок, интересов и ценностей, а также физическим и эмоциональным состоянием в данный момент. Правоприменяющие субъекты — это прежде всего люди. Именно человек со всеми его склонностями и привычками, особенностями характера и воли, знаниями, чувствами, опытом в конечном счете обеспечивает эффективное применение права [8, с. 12].

Таким образом, каждое действие, поступок, поведение человека в целом «пропитаны» психологией, а в правоприменительной деятельности субъекту правоприменения необходимо владеть юридической, психологической и социологической компетенциями. Любые действия человека содержат творческий и духовный подходы, отражающие активный мыслительный процесс, в том числе включающий в себя чувства, эмоции, настроение, переживания и т.п. Правоприменителю необходимо обладать развитыми способностями к анализу и синтезу полученной «информации», обобщая юридическое, психологическое и социологическое ее осмысление [9, с. 16].

Действительно, как отмечает А.Г. Самусевич, среди причин многочисленных правоприменительных ошибок особое место занимают субъективные факторы, которые выражаются в неправильной (ошибочной) оценке нормативных предписаний со стороны правоприменителей, вследствие чего вырабатывается искаженное внутреннее отношение к ним, что и воплощается в определенных поведенческих реакциях и выносимых решениях [7,

с. 270]. Правоприменителю следует обращать внимание на свой эмоциональный фон, который формируется под влиянием внешней и внутренней среды, выражает отношение к окружающему и в итоге оказывает влияние на принятие решения.

Одной из психологических характеристик личности субъекта правоприменения должна являться эмоционально-волевая устойчивость, обеспечивающая нейтрализацию деструктивных мыслей (гнев, злость, антипатия, разочарование — это результат неправильных оценочных суждений) и тем самым способствующая осознанному выбору и назначению административного наказания, гарантирующая объективность в принятии решения. Таким образом, речь идет о системном взаимодействии фундаментальных функций психики: субъективное отражение действительности и регуляция поведения, в том числе включающая эмоционально-волевым самоконтроль. Одним из приемов приобретения состояния эмоционально-волевой устойчивости является рефлексирование (психологическое мышление). Рефлексия — это способность анализировать свое духовное состояние, отслеживать негативные мысли и чувства. Такой самоконтроль субъекта правоприменения не позволит негативным мыслям и чувствам овладеть им. Сознательность данного процесса способствует оцениванию принятых решений (административных наказаний) и их перспективности (последствий для административного делинквента и других лиц (общепреventивная направленность)).

Правовая психология, являясь элементом правосознания, объединяет в себе комплекс чувств, эмоций, воли, представлений, убеждений и взглядов, мыслей, формирующих правовое поведение и отражающих правовую действительность. Социальная ценность этого заключается в формировании сознания в духе права, норм морали.

Должностным лицом административно-юрисдикционного органа или судьей при рассмотрении дела об административном правонарушении выясняются обстоятельства, указанные в ст. 26.1 КоАП РФ, с учетом психологических и социологических условий, которые напрямую не отражены в нормах административного законодательства, но при этом оказывают существенное

влияние на выбор, назначение и исполнение административного законодательства.

Процесс выбора и назначения административного наказания с учетом психологических и социологических аспектов можно условно разделить на четыре этапа, состоящих из нескольких компонентов.

*Первый этап. Исследование обстоятельств дела и личности виновного:*

1) *изучение общественной опасности административного правонарушения и его последствий.* Учитывается и контролируется оценка собранных доказательств, которая определяется психическими качествами правоприменителя, его потребностями, интересами, чувствами, эмоциональным состоянием, личным опытом переживания того или иного события, мнением об опасности определенного вида правонарушения, его актуальности;

2) *изучение личности виновного.* При определении вида, размера (срока) административного наказания субъект правоприменения проникается личными обстоятельствами (образование, семейное положение, место работы, увлечения и т.п.), условиями жизни делинквента. На этом основании он определяет интересы, ценности, уровень развития и правосознания, моральные и нравственные установки делинквента. Субъект правоприменения сознательно контролирует аккумулированные сведения, которые увязываются с подсознательно воспринимаемой информацией об эмоционально окрашенных особенностях правонарушителя, его жизни;

3) *изучение причин правонарушения.* Анализируются поступки и поведение делинквента во временной ретроспективе: в момент совершения, до и после административного правонарушения.

*Второй этап. Изучается сложившаяся административно-юрисдикционная практика (профессиональная юридическая деятельность правоприменителя, включающая знания, умения, опыт, анализ и синтез правовой информации).*

*Третий этап. Прогнозирование.* Субъект правоприменения интуитивно прогнозирует последствия применяемого наказания для нарушителя и предвидит его поведение, оценивает эффективность планируемого наказания, представляет качественное исполнение административного наказания.

*Четвертый этап. Назначение наказания.* С точки зрения целей наказания назначается максимально действенное и индивидуальное наказание, которое воспринимается самим лицом и другими гражданами как справедливое и соразмерное. Наказание должно быть таким, чтобы виновное лицо понесло достаточные ограничения, необходимые для его воспитания, перевоспитания.

Следует разобрать назначение наказания при рассмотрении дела об административном правонарушении в области безопасности дорожного движения. Например, в случае выбора между лишением права управления и административным арестом анализируется, какое из этих наказаний реально подействует на виновное лицо, в результате применения какого из них лицо испытает наибольшие ограничения, лишения, неудобства, понесет какие-либо потери, а бремя наказания будет более длительным, повышая тем самым «чувствительность» наказания для административного делинквента и воспитательное воздействие. При этом учитывается социальная составляющая, что в конечном итоге позволяет максимально точно применить меру наказания, соответствующую целям наказания.

В.В. Головкин и В.И. Майоров отмечают, что применение наказания должно быть неотвратимым, реально исполнимым, индивидуальным, справедливым, соразмерным тяжести совершенного правонарушения и особенностям личности виновного, дифференцированным по степени ограничения, форме и способу воздействия на лицо, так как функциональная направленность наказания влечет не только моральные, материальные, но и правовые последствия, оказывая воспитательное действие. Целью наказания является предупреждение совершения новых деликтов как самим правонарушителем, так и другими лицами путем их воспитания, нравственно-психологического преобразования сознания правонарушителя [10, с. 174].

На основании изложенного выше можно констатировать, что и формирование административно-деликтных санкций, их видов и размеров (сроков) происходит не только в рамках формального юридического «коридора», но и с учетом

индивидуально-психологических качеств делинквента, его социологических характеристик. Таким образом, исследование эффективности назначения и исполнения административного наказания строится не только в рамках юридического содержания, бытия, понятий, но и в рамках психологии и социологии. Оно ориентировано на достижение целей административного наказания, на воспитание и перевоспитание административных делинквентов.

Изучение административного наказания с юридической точки зрения крайне важно, но в целях повышения эффективности исследования назначения и исполнения административных наказаний необходимо придать большую значимость изучению данных вопросов с позиции психологии и социологии.

А.Н. Дерюга и Н.Н. Дерюга в работе, посвященной поиску механизмов, влияющих на снижение административной деликтности, отмечают, что для понимания природы совершения административных правонарушений, а значит, и способов противодействия им требуются знания психологии и социологии [11, с. 7].

Учитывая стабильно высокий уровень административной деликтности, неспособность снизить ее путем ужесточения административных наказаний, предлагаем исследовать эффективность их применения на основе нового подхода: сконцентрировать внимание на исследовании повышения эффективности назначения и исполнения административных наказаний с учетом психологических и социологических аспектов в рамках нового научного направления — административной пенологии («административный» — от лат. *administrare* — управлять [12, с. 22], «пенология» — от лат. *poena* — наказание и греч. *logos* — учение) [12, с. 453].

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время административные правонарушения в Российской Федерации являются одними из самых распространенных противоправных деяний, что подтверждается статистическими данными за последние пять лет. Административная деликтность — это отрицательное социальное явление. Административные правонарушения (как деликты) являются

угрозой для общественных отношений, снижают уровень их безопасности. В своей совокупности, в виде административно-деликтивной массы, вызывают значительные негативные последствия. Несмотря на усиление санкционных мер, в том числе применение института административной преюдиции, наблюдается увеличение количества новых административных правонарушений.

2. Материальные и процессуальные вопросы, относящиеся к проблемам правового регулирования института административного наказания, требуют комплексного и целенаправленного изучения. Необходимый потенциал административно-правовой науки (в рамках административной деликтологии), юридической социологии и юридической психологии, касающийся наказания вообще и административного наказания в частности, целесообразно объединить в рамках *административной пенологии*.

3. Предлагается повысить эффективность правового регулирования субинститута административного наказания путем концентрированного изучения соответствующих общих и специальных, материальных и процессуальных норм КоАП РФ с традиционной юридической, а также социологической и психологической сторон. Общая стратегия базируется на том, что административное правонарушение, правоохранительный орган публичной власти (его должностное лицо), правонарушитель и административное наказание связаны с людьми и направлены на их поведение. Можно утверждать, что весь массив юридических норм, касающийся административного наказания, направлен на человека (административного делинквента) и исходит от него (правоприменителя), поэтому требует учета соответствующих знаний в области юридической социологии и юридической психологии.

#### Список источников

1. Дерюга А.Н., Шаклеин С.Н. Административная пенология: современные предпосылки исследования // Административное право и процесс. 2021. N 5. С. 28-33.
2. Дугенец А.С. Правовые средства обеспечения социальной эффективности административных наказаний и совершенствование процесса их применения // Применение административных наказаний органами внутренних дел: сб. науч. тр. Москва, 2006. С. 40-55.
3. Дугенец А.С. О необходимости обеспечения социальной эффективности административных наказаний // Актуальные проблемы предупреждения правонарушений в сфере общественного порядка и общественной безопасности: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2009. С. 155-167.
4. Дерюга А.Н. Административная деликтология и социология // Вестник Московского университета МВД России. 2009. N 5. С. 99-101.
5. Жигулин А.А. Психологические аспекты правосознания // Научно-исследовательские публикации. 2014. N 2(6). С. 29-37.
6. Байниязов Р.С. Правосознание: психологические аспекты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. N 3 (222). С. 16-21.
7. Самусевич А.Г. Правосознание правоприменителя: структурно-официальный анализ // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. N 5 (88). С. 270-274.
8. Шикин Е.П. Основные условия эффективного применения права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1971. 18 с.
9. Полякова С.В., Дунаева О.Н. Психологическая характеристика деятельности юриста // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2018. N 2 (12). С. 14-18.
10. Головкин В.В., Майоров В.И. Основы безопасности дорожного движения: учеб. пособие. Москва: Эксмо, 2008. 176 с.
11. Дерюга Н.Н., Дерюга А.Н. Нормы КоАП РФ в синтезе права, социологии и психологии // Административное право и процесс. 2022. N 6. С. 4-9.
12. Современный словарь иностранных слов: Ок. 20 000 слов. 3-е изд., стер. Москва: Рус. яз., 2000. 742 с.

#### References

1. Deryuga A.N., Shaklein S.N. Administrative penology: modern research prerequisites. Administrative law and process, 2021, no. 5, pp. 28-33. (In Russ.).
2. Dugene A.S. Legal means of ensuring the social effectiveness of administrative punishments and improving the process of their application. Application of administrative punishments by internal affairs bodies. Moscow, 2006. Pp. 40-55. (In Russ.).

3. Dugenets A.S. On the need to ensure the social effectiveness of administrative punishments. Actual problems of preventing offenses in the field of public order and public safety. Khabarovsk, 2009. Pp. 155-167. (In Russ.).
4. Deryuga A.N. Administrative delictology and sociology. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009, no. 5, pp. 99-101. (In Russ.).
5. Zhigulin A.A. Psychological aspects of legal consciousness. Research publications, 2014, no. 2(6), pp. 29-37. (In Russ.).
6. Bayniyazov R.S. Legal consciousness: psychological aspects. News of higher educational institutions. Jurisprudence, 1998, no. 3 (222), pp. 16-21. (In Russ.).
7. Samusevich A.G. Law enforcement awareness: structural and official analysis. Bulletin of the Irkutsk State Technical University, 2014, no. 5 (88), pp. 270-274. (In Russ.).
8. Shikin E.P. Basic conditions for the effective application of law. Autoabstract Cand. Diss. Sverdlovsk, 1971. 18 p. (In Russ.).
9. Polyakova S.V., Dunaeva O.N. Psychological characteristics of the activities of a lawyer. Bulletin of the Ural Financial and Legal Institute, 2018, no. 2 (12), pp. 14-18. (In Russ.).
10. Golovko V.V., Mayorov V.I. Fundamentals of road safety. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 176 p. (In Russ.).
11. Deryuga N.N., Deryuga A.N. Norms of the Administrative Code of the Russian Federation in the synthesis of law, sociology and psychology. Administrative law and process, 2022, no. 6, pp. 4-9. (In Russ.).
12. Modern dictionary of foreign words. About 20 000 words. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 742 p. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.2

## К вопросу о систематизации принципов процессуальной деятельности органов судебного конституционного контроля

**Ксения Юрьевна Гоглева,**

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, [goglevakseniya@gmail.com](mailto:goglevakseniya@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0002-9177-9114>

**Аннотация.** Представленная статья посвящена вопросу систематизации принципов процессуальной деятельности органов судебного конституционного контроля, которая, в первую очередь, выражена в охране и защите конституционно закрепленных прав и свобод граждан, в том числе путем обеспечения баланса ветвей власти посредством реализации функций конституционного правосудия. Анализируя различные доктринальные точки зрения, нормы отечественного конституционного права в области судебного конституционного контроля, осуществляемого специализированным судебным органом – Конституционным Судом Российской Федерации, а также положения зарубежного законодательства, автор формулирует ряд выводов относительно классификации принципов процессуальной деятельности органов судебного конституционного контроля посредством их разделения на общие (применяемые в практике всех органов судебной власти) и специфические (используемые исключительно в деятельности специализированных конституционно-контрольных органов). Отдельное внимание при этом уделено обзору практики конституционного судопроизводства, являющейся прямым подтверждением аналитических заключений и выводов, сделанных в данной статье.

**Ключевые слова:** судебный конституционный контроль, Конституционный Суд Российской Федерации, судопроизводство, конституционное судопроизводство, принципы процессуальной деятельности

*Для цитирования:* Гоглева К.Ю. К вопросу о систематизации принципов процессуальной деятельности органов судебного конституционного контроля // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4 (62). С. 84-91.

## On the issue of systematizing the principles of the procedural activities of the constitutional supervision bodies

**Kseniya Yu. Gogleva,**

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, [goglevakseniya@gmail.com](mailto:goglevakseniya@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0002-9177-9114>

**Abstract.** The issues of systematizing the principles of the procedural activities of the constitutional supervision bodies are considered. This systematization implies the preservation and protection of the constitutionally enshrined human rights and freedoms, in particular, by ensuring the balance of the branches of power through the implementation of the constitutional justice functions. Basing on the analysis of various doctrinal viewpoints and the norms of domestic constitutional law in the field of constitutional supervision, exercised by the specialized judicial body – the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as the provisions of foreign legislation, a set of conclusions for classifying the principles of the procedural activities of the constitutional supervision bodies is formulated through dividing them into the category of general (applied in the practice of all judicial bodies) and specific principles (used exclusively in the activities of specialized bodies of constitutional supervision). Special attention is paid to the review of the constitutional legal proceedings' practice, serving as a direct confirmation of the analytical conclusions of this article.

**Keywords:** constitutional supervision, the Constitutional Court of the Russian Federation, legal proceedings, constitutional legal proceedings, principles of procedural activities

*For citation:* Gogleva K.Yu. On the issue of systematizing the principles of the procedural activities of the constitutional supervision bodies // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 4 (62). P. 84-91.

© Гоглева К.Ю., 2022

Прецедент увековечивает принцип.

*Бенджамин Дизраэли*

В юридической доктрине отсутствует единство мнений по вопросу правомерности отнесения специализированных органов конституционного контроля к органам судебной власти, что, в первую очередь, аргументированно связано с их особыми фундаментальными полномочиями по защите основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечению верховенства власти и прямого действия Конституции, а также с наличием особого предмета деятельности — осуществления конституционного контроля за выполнением действующего законодательства страны и обеспечения баланса ветвей власти [1, с. 10].

Анализируя компетентные мнения и, безусловно, принимая во внимание ряд существенных отличительных признаков, выделяющих и дифференцирующих органы судебного конституционного контроля от иных органов судебной власти, представляется правильным сделать вывод о том, что Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) все же нормативно является их частью (глава 7 Конституции Российской Федерации «Судебная власть и прокуратура») и обладает при этом всеми функциями органа публичной власти. Следовательно, процессуальная деятельность и правовой статус судей высшего органа конституционной юстиции в такой же степени, как и судей иных судов Российской Федерации, определяются *общими правилами и принципами организации судебной власти* в Российской Федерации, закрепленными Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»\* и Законом Российской Федерации от 26 июня 1992 г. N 3132-1 «О статусе судей в Российской

Федерации»\*\*, особое место в ряду которых принадлежит *открытости, гласности, публичности и транспарентности*.

Образую имманентную связь с принципами *справедливости, независимости и объективности судей*, они предопределяют доверие граждан к данной ветви власти, призванной быть максимально доступной для демократического общества, что напрямую корреспондирует международным стандартам и рекомендациям в сфере правосудия, сформулированным во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах, устанавливающих, что каждый человек имеет право на рассмотрение дела компетентным, *независимым и беспристрастным судом*\*\*\*; а также Бангалорским принципам поведения судей\*\*\*\*, одобренным резолюцией Экономического и социального совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 г.

Имплементация данных международных норм в национальное законодательство Российской Федерации произведена в статьях 5 и 29 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»)\*\*\*\*\*, содержание которого претерпело значительные изменения в ноябре 2020 г. В частности, был фактически ликвидирован институт публичных особых

\*\* О статусе судей в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. N 3132-1: ред. от 30 дек. 2020 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. N 30; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

\*\*\* Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.); Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 дек. 1966 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

\*\*\*\* См.: Организация Объединенных Наций: сайт. URL: <https://www.un.org>

\*\*\*\*\* О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ: ред. от 1 июля 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. N 13. Ст. 1447; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

\* О судебной системе Российской Федерации: федер. конституционный закон от 31 дек. 1996 г. N 1-ФКЗ: ред. от 8 дек. 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 1. Ст. 1; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

мнений и мнений судей Конституционного Суда РФ, так как современная редакция ст. 76 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» не предполагает ни официального опубликования текста особого мнения, ни возможности его обнародования судьей иным способом.

Данный запрет вызвал большой общественный резонанс и неоднозначную оценку как профессиональных экспертов, так и представителей гражданского общества [2, с. 75], апеллирующих к доводу о том, что право высказывать свое мнение является фундаментальным правом в демократическом обществе и принадлежит любым участникам общественных дискуссий и публичных дебатов, в связи с чем возникает вопрос о соответствии данного положения *принципу гласности*, декларированному в ст. 31 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», названному в числе *неотъемлемых принципов деятельности* Конституционного Суда РФ. Ведь именно его соблюдение гарантирует «открытость» судебных заседаний, всестороннее информирование граждан о деятельности Суда и его органов, а значит, и объективный социальный контроль со стороны общества и отдельно взятых граждан — единственный из возможных нормативно, так как конституционная юрисдикция не имеет инстанционной системы [3, с. 69].

Как верно отмечает Б.Н. Чичерин, «злоупотребления неизбежны везде, где есть люди, и какой бы ни был учрежден контроль, так как он вверяется людям, то открывается возможность злоупотреблений» [4, с. 62-63]. Исключение, к сожалению, не составляют и органы специализированного конституционного контроля, в деятельности которых крайне важным представляется гарантировать соблюдение *принципа беспристрастности и справедливости* при осуществлении судьями процессуальной деятельности по обеспечению баланса ветвей власти.

Государства по-разному обеспечивают исполнимость данного принципа. Например, реформа судебной системы Польши, начавшаяся в 2017 году, предусматривает, в частности, регламентацию порядка привлечения судей к дисциплинарной ответственности за деяния (в форме действия или бездействия), которые могут быть расце-

нены как угроза беспрепятственному функционированию судебной системы. Также отдельное внимание при реформировании уделено политическим взглядам судей и исключению поддержки ими той или иной политической силы в целях обеспечения их *беспристрастности и объективности* при постановлении решений.

Обязательство об исключительном «подчинении Конституции Российской Федерации, ничему и никому более» содержится и в тексте присяги судьи Конституционного Суда РФ, предусмотренной ст. 10 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», а также в ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ). Это представляется крайне важным с позиции не только «государственного усмотрения», но и современных потребностей общества. Так, по данным на октябрь 2019 г., респонденты в качестве важнейших прав назвали жизнь, свободу, личную неприкосновенность, медицинскую помощь и *справедливый суд* (доля респондентов, выбравших последний вариант, выросла за период с 2017 по 2019 год с 50 до 64 %) [5]. На наш взгляд, такая динамика связана с тем, что россияне стали чаще сталкиваться с нарушением данного *принципа* лично, ощущая насущную потребность в *беспристрастной и справедливой* защите своих прав и законных интересов путем легального разрешения возникающих публично-правовых конфликтов посредством их юридикации.

Еще одним *общим принципом*, закрепленным ст. 5 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», является *состязательность и равноправие сторон*. Несмотря на то, что его соблюдение относится к неотъемлемым элементам процессуальной деятельности всех без исключения органов судебной власти Российской Федерации, введение его в действие по отношению к высшему органу судебного конституционного контроля было весьма спорным и породило дискуссии в ходе разработки и обсуждений проекта ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» на совещании судей, а также в Комитете по законодательству и судебноправовой реформе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [6, с. 475-479]. Однако, несмотря на отсутствие сторон в конституционном процессе по ряду категорий дел (напри-

мер, по разрешению запросов о толковании Конституции РФ) и факта «противоборства интересов» как такового, данный принцип все-таки вошел в перечень основных в деятельности отечественного органа судебного конституционного контроля с оговоркой закрепления его в качестве «принципа конституционного правосудия» (ст. 5 и ст. 35 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»).

Относительно вопроса систематизации принципов процессуальной деятельности органов судебного конституционного контроля с учетом особенностей их правового статуса, напрямую сопряженного с контрольными, политическими и законотворческими полномочиями, представляется правомерным выделить ряд *специфических принципов деятельности органов конституционной юстиции* наряду с принципами, общими для всех органов судебной власти.

Во-первых, это *принцип соразмерности (пропорциональности)*, проистекающий из полномочия Конституционного Суда РФ по оценке конституционности действующих федеральных законов, в том числе на предмет соразмерности использованной меры ограничения прав и свобод граждан тем исключительным целям, которые предусмотрены ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, а именно: защите основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц; обеспечению обороны страны и безопасности государства.

В постановлении от 15 января 2002 г. N 1-П\* Конституционный Суд РФ отметил необходимость понимания во взаимосвязи ст.ст. 17 и 55 Конституции РФ, определяющих, что *соразмерность* установления законодательного ограничения конституционного права может быть обусловлена

лишь целью обеспечения прав других лиц, при исключении допустимости существенного нарушения права, а также отказа в его защите со стороны органов законодательной и исполнительной власти. Это означает, что публичные интересы, перечисленные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они «адекватны социально оправданным целям», и что ущерб для лиц, интересы которых затрагиваются, не должен быть непропорционален полученному в публичных интересах положительному результату.

Правовое установление полномочия Конституционного Суда РФ решать вопросы «исключительно права», а не «факта» (ст.ст. 86, 99 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») позволяет сделать вывод о применении второго *специфического принципа* в его процессуальной деятельности – «*господства права*» [7, с. 27]. Несмотря на то, что в Конституции РФ не используется данный термин, в ней закрепляется положение о правовом государстве как основе отечественного конституционного строя (ч. 1 ст. 1 Конституции РФ), в рамках которого обеспечивается верховенство Конституции и федеральных законов (ч. 2 ст. 4 Конституции РФ), что может быть истолковано не только как нормативное закрепление иерархии правовых норм, но и как прямое декларирование верховной роли *права* (в понимании, не тождественном *закону*) при определении конституционного баланса интересов личности, общества и государства, а также конституционного обеспечения принципа разделения властей.

Конституция является не столько отражением действительности, сколько декларированием идеальной цели, к которой необходимо стремиться. Осуществляя анализ содержания правовых норм и положений Конституции РФ, современные органы специализированного судебного конституционного контроля осуществляют их толкование не только с точки зрения их соотношения с нормоположениями, прямо закрепленными в содержании Конституции РФ, но и с точки зрения их взаимосвязи с объективной социальной действительностью, создавая тем самым «живое конституционное право». В связи с этим следует согласиться с И.А. Кравцом

\* По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 янв. 2002 г. N 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 6. Ст. 626.

в том, что конституционное правосудие по отношению к *господству права* выполняет обеспечительную и судебно-охранительную роль, восполняя эффективной, при условии исключения политического давления со стороны органов государства, реализацией функции специализированного конституционного контроля «имеющийся "дефицит" господства права в судебной и административной практике» [7, с. 27].

Следующим *специфическим принципом* деятельности органов конституционной юстиции является *принцип социальной ответственности*. Осуществляя конкретный и абстрактный нормоконтроль, органы специализированного конституционного контроля не только выносят решение относительно конституционности положений того или иного законодательного акта, но и осуществляют деятельность по обеспечению баланса ветвей власти, в том числе оценивая демократическую волю парламентского большинства, провозгласившую в федеральных конституционных законах и федеральных законах «волю народа», легально их избравшего. Данное полномочие нередко становится предметом критики «противников» идеи использования средств судебного конституционного контроля в механизме обеспечения разделения властей путем оказания «косвенного влияния» на содержание издаваемых нормативных актов органами законодательной власти, так как «воля» 11 судей Конституционного Суда РФ (как это в настоящее время предусмотрено составом, определенным ст. 4 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») не может превалировать над решениями 450 депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (ч. 7 ст. 95 Конституции РФ), легитимно избранных и представляющих интересы народа как единственного источника власти (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ).

На наш взгляд, данное мнение недостаточно объективно и аргументированно, поскольку, проанализировав список квалификационных требований, предъявляемых к кандидатам на должность судей конституционной юстиции (ст. 8 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), с уверенностью можно сказать, что эти «11 судей» являются настоящими «знатоками права»,

компетентными осуществлять максимально полное и объективное толкование правовых положений, являющихся предметом судебного конституционного контроля, и их решения носят исключительно правовой и *социально ответственный* характер, призванный не столько к соблюдению *принципа законности*, сколько к «охране» основ конституционного строя нашего государства и *обеспечению господства права*, который корреспондирует *принципу соразмерности*, а также *принципу уважения, охраны и защиты достоинства личности*. При этом данное условие применяется не только в Российской Федерации, но и в большинстве государств «европейской» (кельзеновской) модели специализированного судебного контроля (например, в Австрии)\*.

Четвертым *специфическим принципом*, свойственным исключительно органам судебного конституционного контроля, является *принцип свободы прямой и опосредованной законодательной инициативы по предметам своего ведения*. Несмотря на то, что за весь период своей деятельности Конституционный Суд Российской Федерации не выступал с прямой законодательной инициативой, следует отметить, что в его решениях нередко содержатся «рекомендации» законодательным и исполнительным органам по усовершенствованию нормативных правовых актов, в целях устранения имеющихся правовых коллизий и пробелов в праве, что можно расценивать, на наш взгляд, как пример *опосредованной законодательной инициативы* Конституционного Суда Российской Федерации\*\*. Правом законодательной инициативы обладают и некоторые зарубежные органы судебного конституцион-

\* Обзор Конституционного Суда Австрии. URL: <https://www.vfgh.gv.at>

\*\* См., например: По делу о проверке конституционности части 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пункта 8 статьи 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой религиозной организации Церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) «Слово жизни» Долгопрудный: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 нояб. 2020 г. N 45-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 46. Ст. 7378.

ного контроля: например, данное полномочие закреплено п. 4 ст. 134 Конституции Эквадора\* за Конституционным Судом Республики Эквадор.

Еще одним принципом процессуальной деятельности органов судебного конституционного контроля, отличающим его от органов ординарного правосудия, является принцип уважения и соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права, а также обеспечения исполнения обязательств государства – участника международных организаций и договоров, особо актуализированный в свете современного стремительного изменения политической картины мира. Во-первых, вопрос интерпретации общепризнанных принципов (в том числе и категории *jus cogens*, распространяющихся на все мировое сообщество в целом [8, с. 73]) и норм международного права прямо входит в круг полномочий отечественного конституционного судопроизводства. Во-вторых, в связи с выходом Российской Федерации из Совета Европы и денонсацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод\*\* с 16 марта 2022 г. стало невозможным обращение граждан России в защиту своих интересов в Европейский Суд по правам человека (за исключением жалоб по нарушениям, совершенным до 15 марта 2022 г. включительно), что, безусловно, «переложит груз ответственности» по рассмотрению данной категории дел на Конституционный Суд РФ. Причиной этого является, в частности, богатое историческое наследие взаимоотношений внутригосударственного законодательства с международным (с момента присоединения СССР, правопреемником которого является Российская Федерация (ст. 67.1 Конституции РФ), к Венской конвенции о праве международных договоров в 1986 году).

Однако соблюдение вышеуказанного принципа не исключает возможность признания конституционной идентичности

\* Конституция Эквадора от 21 окт. 2008 г. URL: <http://constituteproject.org>

\*\* Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS N 005) (Рим, 4 нояб. 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сент. 1970 г., 20 дек. 1971 г., 1 янв. 1990 г., 6 нояб. 1990 г., 11 мая 1994 г.): в ред. Протокола N 11 от 11 мая 1994 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 2. Ст. 163.

Российской Федерации как суверенного государства\*\*\*, обладающего правом некоторой международно-правовой дискреции в вопросе самостоятельного определения вектора развития внутреннего государственного и правового устройства. Данное право основано на признании того, что государство, добровольно присоединившееся к исполнению того или иного международного правового акта и принявшее на себя обязательства по его исполнению, несет ответственность за реализацию и соблюдение положений данного договора лишь в пределах, определенных содержанием, а также смыслом его понимания на момент подписания его государством-участником, а не правоистолкованием, данным тем или иным наднациональным контрольным органом по факту состоявшегося публичного правонарушения.

В соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. N 4-П\*\*\*\* приоритет международных норм действует только в сфере отношений, связанных с правами человека. В остальном конституционно закреплено иерархическое верховенство Конституции Российской Федерации, распространяющееся на всю правовую систему государ-

\*\*\* По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней», п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. N 21-П // Там же. 2015. N 30. Ст. 4658.

\*\*\*\* По делу о проверке конституционности п. 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и п. 4 ч. 2 ст. 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебрянникова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февр. 1996 г. N 4-П // Там же. 1996. N 7. Ст. 701.

ства, частью которой являются и общепризнанные принципы и нормы международного права (ст. 15 Конституции РФ), в случае установленной правовой коллизии превалирующие над внутригосударственными нормами, но не над положениями Конституции (ст. 79 Конституции РФ), не являющейся по своей природе идентичной национальному Закону [9, с. 71; 10, с. 16].

Отдельного внимания заслуживает принцип соблюдения пределов судебного усмотрения. Следует отметить, что характеристике дискреции посвящено немало научных трудов отечественных и зарубежных исследователей. Однако, исходя из предмета рассмотрения данной статьи, представляется интересным изучить этот вопрос применительно к институту судебного конституционного контроля, определяя его как «преимущественно косвенно управомоченный выбор коллегиального органа, ограниченный объективными факторами, среди которых наибольшее значение имеют правовые принципы/ценности/цели, заключающийся в отыскании посредством нормативно-доктринальной интерпретации положений конституции и иных правовых актов и принятии в процессе конституционного судопроизводства оптимального юридико-ценностного решения конституционно-правового вопроса» [11, с. 9].

В частности, решения, выносимые в рамках судебного конституционного контроля, не имеют исключительно правового характера; как следствие, несколько отличается от порядка общего судопроизводства и сама процедура, форма конституционного судопроизводства, что накладывает отпечаток и на *пределы усмотрения судей* конституционной юстиции, вынужденных учитывать различные ценностно-юридические аспекты в ходе принятия окончательных решений по рассматриваемому делу. В деятельности Конституционного Суда РФ выделяют следующие

виды *дискреции*: интерпретационную, конкретизационную, правосполнительную и средствооценочную, проявляющиеся преимущественно в ходе процесса судебного толкования содержания Конституции РФ, а также в некоторой степени в ходе процессуальной деятельности Суда по выбору средств доказывания [11, с. 22-23]. Анализируя процессуальную деятельность Конституционного Суда РФ, можно отметить, что, принимая решение по делу, судьи, в частности, оценивают смысл, придаваемый нормативному акту сложившейся судебной практикой. Тем самым они выражают свое отношение как к позиции нормотворческого органа, так и к ее пониманию правоприменителем, основываясь на толковании положений Конституции РФ [12, с. 46]. В связи с этим можно с уверенностью утверждать о некоторых отличительных особенностях реализации *принципа соблюдения пределов судебного усмотрения (дискреции)* в деятельности органов судебного конституционного контроля, по своей природе более схожего с законодательным усмотрением.

Подводя итог рассмотрения вопроса систематизации принципов процессуальной деятельности органов судебного конституционного контроля, следует отметить, что вышеперечисленные принципы, вне зависимости от того, относятся ли они к категории общих для всей судебной системы, или специфически используемых в практике конституционного судопроизводства, в совокупности выступают интегральными элементами, имеющими как судебно-процессуальное (в том числе конституционно-процессуальное), так и законодательное измерение в практике строительства любого современного правового демократического государства, основанного на верховенстве права и социальной ответственности органов власти перед гражданами.

#### Список источников

1. Анохин В.С. Деление государственной власти и судоустройство по Конституции Российской Федерации. Воронеж: Научная книга, 2015. 63 с.
2. Гоглева К.Ю. Право на особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации: история и современность // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. N 12 А. С. 74-80.
3. Морщакова Т.Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы. Москва: Р. Валент, 2004. 264 с.
4. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки: в 3 т. Т. 1. Москва, 1894. 134 с.

5. Волков Д., Гончаров С., Снеговая М. Выученное бесправие. Что россияне думают о судах и произволе: исследование Левада-центра // Новая газета. 2020. 23 мая. URL: <http://novayagazeta.ru/articles> (дата обращения: 20 окт. 2022 г.).

6. История суда и правосудия в России: в 9 т. Т. 9: История конституционного правосудия в России / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Москва: Норма, 2022. 631 с.

7. Кравец И.А. Господство права, границы конституционного судебного правотворчества и принцип соразмерности (российский опыт и практика ЕСПЧ) // Правотолкование и проблема судебного правотворчества: материалы III всерос. науч.-практ. конф., Симферополь, 10-12 октября 2019 г. / Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2020. С. 21-30.

8. Джантаев Х.М. К вопросу о когентности общепризнанных принципов и норм международного права // Актуальные проблемы современной науки. 2013. N 2. С. 72-80.

9. Несмеянова С.Э. Конституционный судебный контроль в Российской Федерации: проблемы теории и практики. Екатеринбург, 2004. 287 с.

10. Тиунов О.И. Решения Конституционного Суда РФ и международное право // Российская юстиция. 2001. N 10. С. 14-16.

11. Игнатьев А.С. Усмотрение как правовая общетеоретическая категория и алгоритм его отраслевого анализа: на примере сферы судебного конституционного контроля: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016. 26 с.

12. Шарнина Л.А. Усмотрение в конституционном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019. 60 с.

### References

1. Anokhin V.S. The division of state power and the judiciary according to the Constitution of the Russian Federation. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2015. 63 p. (In Russ.).

2. Gogleva K.Yu. The right to a dissenting opinion of a judge of the Constitutional Court of the Russian Federation: history and present. Issues of Russian and international law, 2021, vol. 11, no. 12 A, pp. 74-80. (In Russ.).

3. Morshchakova T.G. Russian justice in the context of judicial reform. Moscow, R. Valent Publ., 2004. 264 p. (In Russ.).

4. Chicherin B.N. Course of state science. In 3 volumes. Vol. 1. Moscow, 1894. 134 p. (In Russ.).

5. Volkov D., Goncharov S., Snegovaya M. Learned lack of rights. What Russians think about the courts and arbitrariness: a study by the Levada Center. New Newspaper. May 23, 2020. Available at: <http://novayagazeta.ru/articles> (Accessed October 20, 2022). (In Russ.).

6. History of court and justice in Russia: in 9 volumes. Vol. 9: History of constitutional justice in Russia. Moscow, Norma Publ., 2022. 631 p. (In Russ.).

7. Kravets I.A. The rule of law, the boundaries of constitutional judicial law-making and the proportionality principle (The ECHR). Legal interpretation and the problem of judicial lawmaking. Simferopol, 2020. Pp. 21-30. (In Russ.).

8. Dzhantaev Kh.M. To the question of the cogency of generally recognized principles and norms of international law. Actual problems of modern science, 2013, no. 2, pp. 72-80. (In Russ.).

9. Nesmeyanova S.E. Constitutional Judicial Control in the Russian Federation: Problems of Theory and Practice. Yekaterinburg, 2004. 287 p. (In Russ.).

10. Tiunov O.I. Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and International Law. Russian Justice, 2001, no. 10, pp. 14-16. (in Russ.).

11. Ignat'ev A.S. Discretion as a legal general theoretical category and an algorithm for its branch analysis: on the example of the sphere of judicial constitutional control. Autoabstract Cand. Diss. St. Petersburg, 2016. 26 p. (In Russ.).

12. Sharnina L.A. Discretion in constitutional law. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2019. 60 p. (In Russ.).

## Раздел 7. Обзоры, рецензии, критика

Научная специальность: 5.1.1; 5.1.4

### Рецензия на научную статью «О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки»\*

**Николай Викторович Блажевич,**

доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, bin7704@rambler.ru

**Аннотация.** В рецензии отмечается теоретическая и практическая значимость поставленной авторами статьи научной задачи о нахождении философско-методологической и теоретико-методологической основы новой научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки. Демонстрируется, что эта научная задача отражает реальную тенденцию современной юридической науки к интеграции и имеет многоуровневое решение. Подвергаются конструктивной критической оценке философско-методологические и теоретико-методологические идеи и аргументы авторов в решении задачи интеграции наук уголовного права и уголовного процесса. Отмечено, что в статье не учитывается многоуровневость интеграции наук уголовного права и уголовного процесса, игнорируется многоаспектность теоретико-методологических и философско-методологических оснований интеграции. В рецензии формулируются философские принципы (диалектические, логические и этические) и теоретико-методологические принципы (принцип равной предметной безопасности, децентрической направленности, адекватности и целесообразности) интеграции наук уголовного права и уголовного процесса, а также точки бифуркации этих наук (предметы, научные задачи и методы), которые являются необходимым условием их синергии.

**Ключевые слова:** интеграция юридических наук, диалектические принципы интеграции наук, логические принципы интеграции наук, этические принципы интеграции наук, принцип равной безопасности, принцип децентрической направленности, принцип адекватности, принцип целесообразности

*Для цитирования:* Блажевич Н.В. Рецензия на научную статью «О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4 (62). С. 92-100.

### Review of the scientific article "On the philosophical and legal pretensions of the criminal procedure theory to the general theoretical and methodological basis of the scientific specialty 5.1.4 – Criminal law sciences"

**Nikolay V. Blazhevich,**

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored worker of higher education of the Russian Federation, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, bin7704@rambler.ru

**Abstract.** The theoretical and practical significance of the scientific task raised by the authors to find both the philosophical and methodological and theoretical and methodological basis of the new scientific specialty 5.1.4. – Criminal law sciences, is emphasized. It is noted that this scientific task reflects the real tendency of the modern legal science towards the integration and has a multilevel solution. The philosophical and methodological and theoretical and methodological ideas and arguments of the authors within solving the problem of integrating the sciences of criminal law and criminal procedure are subjected to constructive critical assessment. It is noted that the multilevel integration of the

\* Александров А.С., Александрова И.А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 4 (58). С. 6-19.

sciences of criminal law and criminal procedure are not taken into account in the article; moreover, the multidimensionality of the theoretical and methodological and philosophical and methodological foundations of integration is ignored. The philosophical principles (dialectical, logical and ethical) and theoretical and methodological principles (equal subject security principle, decentral orientation principle, adequacy principle, expediency principle) of integrating the sciences of criminal law and criminal procedure, as well as the bifurcation points of these sciences (subjects, scientific tasks and methods), being a necessary condition for their synergy, are formulated in the review.

**Keywords:** integration of legal sciences, dialectical principles of integration of sciences, logical principles of integration of sciences, ethical principles of integration of sciences, equal security principle, decentral orientation principle, adequacy principle, expediency principle

*For citation:* Blazhevich N.V. Review of the scientific article "On the philosophical and legal pretensions of the criminal procedure theory to the general theoretical and methodological basis of the scientific specialty 5.1.4 – Criminal law sciences" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 4 (62). P. 92-100.

Теоретическая и практическая значимость научной задачи, поставленной авторами рецензируемой статьи, не вызывает сомнения. Действительно, нахождение философско-методологической и теоретико-методологической основы для новой научной специальности «Уголовно-правовые науки» способствует взаимному обогащению и развитию наук об уголовном праве и уголовном процессе, а также служит формированию концепции преподавания этой новой дисциплины. Постановка данной научной задачи согласуется с реальной приоритетной тенденцией современной науки к интеграции, в том числе отражает внутренний процесс интеграции юридических наук. Следует заметить, что процесс интеграции частных наук в современной научной методологии рассматривается как многоуровневое сложное явление, по крайней мере в нем выделяются философско-методологический и теоретико-методологический уровни. Он носит нелинейный характер, сопровождается одновременным поиском общих теоретико-методологических и философско-методологических оснований. Как и любой социальный процесс, он детерминирован внутренними и внешними условиями, имеет субъективные и объективные основания. Безусловно, осознавая необходимость и методологию процесса интеграции наук, ученые могут сами конструировать теоретическую или философскую модель объединения наук, опережая естественный ход интеграционного процесса.

Авторы статьи выбирают первый путь, предлагая сконструированные ими теоретико-методологическую и философ-

ско-методологическую модели новой научной дисциплины. Это стремление можно и нужно приветствовать. Но при этом важно учитывать, чтобы предлагаемая новация не унижала составляющих новую конструкцию отраслей науки, не отрицала новой предметности, новых научных задач и появление новых методов интегрирующей науки, а также не лишала интегрируемые научные отрасли собственных предметов, решаемых научных задач и методов, не уничтожала их главных философско-правовых императивов – устремления к истине, добру, красоте и справедливости. К сожалению, в рецензируемой статье предлагаемые новации не учитывают этих философско-методологических требований.

Рецензируемая статья побуждает задуматься над вопросом о том, не пребывает ли в кризисе отечественная научная методология и философия правового познания. А может, с отечественной научной методологией и философией правового познания «все нормально», а это авторы, игнорируя требования отечественной философии и научной методологии, увлеченные постмодернистскими идеями западной философии и методологии, строят неадекватные теоретико-методологическую и философско-методологическую модели новой уголовно-правовой дисциплины? Уточним философско-методологические и теоретико-методологические идеи и аргументы авторов в решении задачи интеграции наук уголовного права и уголовного процесса.

Первая оригинальная идея авторов обозначена уже в названии статьи. Авторы

пытаются найти философские аргументы для утверждения, что теория уголовного процесса должна быть теоретико-методологической основой новой научной специальности, а по сути, самого уголовного процесса и уголовного права. Этот тезис нарушает причинно-следственную связь между науками уголовного процесса и уголовного права. В традиционной логике, а именно она и является «душой» науки и практики уголовного процесса, говорится: «Каков тезис, такова и аргументация!». Отечественный логик С.И. Поварнин по этому поводу замечает, что «тезис в доказательстве – как король в шахматной игре. Хороший шахматный игрок всегда должен иметь в виду короля, какой бы ход ни задумывал» [1, с. 472]. Если убрать тезисы (нормы уголовного права), то аргументы (доказательства уголовного процесса) превратятся в «конструктивную неопределенность». Да и история наук уголовного права и уголовного процесса утверждает этот естественный порядок: формирование науки уголовного права опережает формирование науки уголовного процесса. Очевидно, имеет место и обратное воздействие, формирование науки уголовного процесса оказывает влияние на состояние науки уголовного права. При интеграции наук уголовного права и уголовного процесса их предметность, научные задачи и методология должны прийти к синергии.

Авторы статьи в своем тезисе обозначают лишь одну сторону процесса согласования этих наук, подводят науку уголовного права под науку уголовного процесса. По сути, их идея противоречит основным теоретико-методологическим принципам интеграции наук: принципу равной предметной безопасности для интегрируемых наук, принципу децентрической направленности, принципу адекватности, принципу целесообразности. Иначе можно сказать, что интеграция не должна наносить ущерба интегрируемым наукам уголовного права и уголовного процесса. Она должна создавать возможности для развития каждой науки, а объединять их должен общий предмет и общая цель достижения научной истины о преступных событиях и их справедливой правовой оценки, а также общие средства достиже-

ния этой благородной цели. Эти принципы вырабатывались самим ходом истории наук, в процессе научных дискуссий, которые способствовали интеграции научного знания [2, с. 99-100].

В защиту своей позиции, согласно которой теория уголовного процесса должна быть теоретико-методологической основой новой научной специальности, авторы неоднократно подчеркивают, что они выступают за «единое УГОЛОВНОЕ-ПРАВОВО-ПРОЦЕСС». Далее авторы уточняют, что под единством понимают «синергетическое единство «УГОЛОВНОЕ-ПРАВОВО-ПРОЦЕСС», с обязательным признанием главной роли ПРОЦЕССА в этом единении, ибо... синергия, противостоящая энтропии (распаду), перерождению «уголовного права» в репрессию, составляет суть правообразующего воздействия ПРОЦЕССА». При этом авторы подчеркивают, что под уголовным процессом ими подразумевается следующее: (а) «устойчивая и целенаправленная совокупность взаимосвязанных действий, которые по определенной технологии преобразуют входы в выходы для получения заранее определенных результатов, представляющих ценность для потребителей», (б) «уголовный процесс» в его традиционном позитивно-правовом и доктринальном понимании, (в) *абсолют*, идеальное воплощение процессуальности, «процессуальное начало в...», (г) *процедурное знание* и корпус знаний о процессе.

Во-первых, следует заметить, что авторы в данном случае ведут речь не о науках уголовного права и уголовного процесса, а о «загадочном» и «волшебном» ПРОЦЕССЕ, который может предстать и как «целенаправленная совокупность взаимосвязанных действий», и как «корпус знаний о процессе», и как «идеальное воплощение процессуальности». Действительно, если уголовный процесс трактовать как субъектно-объектную реальность, как «целенаправленную совокупность взаимосвязанных действий», которая направлена на установление состава преступления, материальной истины, регулируемое УК и УПК, то в этом отношении объективно ПРОЦЕСС первичен, а кодексы вторичны. В этом отношении уголовно-процессуальная реальность служит основанием для согласования кодексов и самих наук уголовного

права и уголовного процесса. Однако науки уголовного права и уголовного процесса в этой субъектно-объектной реальности имеют лишь общий объект — преступление, но свои относительно самостоятельные предметы (аспекты общего объекта), научные задачи и методы.

Во-вторых, сомнительным является и второй аргумент, когда авторы статьи объясняют, что УК порождает произвол, а ПРОЦЕСС не порождает, поэтому он главный. В связи с этим возникают сомнения в непричастности к произволу УПК, а также вопрос о том, не были ли репрессии формой предвзятого уголовного процесса, предвзятого отношения к УПК и УК. При этом следует учитывать, что все же произвол является характеристикой субъекта, его отношения к ПРОЦЕССУ и ЗАКОНУ, а текст закона и правовые науки имеют другие свойства. Причина репрессии вовсе не заключается, как предполагают авторы, в текстах законов и в правовых науках. Она сложна. Вопрос о причине репрессий не укореняется в «плохих» УК и УПК или «плохих» науках уголовного права и уголовного процесса, а больше связан с моральными принципами и качествами правоприменителя, его политическими целями.

Безусловно, высоконравственный правоприменитель нуждается в создании должных УК, УПК и должных наук уголовного права и уголовно-процессуального права, нуждается в прогрессивном развитии уголовного-правовой науки. Интеграция наук уголовного права и уголовного процесса является тенденцией этого развития. При этом должная интеграция наук обращает их, как справедливо утверждают авторы статьи, в синергетическое единство, то есть в самоорганизующееся единство. Однако непонятно, почему в этом единстве наук наука уголовного процесса вдруг является главной, ведь и наука уголовного права разрабатывает и объясняет право субъекта, собирающего процессуальные доказательства. В этом единстве согласуется процессуальное право с уголовным правом, уголовно-правовая реальность вписывается в уголовно-процессуальную реальность и продолжает функционировать. В новой уголовно-правовой науке расширяется предмет познания, уголовно-процессуальная реальность рассматривается целостно, в

этой науке уголовно-процессуальная реальность в узком смысле дополняется уголовно-правовой реальностью. Синергетическое единство предмета такой новой уголовно-правовой науки достигается соблюдением принципов интеграции наук: принципа равной предметной безопасности для интегрируемых наук, принципа децентрической направленности, принципа адекватности, принципа целесообразности.

В этом отношении авторы статьи не правы, когда уголовно-процессуальную реальность называют главной, при этом сужая ее до процессуальных действий. Ведь для правоприменителя не менее важно обоснование справедливости уголовного запрета и наказания как в процессе квалификации деяния, так и в процессе сбора доказательств. Ошибка авторов статьи состоит в том, что они, не учитывая узкого аспекта уголовно-процессуальной реальности как предмета науки процессуального права, оказываются в плену ложной аналогии, объявляют эту науку главной, теоретико-методологической основой новой научной специальности.

Следует заметить, что для всеобщей истории науки процесс интеграции ее областей не новое явление. Дифференциация и интеграция являются тенденциями развития науки в целом. Эти процессы обуславливают друг друга и управляются законом преемственности и обновления. Если обратиться к всеобщей истории науки, то она свидетельствует, что лидирующие науки — математика, физика, химия и биология при интеграции не теряли предметности, научных задач и методов исследования. Так, химическая физика оставалась физикой, а физическая химия — химией, расширялась только их предметность, научные задачи и методология, то есть в конечном счете возможность глубже проникать в сущность предмета и устанавливать научную истину.

Ранее, чем в естествознании, процессы интеграции происходили в развитии математики. Известно, что в XVII веке грандиозный синтез двух ветвей математики — алгебры и геометрии был произведен Р. Декартом, когда он построил аналитическую геометрию. Его аналитическая геометрия не уничтожила предметности, научных задач и методов алгебры и геометрии,

а объединила их. В аналитической геометрии не только сохраняется предметность, задачи и методология составляющих наук, но в ней предметность, научные задачи и методология расширяются и углубляются. Например, в аналитической геометрии точку пересечения прямых линий можно найти алгебраически, решив систему уравнений, не выполняя геометрического построения. Прямые линии и точки задаются алгебраическими выражениями. При этом алгебраический метод дает более точные координаты точки пересечения этих прямых и является приоритетным методом, поскольку наука стремится к точности и рационализации. Сохранению, углублению и расширению предметности, научных задач и методологии способствует формирование в математике и в естествознании особых обобщающих наук – общей арифметики (алгебры), общей физики, общей химии, общей биологии. Подобное происходит и в социально-гуманитарных науках: появляются общее языкознание, всеобщая история, общая экономика, общая социология, общая теория права и т.д. Видимо, появление общей уголовно-правовой науки является отражением соответствующей тенденции к интеграции наук.

Вторая идея авторов статьи состоит в попытке найти философские предпосылки существования новой науки, что вполне разумно. Более того, для истории науки не является новой идеей выделение в генезисе науки ее философских оснований. Формирование философских оснований любой науки, как доказывает история науки, является закономерным процессом. Кстати, возникновение философско-методологических оснований для любой науки, согласно всеобщей истории науки, опережает становление ее теорий. В философии как универсальном знании и методологии – концептуальные основы решения научных задач. Не является исключением и юриспруденция. Известно, что до юриспруденции, сложившейся в форме науки в Древнем Риме, философские идеи и концепции справедливости, правового закона и государственного строительства уже четко формулировались в VI-V веках до н. э. древнекитайскими мыслителями (Конфуцием, Мо-цзы и др.) и развивались древнегреческими

мыслителями в VI-IV веках до н. э. (Демокритом, Сократом, Платоном, Аристотелем и др.) [3, с. 279-299].

Несомненно, философско-методологические основания науки продолжают развиваться при формировании и совершенствовании ее эмпирического и теоретического уровня. Кроме того, история естественных и гуманитарных наук доказывает, что развитию науки способствуют только те философские основания, которые строятся на принципах диалектического подхода. Например, формирование неклассической науки начинается с осмысления ее философских оснований (принципов единства материи и ее свойств, движения, пространства и времени; сближения объекта и субъекта познания; вероятностного детерминизма; всесторонности рассмотрения и т.д.), что признают все основатели неклассической науки – и М. Планк, и А. Эйнштейн, и Н. Бор, и В. Гейзенберг и др. [4, с. 95-96]. Всеобщая история науки доказывает, что науки добиваются успеха в решении научных задач, в постижении научной истины, когда в качестве философских оснований избираются принципы и законы диалектики. Да и сама диалектика выигрывает от союза с наукой. В частности, на это обращали внимание многие отечественные мыслители. Ярким примером союза диалектики и науки в конце XX века является формирование синергетики. Теория самоорганизации – синергетика строится ее авторами на принципах и законах диалектики [4, с. 128-130]. Кстати, термин «синергетика» авторы рецензируемой статьи употребляют, но принципы теории самоорганизации в своей модели не используют.

Безусловно, новая уголовно-правовая наука должна углублять и расширять предметность и методологию наук уголовного права и уголовного процесса, показывать их взаимное влияние и единство, раскрывать их диалектику. Если уголовно-правовые нормы выражают признаки преступных деяний, то есть формулируют тезисы, которые предстоит доказывать при квалификации конкретного деяния, то уголовно-процессуальная наука решает задачи аргументации данных тезисов, исходя из процессуальной реальности. Они совместно умножают условия для нахож-

дения уголовной истины, ее обоснования, то есть приближают уголовно-правовую науку к установлению справедливости. Преувеличение роли процессуального подхода снижает возможности достижения конечной цели уголовным правом, разрушает основы их синергетического единства. Философско-методологическими основаниями для уголовно-правовой науки должны стать принципы диалектики (объективности, всесторонности, историзма, конкретности рассмотрения, бифуркации и связи с практикой), принципы логики (определенности, непротиворечивости, последовательности и обоснованности) и принципы этики (гуманизма, справедливости, законности и объективности).

Следует подчеркнуть, что принципы диалектики являются исходными философско-методологическими основаниями нахождения синергетического единства наук уголовного процесса и уголовного права. Так, принцип объективности означает требование исследовать предмет уголовно-правовой науки таким, каким он существует на самом деле, ничего не добавляя к нему, рассматривать предмет без предвзятости, без субъективизма. Профессор В.М. Сырых подчеркивает, что принцип объективности в правовых исследованиях выражается «в раскрытии внутренних закономерных, сущностных элементов, свойств и связей, которые в конечном итоге определяют процессы функционирования и развития права» [5, с. 37]. Принцип объективности предполагает всестороннее рассмотрение предмета уголовно-правовой науки. Как отмечает профессор Р.А. Сабитов, принцип всесторонности требует изучать правовые явления во всех их аспектах, каждую сторону, во всем многообразии связей и отношений. Исследованию подлежат как внутренние, так и внешние связи и отношения предмета [6, с. 49].

Требование всесторонности рассмотрения носит стратегический характер, направлено против всяких попыток одностороннего подхода в исследовании предмета уголовно-правовой науки, против стремления абсолютизировать какую-либо одну его сторону. Принцип всесторонности рассмотрения дополняется требованием историзма. Всестороннее познание предмета предполагает изучение его в непрерывном

развитии, исследование не только современного состояния, но и прошлого, и прогнозирование будущего состояния.

Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. Принцип конкретности рассмотрения требует, во-первых, брать предмет уголовно-правовой науки в конкретных условиях, в той обстановке, которая существует в объективной реальности; во-вторых, учитывать временные параметры существования исследуемого состояния предмета, не допускать поспешного распространения знаний о предшествующих этапах его истории на современное состояние. Принцип конкретности рассмотрения развивает принцип бифуркации, который предполагает учет при конкретном рассмотрении, прежде всего, тех точек, в которых возможно разветвление в развитии предмета уголовно-правовой науки.

Наконец, принцип связи с практикой предмета уголовно-правовой науки предполагает учет накопленного эмпирического знания при построении теоретических знаний, практическое подтверждение выдвигаемых гипотез, проверку выдвигаемых положений опытным путем. Сознательное следование принципам диалектики позволяет избежать ошибочных выводов и значительно ускоряет движение уголовно-правовой науки к научной истине и справедливости.

Третья оригинальная идея авторов выражается в построении модели философско-терминологической интеграции уголовного процесса и уголовного права. Обосновывая эту попытку, авторы заявляют, что «современная уголовно-правовая наука серьезной философско-правовой подкладки не имеет». Но почему-то, претендуя на разработку «серьезной философско-правовой» модели уголовно-правовой науки, авторы обращаются не к философии науки, а к философии искусства, которая пытается понять проблемы художественного творчества, проблемы иррационального. Если для понимания художественного творчества важен «симулякр» (интерпретация интерпретаций) — непонятнейшее средство фиксации художественного опыта, которое, по сути, ведет к «смерти объекта», к «смерти субъекта» и в конечном счете к «смерти автора», то в любой науке отказ от объекта и субъекта делает ее бессмысленной. Наука,

сохраняя объективность истины, склонна больше открывать, чем творить. Творчество и в науке имеет субъективное начало.

Следует заметить, что если классическая наука вообще стремилась исключить субъективное в познании, найти объективную истину, то неклассическая наука уже стремится показать диалектику субъекта и объекта, легализовать субъективное в научном познании [4, с. 96]. Очевидно, что и современная философско-терминологическая модель интеграции уголовного процесса и уголовного права должна учитывать диалектику субъекта и объекта, а «симулякр» в нее «не вписывается», ибо уничтожает, а точнее, уничтожает ее как научную модель.

Предложенная авторами философско-терминологическая модель уголовно-правовой науки является смесью терминов постструктурализма и постмодернизма. Так, авторы подчеркивают, что «для нового неклассического типа правопонимания парадигмальное значение имеют концепты ТЕКСТ, ДИСКУРС, СМЫСЛ», а далее поясняют, что «есть много и других: ЗНАК, СИМУЛЯКР, РИОЗА, ТЕКСТУРА, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ДЕКОНСТРУКЦИЯ и пр., но они уже производны от названной триады». Как известно, эти термины были введены представителями философии искусства (Р. Бартом, М. Фуко, Ж. Дерридой, Ж. Батаем, Ж. Бодрийяром, Ж.-Ф. Лиотаром и др.), они уводят художественное творчество от реализма, склоняют к утопиям и антиутопиям. Эту философскую методологию антиутопии прекрасно высмеял в повестях-сказках Дж. Родари (например, «Джельсомино в стране лжецов»), а также Е. Замятин в романе «Мы». Если в утопиях преувеличивается роль нравственного закона и человек оказывается в добрых отношениях, то в антиутопиях — противоположное — человек оказывается в фейковом мире и несчастен, нравственный закон, истина и справедливость оказываются забытыми. Идеи постструктурализма и постмодернизма, на смеси исходных терминов которых в рецензируемой статье строится оригинальная терминологическая модель интеграции уголовного процесса и уголовного права, противоречат принципам диалектики, логики и этики как наук. Эту модель можно отнести к паранаучным моделям.

Подводя итог своему художественному «парадигмальному пониманию правовой реальности», авторы статьи заявляют, что «картина юридического мира концептуально теперь выглядит так:

ТЕКСТ — ДИСКУРС — СМЫСЛ — 1-й уровень парадигмального понимания правовой реальности.

ЧЕЛОВЕК — ВЛАСТЬ — 2-й уровень парадигмального понимания правовой реальности.

ГОСУДАРСТВО — ПРАВО — 3-й уровень парадигмального понимания.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ и НАКАЗАНИЕ — 4-й уровень парадигмального понимания».

При этом, видимо, чтобы у читателей не было сомнения, что весь уголовный процесс начинается с «говорящей головы», авторы уточняют: «Мы стоим на том, что философские концепты со второго по четвертый уровень надо понимать в свете концептов первого уровня: как “тексто-рече-смысловые” феномены. А иным не быть. А это, в свою очередь, составляет суть их процессуалистской ДЕКОНСТРУКЦИИ и последующего позитивного КОНСТРУИРОВАНИЯ их, уже после прививки ПРОЦЕССОМ». Очевидно, в модели реальный уголовный процесс авторами замещается речевой имитацией, «симулякрами» (интерпретациями интерпретаций), а наказание определяется «посредством диалогового, конкурентного или согласительного, речевого взаимодействия заинтересованных в исходе дела субъектов — стейкхолдеров». Нравственными началами в такой модели вполне могут быть коррупционные принципы.

На наш взгляд, авторам нет необходимости копировать западную философию искусства, а лучше развивать российские традиции. Авторам следует знать, что российская философия права, как и российская философия, во второй половине XIX века, да и в XX веке (в лице лучших ее представителей) была лидирующей в мире, ибо строилась на отрицании позитивизма. Кстати, философские начала уголовного процесса были впервые должным образом сформулированы в конце XIX века А.Ф. Кони в работе «Нравственные начала в уголовном процессе» [7, с. 33-35]. Принципы гуманизма, справедливости, законности и объектив-

ности являются и философскими началами для уголовного права и права в целом. Данные принципы выступают основанием категорического императива и условием установления истины по делу.

Эти философские идеи использует и развивает в период советской власти классик теории уголовного процесса М.С. Строгович. Он пишет, что всякое решение, принимаемое органами государства, «должно быть законно и справедливо; более того, законным может быть только справедливое решение, несправедливость не может быть законной» [цит. по: 8, с. 25]. Известно, что концепция правового государства выводилась И. Кантом из категорического императива [см. об этом: 9, с. 489-490]. В советский и постсоветский период классические философские основания права развивала уральская правовая школа, ее основатель С.С. Алексеев [10]. Философия права формирует общее философское представление о праве, а философско-конкретное представление возникает, с одной стороны, при обобщении частных областей права, уголовного права и уголовного процесса, а с другой — выводится из общей философии права. Рецензируемая модель, по сути, является «бегством» от права, от справедливости и истины. Понятие истины сводится авторами к конвенционализму. Сократ замечал, что даже

общепринятое мнение может оказаться не истиной. В их модели человека заменяет робот, искусственный интеллект. Это опасно для свободы человека.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что в рецензируемой статье не представлены подлинные философские основания общей теоретико-методологической основы новой научной специальности — 5.1.4 — Уголовно-правовые науки. На наш взгляд, во-первых, исходными точками теоретико-методологического согласования уголовно-правовой и уголовно-процессуальной науки являются объекты, предметы, научные задачи и методы этих наук. В новой уголовно-правовой науке расширяется объект познания, уголовно-процессуальная реальность рассматривается целостно, в ней уголовно-процессуальная реальность в узком смысле дополняется уголовно-правовой реальностью. Синергетическое единство объекта такой новой уголовно-правовой науки достигается соблюдением принципов интеграции наук: принципа равной предметной безопасности для интегрируемых наук, принципа децентрической направленности, принципа адекватности, принципа целесообразности. Во-вторых, философско-методологическими основаниями для новой уголовно-правовой науки должны стать развитые принципы диалектики, логики и этики.

#### Список источников

1. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора // Логика и риторика: хрестоматия / сост.: В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич. Минск: ТетраСистемс, 1997. С. 471-589.
2. Филиппова А.А. Философско-методологические аспекты научной аргументации: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2001. 138 с.
3. Блажевич Н.В., Анисин А.Л. История и философия науки для юридических специальностей: учебник. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2016. 496 с.
4. Блажевич Н.В. История науки в конспективном изложении: учеб. пособие. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2010. 147 с.
5. Сырых В.М. Логические основания теории права: в 2 т. Т. 2.: Логика правового исследования: как написать диссертацию. Москва: Юстицинформ, 2004. 560 с.
6. Сабитов Р.А. Основы научных исследований: учеб. пособие. Челябинск: Челябинский юрид. ин-т МВД России, 2006. 175 с.
7. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Сочинения: в 8 т. Т. 4. Москва, 1967. С. 33-69.
8. Кобликов А.С. Юридическая этика: учебник для вузов. 2-е изд. Москва: НОРМА, 2003. 176 с.
9. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник. Москва: Инфра-Норма, 1997. 652 с.
10. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. Москва: НОРМА, 2001. 752 с.

#### References

1. Povarnin S.I. Dispute. On the theory and practice of the dispute. Logic and rhetoric. Minsk, TetraSystems Publ., 1997. Pp. 471-589. (In Russ.).

2. Filippova A.A. Philosophical and methodological aspects of scientific argumentation. Cand. Diss. Moscow, 2001. 138 p. (In Russ.).
3. Blazhevich N.V., Anisin A.L. History and philosophy of science for legal professions. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2016. 496 p. (In Russ.).
4. Blazhevich N.V. The history of science in a concise presentation. Tyumen, Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. 147 p. (In Russ.).
5. Syrykh V.M. Logical foundations of the theory of law. In 2 volumes. Vol. 2. The logic of legal research (how to write a dissertation). Moscow, Yustitsinform Publ., 2004. 560 p. (In Russ.).
6. Sabitov R.A. Fundamentals of scientific research. Chelyabinsk, Chelyabinsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 175 p. (In Russ.).
7. Koni A.F. Moral principles in the criminal process. Works. In 8 volumes. Vol. 4. Moscow, 1967. Pp. 33-69. (In Russ.).
8. Koblikov A.S. Legal Ethics. Moscow, NORMA Publ., 2003. 176 p. (In Russ.).
9. Nersesyants V.S. Philosophy of law. Moscow, Infra-Norma Publ., 1997. 652 p. (In Russ.).
10. Alekseev S.S. Rise to the right. Searches and solutions. Moscow, NORMA Publ., 2001. 752 p. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

**Рецензия на монографию О.С. Кайгородовой  
«Криминалистическая методика расследования  
преступлений, совершенных несовершеннолетними»\***

**Светлана Сергеевна Чернова,**

кандидат юридических наук, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, chernovaswetlana@mail.ru

**Аннотация.** В рецензии анализируется монография О.С. Кайгородовой, посвященная криминалистической методике расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними. Рецензентом использовались системно-структурный, функционально-исторический методы, а также эмпирические методы – сравнение, описание и интерпретация. Отмечено, что взгляды на предлагаемую в монографии криминалистическую методику расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, и выдвинутые науковедческие вопросы О.С. Кайгородовой представлены аргументированно, с приведением позиций ученых в области криминалистики и уголовного процесса, а также проиллюстрированы примерами из правоприменительной практики. Особое внимание в исследовании уделено личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, особенностям проверки сообщений о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, и тактике производства следственных действий с их участием. В целом делается вывод об актуальности монографии и ее востребованности широким кругом специалистов.

**Ключевые слова:** несовершеннолетний, личность несовершеннолетнего, расследование преступления, следственное действие, законный представитель несовершеннолетнего

*Для цитирования:* Чернова С.С. Рецензия на монографию О.С. Кайгородовой «Криминалистическая методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4 (62). С. 101-104.

**Review of O.S. Kaigorodova's monograph  
"Criminalistic methods of investigating crimes committed by minors"**

**Svetlana S. Chernova,**

Candidate of Legal Sciences, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, chernovaswetlana@mail.ru

**Abstract.** The monograph "Criminalistic methods of investigating crimes committed by minors" written by O.S. Kaigorodova is analyzed in the review. The reviewer used the following methods: system structural analysis, functional analysis, historical method, as well as such empirical methods as comparison, description and interpretation. It is noted that the opinions concerning the criminalistic methodology for investigating crimes committed by minors proposed in the monograph, as well as the scientific issues presented by O.S. Kaigorodova, are reasoned and substantiated. The points of view of the scientists engaged in research in the field of criminalistics and criminal procedure are given. Some examples from law enforcement practice are described. The author of the reviewed research paid special attention to the personality of a minor who has committed the crime, the specifics of checking reports of the crimes committed by minors, and the tactics of conducting investigative actions involving minors. The reviewer comes to the conclusion that the monograph is relevant and in demand by a wide range of specialists.

**Keywords:** minor, personality of a minor, investigation of crime, investigative action, legal representative of a minor

\* Кайгородова О.С. Криминалистическая методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними: монография. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2021. 110 с.

For citation: Chernova S.S. Review of O.S. Kaigorodova's monograph "Criminalistic methods of investigating crimes committed by minors" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 4 (62). P. 101-104.



Актуальность темы монографии О.С. Кайгородовой несомненна и автором убедительно обоснована. Несмотря на большое количество исследований, посвященных криминалистической методике расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, указанные вопросы не утратили своей значимости и в настоящее время, поскольку уже давно вышли за рамки криминалистики. Например, ученые в области психологии и психиатрии дискутируют о продолжительности производства допроса несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, ученые в области уголовного процесса продолжают рассмотрение правовых аспектов производства следственных действий с участием несовершеннолетнего, ученые в области конституционного права в течение длительного времени исследуют соотношение термина «несовершеннолетний» и термина «ребенок» [см. подробнее: 1, с. 93].

Кроме того, многие научные работы по-прежнему не раскрывают всех сторон

криминалистической методики расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, что, по нашему мнению, негативным образом сказывается на эффективности борьбы с преступностью, поскольку сдерживает процессы реформирования законодательства и не способствует устранению существующих пробелов в правоприменительной деятельности, следствием которых является нарушение прав несовершеннолетних или ненадлежащая защита их интересов в ходе уголовного судопроизводства.

На актуальность монографии указывают и статистические данные, приведенные автором в работе. Так, О.С. Кайгородова, отмечая снижение за пятилетний период общего количества несовершеннолетних, совершивших преступления, указывает на рост количества убийств, изнасилований, случаев причинения тяжкого вреда здоровью, а также на «преступное взросление» указанной категории лиц, то есть совершение преступлений, ранее свойственных только взрослым: похищение человека, захват заложника, участие в экстремистской деятельности и действиях террористического характера и т.д.

Содержание монографии представлено тремя главами, включающими восемь параграфов.

В первой главе «Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных несовершеннолетними» автором уделяется значительное внимание личности несовершеннолетнего как элементу криминалистической характеристики преступления. Особенно ценно, что исследование личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, осуществлено через призму семейных отношений, жизненных ценностей и ориентиров. На эффективность такого метода исследования еще более ста лет назад указывал в своих работах А.Н. Трайнин, отмечая, что, анализируя «обыкновенную историю» многих несовершеннолетних, можно воссоздать картину превращения ребенка в «человека-преступника» [2, с. 544].

Также исторически обоснованным видится вывод О.С. Кайгородовой о преемственности поколений в части совершения преступлений, которую автор обозначает в качестве «естественной нормы жизни». Так, А.Ф. Кистяковский в работе 1878 года указывает, что формированию «личности несовершеннолетнего преступника» способствует совершение преступлений родителями [3, с. 10-12].

Вместе с тем следует обратить внимание на дискуссионный момент. Анализируя вопросы, связанные с изучением личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, в соответствии со ст.ст. 73, 421 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), автор использует термин «несовершеннолетний преступник». Подобный подход к терминологии, присутствующий в работах ученых в области криминалистики, криминологии и т.д., на наш взгляд, противоречит принципу презумпции невиновности, предусмотренному положениями ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации, ст. 14 УПК РФ, п. 2 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод\*, в соответствии с которым до вступления в законную силу обвинительного приговора или постановления о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию недопустимо «использовать формулировки, из содержания которых следовало бы, что то или иное лицо совершило преступление»\*\*.

Аналогичный недостаток нам видится в использовании автором термина «осужденные дети», поскольку в международных актах и нормативных актах Российской Федерации понятие «дети»

\* Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 2. Ст. 163. (Российская Федерация перестала быть Высокой Договаривающейся стороной данной Конвенции с 16 сентября 2022 г.).

\*\* О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. N 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

раскрывается через термин «ребенок». Например, ст. 1 Конвенции о правах ребенка\*\*\* закрепляет: «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее», то есть речь идет о возрасте с момента рождения до 18 лет.

Согласно действующим Уголовному кодексу Российской Федерации (УК РФ) и УПК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось 14, но не исполнилось 18 лет.

Во второй главе «Проверка сообщений о преступлениях, совершенных несовершеннолетними» автор акцентирует внимание на существующих пробелах законодательства и отсутствии единообразия в действиях правоприменителей, влекущих возникновение нарушений в ходе проверки сообщения о преступлении. Отмечается, что для решения проблем, связанных с процессуальным порядком отобрания объяснения у несовершеннолетнего, его вызова в правоохранительные органы, возможно «применение закона по аналогии со стадией расследования уголовного дела». На данное обстоятельство в своих работах также неоднократно указывали ученые-процессуалисты, проводя аналогию опроса с допросом и отмечая схожесть процессуального порядка производства указанных действий [см., например: 4, с. 75; 5, с. 148].

Не оставляет без внимания автор и типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, указывая на их взаимосвязь с выдвиганием криминалистических версий.

Наиболее интересной и практически значимой представляется третья глава «Особенности тактики отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних», в которой О.С. Кайгородова рассматривает дискуссионные аспекты видеофиксации следственных действий,

\*\*\* Конвенция о правах ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 нояб. 1989 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. N 45. Ст. 955.

участия в них законных представителей, психолога или педагога, а также тактические особенности их производства.

Исследуя аналогию закона и аналогию права, автор, несмотря на отсутствие в УПК РФ соответствующей нормы, делает вывод о «допустимости применения в уголовном процессе аналогии, поскольку это вытекает из доктринальных положений» и, как следствие этого, об оправданности сложившейся правоприменительной практики применения норм ст. 191 УПК РФ при производстве любого следственного действия с участием несовершеннолетнего.

Выделяя вопросы, возникающие в связи с обязанностью или возможностью участия в следственных действиях, проводимых с несовершеннолетним, педагога или психолога, О.С. Кайгородова обоснованно указывает на их специализацию «именно в области детской педагогики и психологии», а также на принадлежность к «иным участникам уголовного судопроизводства», позволяющую принимать участие при производстве следственных действий как с несовершеннолетними со стороны защиты, так и с несовершеннолетними участниками уголовного процесса со

стороны обвинения в ходе производства по одному уголовному делу.

Практическую значимость представляют сформулированные автором тактические рекомендации производства проверки показаний на месте, очной ставки с участием несовершеннолетнего.

В основу монографии положены проведенные автором ранее исследования и опубликованные работы, а также анализ более 150 источников, которые последовательно приведены в списке литературы.

В целом монографию О.С. Кайгородовой «Криминалистическая методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними» можно оценить как самостоятельное научное исследование, обладающее научной новизной, теоретической и практической значимостью.

Монография может быть востребована широким кругом специалистов – учеными, профессорско-преподавательским составом и обучающимися образовательных организаций, в том числе Министерства внутренних дел Российской Федерации, сотрудниками органов следствия и дознания.

#### Список источников

1. Чернова С.С. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего: процессуальные аспекты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. N 2 (48). С. 92-102.
2. Трайнин А.Н. Общие выводы // Дети-преступники: сб. ст. / с предисл. и под ред. М.Н. Гернета. Москва: Знаменский, 1912. С. 543-550.
3. Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обзором русских учреждений. Киев: Унив. тип. (И.И. Завадского), 1878. 232 с.
4. Косенко А.М. О процессуальной форме получения объяснений // Уголовная юстиция. 2019. N 13. С. 75-79.
5. Стельмах В.Ю. Объяснения в уголовном судопроизводстве: правовая природа, процессуальный порядок получения, доказательственное значение // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 5. С. 148-157.

#### References

1. Chernova S.S. Interrogation of a minor victim: procedural aspects. Legal science and law enforcement practice, 2019, no. 2 (48), pp. 92-102. (In Russ.).
2. Traynin A.N. General conclusions. Children-criminals. Moscow, Znamensky Publ., 1912. Pp. 543-550. (In Russ.).
3. Kistyakovskiy A.F. Young criminals and institutions for their correction, with a review of Russian institutions. Kyiv: University printing house (I.I. Zavadsky), 1878. 232 p. (In Russ.).
4. Kosenko A.M. On the procedural form of obtaining explanations. Criminal Justice, 2019, no. 13, pp. 75-79. (In Russ.).
5. Stel'mah V.Yu. Explanations in criminal proceedings: legal nature, procedural procedure for obtaining, evidentiary value. Bulletin of the Udmurt University, 2016, vol. 26, issue 5, pp. 148-157. (In Russ.).

## Раздел 8. Спецтема: Противодействие преступности в новых геополитических реалиях

Научная специальность: 5.1.4

### Актуальные вопросы обеспечения производства взрывотехнических судебных экспертиз и отдельных следственных действий с участием эксперта-взрывотехника

**Максим Сергеевич Гайкин,**

Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Тюменской области, Тюмень, Россия, maxon291@yandex.ru

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы нормативного, методического и материально-технического обеспечения производства взрывотехнических судебных экспертиз, а также проблемы технико-криминалистического обеспечения производства отдельных следственных действий с участием эксперта-взрывотехника, изучаются закономерности их влияния на полноту и всесторонность исследований при производстве экспертиз, качество производимых отдельных следственных действий. Выявленные автором статьи закономерности позволят обратить внимание на проблемные вопросы экспертной деятельности по данному направлению, что в дальнейшем будет способствовать выработке алгоритма их решения, а также повышению эффективности производства данных экспертиз и отдельных следственных действий с участием экспертов-взрывотехников.

**Ключевые слова:** взрывотехническая экспертиза, эксперт-взрывотехник, взрывчатые вещества, взрывное устройство, следственное действие

*Для цитирования:* Гайкин М.С. Актуальные вопросы обеспечения производства взрывотехнических судебных экспертиз и отдельных следственных действий с участием эксперта-взрывотехника // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 4 (62). С. 105-114.

### Topical issues of ensuring the conduction of the explosive forensic examinations and individual investigative actions with the participation of an explosives expert

**Maksim S. Gaikin,**

Tyumen region Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russia, maxon291@yandex.ru

**Abstract.** The issues of normative, methodological and logistical ensurance of conducting the explosive forensic examinations, as well as the problems of technical and criminalistic ensurance of conducting individual investigative actions with the participation of an explosives expert, is considered. The regularities of their influence on the completeness and comprehensiveness of the research within conducting such examinations, as well as the quality of individual investigative actions are studied. The regularities, determined by the article's author, allow to focus on the problematic issues of expert activities in this area, which will contribute to create an algorithm for solving them, as well as to increase the efficiency of conducting such examinations and individual investigative actions with the participation of explosives experts.

**Keywords:** explosive examination, explosives expert, explosive substances, explosive devices, investigative action

*For citation:* Gaikin M.S. Topical issues of ensuring the conduction of the explosive forensic examinations and individual investigative actions with the participation of an explosives expert // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 4 (62). P. 105-114.

Более 40 лет назад в системе МВД России было создано направление взрывотехнических экспертиз, которое начинало свою деятельность с небольшого отделения Центральной научно-исследовательской криминалистической лаборатории МВД СССР [1, с. 123]. В настоящее время это достаточно хорошо организованная структура в экспертно-криминалистических подразделениях (далее – ЭКП). Главным профильным подразделением по данному направлению является отдел взрыво- и пожарно-технических экспертиз экспертно-криминалистического центра (далее – ЭКЦ) МВД России, аналогичные отделы имеются в ЭКЦ ГУ МВД России по г. Москве и ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Производством взрывотехнических экспертиз и исследований в ЭКЦ субъектов Российской Федерации занимаются эксперты, имеющие допуск к самостоятельному производству данного вида экспертиз (далее – эксперты-взрывотехники). При этом они не всегда занимают должности в профильных отделах ввиду отсутствия таковых. Отсутствие соответствующих должностей обусловлено в первую очередь нагрузкой экспертов. Согласно нормам введения должностей в ЭКЦ по субъектам Российской Федерации на взрывотехнические экспертизы полагается два эксперта. Дополнительная должность эксперта вводится из расчета один эксперт на 80 экспертиз и исследований\*.

Это оправданно при условии выполнения экспертом только взрывотехнических экспертиз. Однако на практике, как указано выше, многие эксперты-взрывотехники занимают должности в различных отделах ЭКЦ и помимо взрывотехнических экспертиз осуществляют производство иных видов исследований, что связано с дополнительной нагрузкой. В ряде случаев эксперт-взрывотехник является единственным специалистом по нескольким направлениям экспертной деятельности.

Согласно требованиям нормативных документов все взрывоопасные предметы,

\* Приложение N 5 к приказу МВД России от 30 мая 2003 г. N 366 «О вопросах организации деятельности экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел». (Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»).

поступающие в ЭКП для производства экспертиз и исследований, должны приниматься только при участии эксперта-взрывотехника, что в сложившейся кадровой реальности может вызвать определенные трудности в оперативно-служебной деятельности.

В качестве примера рассмотрим ситуацию, когда эксперт-взрывотехник отсутствует на службе после суточного дежурства, а его коллега находится в очередном отпуске. В это время сотрудники ДПС ГИБДД в ходе досмотра подозрительного автомобиля обнаруживают внутри его салона предмет, по внешним признакам похожий на ручную гранату. В ходе осмотра данного предмета на месте происшествия специалистом-взрывотехником ОМОН он идентифицируется как ручная осколочная граната дистанционного действия Ф-1 со взрывателем «УЗРГМ».

После производства следственных действий и изъятия объектов возникает вопрос о проведении взрывотехнического исследования. В данной ситуации без его проведения принять законное и обоснованное решение по материалу проверки невозможно, а при достаточных основаниях для возбуждения уголовного дела необходимо производство неотложных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, так как у задержанного лица могут быть и другие запрещенные в гражданском обороте предметы, представляющие общественную опасность. Далее изъятые объекты вместе с запросом на проведение взрывотехнического исследования направляются в ЭКП. В связи с задержанием лица по подозрению в совершении преступления исследование должно производиться в течение суточного дежурства. При этом имеют место форс-мажорные обстоятельства, когда эксперт-взрывотехник по объективной причине отсутствует на рабочем месте и осуществить прием взрывоопасного объекта в экспертное подразделение не представляется возможным по изложенным выше основаниям. В сложившейся ситуации руководитель ЭКП вынужден вызывать эксперта, которому предоставлен день отдыха, для проведения исследования. Следует учитывать, что общая усталость и рассеянное внимание эксперта при работе со взрывоопасным

объектом могут стать причиной непреднамеренного взрыва и привести к тяжким последствиям.

Другим примером может послужить возможное участие эксперта-взрывотехника в качестве специалиста при осмотре места взрыва. Осмотр места взрыва является одной из наиболее сложных разновидностей осмотра места происшествия. Это обуславливается прежде всего разной природой взрывов, техническими причинами их возникновения, многообразием взрывных устройств промышленного или самодельного изготовления и их элементов, используемых в преступных целях, а также особенностями окружающей обстановки [2, с. 5]. Осмотр места взрыва без участия эксперта-взрывотехника невозможен, так как следователь и специалист-криминалист не имеют специальных знаний в области физики взрыва, промышленных и самодельно изготовленных взрывных устройств, а также тактики производства данных осмотров. Результаты осмотра места происшествия по фактам взрывов, как правило, служат основой для последующего производства взрывотехнической экспертизы.

Профессиональный опыт автора настоящей статьи позволяет привести достаточное количество примеров организации дополнительного осмотра по причине ненадлежащего производства первоначального осмотра без участия эксперта-взрывотехника. Одним из таких примеров является произошедший в поселке Красный Октябрь Белгородской области взрыв крупнокалиберного патрона с пулей типа МДЗ при попытке его демонтажа несовершеннолетним. По результатам осмотра места происшествия было изъято несколько металлических фрагментов, которые были предоставлены автору на исследование и являлись малоинформативными с криминалистической точки зрения. После оказания автором консультативной помощи был организован дополнительный осмотр места происшествия, в ходе которого было изъято множество фрагментов оболочки данной пули, а на другом участке местности было обнаружено и изъято несколько патронов и пуль указанного типа, что значительно облегчило эксперту задачу и в дальней-

шем позволило восстановить общую картину произошедшего\*.

Следует отметить, что, как и в случае с исследованием взрывоопасных объектов, участие эксперта-взрывотехника в отдельных следственных действиях требует значительного внимания и концентрации на происходящих событиях и своих действиях, а общая физическая и моральная усталость может оказать негативное влияние на качество и производительность его труда. Немаловажным фактором на месте взрыва является отсутствие исходных данных о конструкции и способе изготовления взорванного устройства. При этом его отдельные элементы после взрыва могут представлять не меньшую опасность, чем само устройство до его взрыва. Кроме того, не исключается вероятность совершения повторного взрыва, целью которого будет являться жизнь и здоровье сотрудников экстренных оперативных служб.

Первый проблемный вопрос, связанный с рассмотренными выше примерами, – это нормативно закрепленное, но фактически недостаточное количество экспертов по направлению взрывотехнических экспертиз. Несомненно, основанием для установления данных норм послужила нагрузка экспертов, но этот критерий сейчас не является основополагающим, так как оперативная обстановка может меняться непредсказуемо, в связи с чем возможно мгновенное многократное увеличение нагрузки. Проходящая в настоящее время специальная военная операция подтверждает вышесказанное. Во всей полноте чрезмерную нагрузку ощутили на себе эксперты-взрывотехники приграничных регионов, где в большом объеме на исследование поступают разнообразные боеприпасы и взрывные устройства как отечественного, так и иностранного производства. Также следует отметить участие экспертов-взрывотехников в осмотрах мест происшествий, связанных с обстрелами населенных пунктов со стороны Украины.

\* Пули крупнокалиберных патронов типа МДЗ снаряжаются зарядами бризантного взрывчатого вещества – флегматизированного ТЭНа и для патронов калибра 12,7 и 14,5 мм по массе составляют 1,9-2 и 3,5 г соответственно [3, с. 30].

По нашему мнению, единственно верным в сложившейся ситуации является внесение в нормы введения должностей в ЭКЦ по субъектам Российской Федерации изменений, предусматривающих то, что на взрывотехнические экспертизы должно приходиться не менее трех экспертов. Это позволит организовать дежурства по приему объектов для производства экспертиз, проведению взрывотехнических исследований во время суточного дежурства, а также производству отдельных следственных действий с участием данных экспертов. Следует учитывать, что взрыв может произойти в пределах границ региона, в связи с чем необходима организация оперативного выезда эксперта-взрывотехника даже в самую отдаленную точку относительно места дислокации экспертного подразделения. Во время работы одного эксперта на месте происшествия в ЭКП должен находиться другой эксперт данного направления.

Немаловажным аспектом в судебно-экспертной деятельности по направлению взрывотехнических экспертиз является методическое обеспечение. Без разработанных и научно обоснованных методик, использования научной, технической и справочной литературы произвести судебную экспертизу в настоящее время невозможно. Одним из основных принципов судебно-экспертной деятельности является полнота и всесторонность исследования\*.

По мере совершенствования направления взрывотехнических экспертиз в системе МВД России спектр объектов экспертных исследований постоянно увеличивался и дополнялся, что обуславливалось развитием оборонно-промышленного комплекса и появлением новых образцов вооружения. К вышеизложенному можно также отнести развитие пиротехнической индустрии и разнообразие самодельно изготавливаемых в преступных целях взрывных и зажигательных устройств. Особого внима-

ния заслуживают иностранные изделия, информация о которых является труднодоступной.

Несомненно, сотрудниками ЭКЦ МВД России активно осуществляется деятельность по разработке методических рекомендаций, сбору информации о новых образцах вооружения и обеспечению данной информацией экспертов-взрывотехников территориальных органов МВД России. Информация по одному типу боеприпасов может быть размещена в нескольких источниках, при этом они вполне могут дополнять друг друга, что немаловажно при производстве экспертизы. По мере накопления источников информации увеличивается ее объем на материальных носителях, а при отсутствии структурирования информации возникает путаница в работе с ней. Следует отметить, что в связи со всеобщей цифровизацией большая часть изданий и других источников переводится в электронный формат. С одной стороны, это удобно при работе с информацией, а с другой – ставится задача по обеспечению возможности ее хранения в цифровом виде на электронных носителях.

В настоящее время у ряда экспертов-взрывотехников территориальных органов МВД России существует множество электронных носителей, на которых размещена накопленная на протяжении многих лет различная информация по объектам исследования (компакт- и жесткие диски, флеш-карты и т.п.), больше подходящих для временного хранения информации. При постоянном использовании данных электронных носителей они могут прийти в негодность и исключить доступ к информации, размещенной на них. Отсутствие централизованного сервера и процесс пополнения информации приводят к накоплению массива вышеуказанных носителей.

Постоянное обновление компьютерной техники и ее программного обеспечения также сказывается на доступе к имеющейся информации и возможности ее обработки. Существуют проблемы совместимости разработанных еще в конце 90-х годов прошлого века программ и автоматизированных информационно-поисковых систем по направлению взрыво-

\* Статья 4 Федерального закона от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». (См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 23. Ст. 2291).

технических экспертиз на современной компьютерной технике.

Вышеизложенное позволяет сформулировать еще один проблемный вопрос, который связан с информационным и методическим обеспечением производства взрывотехнических экспертиз, в частности обобщением и структурированностью накопленной информации, порядком ее пополнения, обновлением существующих автоматизированных информационно-поисковых систем, интерфейс которых в настоящее время морально устарел, а также внедрением новых информационных технологий для оптимизации работы экспертов-взрывотехников.

Представляется, что для решения данной проблемы необходимо создание единой информационно-справочной системы «Взрывотехник», в которой будет собрана и структурирована вся имеющаяся информация по направлению взрывотехнических экспертиз. Данная система должна включать несколько разделов, первый из которых будет содержать нормативную и методическую информацию по организации производства взрывотехнических экспертиз. Второй раздел будет содержать информацию об объектах исследования по категориям (например, пиротехника, боеприпасы ближнего боя и т.п.). Третий раздел будет посвящен ведению экспертно-криминалистических учетов по маркировочным обозначениям изделий промышленного изготовления, самодельным взрывным и зажигательным устройствам. В четвертый раздел целесообразно включать обучающие материалы для самоподготовки экспертов-взрывотехников (презентации по осмотрам мест взрывов, видеозаписи с реальных мест происшествий и т.п.).

Вся информация может размещаться на главном сервере, а для работы с программой потребуется установка приложения и регистрация в нем. Обновление программы может производиться автоматически по мере поступления новой информации. Конечно, для разработки данной системы необходимо определенное время, финансовые и трудовые ресурсы, но это оправданно. В настоящее время развитие информационных технологий является одним из приори-

тетных направлений государственной политики\*.

Следующим проблемным аспектом практической деятельности экспертов-взрывотехников является материально-техническое обеспечение. Согласно нормативным правовым актам в необходимых случаях и при наличии возможности выезд сотрудника ЭКП на место происшествия осуществляется на специальном автомобиле – передвижной криминалистической лаборатории, в том числе: по фактам взрывов – на автомобиле – передвижной взрывотехнической лаборатории\*\*. Более того, наличие данного автомобиля в ЭКП на региональном уровне предусмотрено нормами положенности транспортных средств\*\*\*, однако он имеется далеко не во всех подразделениях. Автомобиль – передвижная взрывотехническая лаборатория имеет ряд преимуществ. Во-первых, он оборудован специальными сигналами, что при необходимости дает преимущество перед другими участниками дорожного движения и значительно сокращает время прибытия на место происшествия. Во-вторых, данный автомобиль имеет все необходимое криминалистическое и специальное оборудование для работы на месте происшествия. В-третьих, данный автомобиль изготавливается на базе микроавтобусов и может перевозить крупногабаритные грузы и большее количество людей, что позволяет дополнительно использовать его в качестве штаба следственно-оперативной группы.

Эксперты-взрывотехники часто осуществляют выезды на место происшествия

\* О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 марта 2022 г. N 83 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru>

\*\* Пункт 70 приказа МВД России от 11 января 2009 г. N 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России». (Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»).

\*\*\* Приложение N 15 к приказу МВД России от 15 июля 2015 г. N 757 «О некоторых вопросах обеспечения транспортными средствами органов внутренних дел Российской Федерации». (Доступ из СПАС «Юрист»).

по фактам взрывов газоздушных и топливно-воздушных смесей. В практике автора имел место случай выезда в связи со взрывом газоздушной смеси в двухэтажном жилом доме. Выезд осуществлялся на служебном автомобиле без специальных сигналов, а так как движение по дорогам было затруднено, то время прибытия на место происшествия увеличилось практически в два раза по сравнению с расчетным. Кроме того, на данном месте происшествия в результате взрыва произошло обрушение лестницы, что затруднило подъем на второй этаж и спуск в подвальное помещение. Для подъема и спуска в вышеуказанные помещения использовалась лестница, которая была предоставлена спасателями.

Передвижная взрывотехническая лаборатория используется не только для выезда на место происшествия, но и при проведении экспериментальных подрывов при производстве взрывотехнических экспертиз. В такой автомобиль удобно осуществлять загрузку всего необходимого оборудования, средств бронезащиты. Кроме того, он предназначен для транспортировки взрывоопасных предметов, что обеспечивает безопасность доставки объектов исследования к месту проведения экспериментального подрыва.

Обеспечение данным видом специальной техники ЭКП системы МВД России в настоящее время не предусмотрено в рамках государственного оборонного заказа, что оставляет этот вопрос открытым. На его решение влияют два ключевых момента — высокая стоимость данной техники и фактическая потребность в ней. Конечно, второй фактор будет основополагающим, поскольку оперативная обстановка в приграничных с Украиной регионах и в центральной части Российской Федерации значительно отличается. Количество осмотров за месяц в одном таком регионе может превысить их количество за год в ряде других регионов.

Для решения данной проблемы считаем целесообразным выработать следующие решения. Во-первых, необходимо внепланово организовать обеспечение данным видом специальной техники субъектов Российской Федерации, граничащих с Украиной, в которых наблюдается очень напря-

женная оперативная обстановка. Во-вторых, следует включить в государственный оборонный заказ пункт об обеспечении региональных ЭКП данным видом специальной техники исходя из оперативной обстановки и текущих фактических потребностей.

Следующее, на что необходимо обратить внимание в организации работы экспертов-взрывотехников, — это недостаточная оснащенность региональных ЭКП современными средствами экспресс-методов обнаружения и идентификации взрывчатых веществ. Данным изделиям сотрудниками ЭКЦ МВД России посвящено исследование [4], в котором подробно представлены их разновидности и технические характеристики, поэтому ограничимся лишь общими сведениями о них.

Первой разновидностью данных средств являются экспресс-тесты, которые представляют собой упаковку с химическими реактивами. Принцип их работы заключается в проведении цветных качественных химических реакций с исследуемым веществом, как правило, в определенной последовательности, то есть сначала используют один реактив, затем к нему добавляют другой. Данные экспресс-тесты малогабаритные, они занимают немного места в криминалистическом чемодане. Вторая разновидность средств экспресс-методов — экспресс-детекторы паров взрывчатых веществ и взрывчатых веществ в кристаллическом и жидком состоянии. В основу их работы положен какой-либо физико-химический метод анализа. В зависимости от его типа данные детекторы являются более технически сложными устройствами, что повышает их эффективность по сравнению с экспресс-тестами. В настоящее время существует множество таких экспресс-детекторов, которые изготавливаются в зависимости от условий применения и габаритов. Детекторы имеют воздухозаборник для отбора пробы воздуха, их можно увидеть у сотрудников служб безопасности аэропортов, железнодорожных вокзалов и метрополитена. Многие приборы снабжаются термодесорбером — устройством ввода образца при нагревании для получения более сильного сигнала в процессе исследования следов взрывчатых веществ.

Преимущество вышеуказанных изделий заключается в возможности их использования на месте происшествия либо при производстве отдельных следственных действий, например в ходе обыска. Они позволяют быстро получить предварительную информацию, что немаловажно для следственных и оперативных подразделений. Конечно, данные изделия не могут конкурировать с лабораторным аналитическим оборудованием по части достоверности обнаружения и идентификации взрывчатых веществ и их компонентов, но могут быть эффективно использованы как вспомогательные инструменты.

Экспресс-детекторами по заявке заказчика могут доукомплектовываться и передвижные взрывотехнические лаборатории, что в определенной степени позволяет облегчить задачу обеспечения данным техническим средством. Ситуация с экспресс-тестами более сложная: для обеспечения ими только одного ЭКП необходима закупка целой партии данных изделий, поэтому данный вопрос требует централизованного решения в рамках заключения государственного контракта.

Следующим немаловажным вопросом является наличие в ЭКП лаборатории взрывотехнических экспертиз. Согласно разработанным в ЭКЦ МВД России рекомендациям данная лаборатория должна состоять, в частности, из помещения для первичного осмотра и диагностики поступающих на исследование объектов, комнаты для хранения взрывоопасных объектов исследования, комнаты для хранения невзрывоопасных объектов исследования, комнаты для хранения взрывчатых веществ и средств инициирования, лаборатории для осмотра изъятых взрывоопасных объектов и проведения их технических исследований, лаборатории для исследования следовых количеств взрывчатых веществ, помещение для проведения экспериментальных исследований на пригодность к взрыву во взрывотехническом комплексе, помещение сектора учета и химической лаборатории.

Допускается совмещение функционального назначения комнаты для хранения взрывоопасных объектов и лаборатории для осмотра изъятых взрывоопасных объектов (проведения исследований), а

также комнаты для хранения невзрывоопасных объектов и лаборатории для работы со следовыми количествами взрывчатых веществ. Дополнительно следует отметить, что целесообразно размещать взрывотехническую лабораторию в стоящем отдельно от других подразделений здании, так как в случае непреднамеренного взрыва в одном из ее помещений вероятность получения случайными лицами травм различной степени тяжести практически исключается.

В настоящее время не все ЭКП располагают подобными лабораториями, а многие эксперты-взрывотехники не обеспечены даже отдельным кабинетом. В разных субъектах Российской Федерации ситуация с фондом зданий отличается. Постройка нового здания требует значительного объема финансирования, однако приспособление и небольшая модернизация имеющихся помещений вполне реальны. В первую очередь это вопрос обеспечения безопасности, пренебрегать которым нельзя.

Еще одно необходимое техническое средство при производстве взрывотехнических экспертиз — рентгенотелевизионные установки, которые позволяют получать рентгеновские изображения различных объектов дистанционно. Данные установки также можно наблюдать у сотрудников службы безопасности аэропортов, железнодорожных вокзалов и автовокзалов, а также метрополитена. Использование данной техники в ходе производства взрывотехнических экспертиз позволяет минимизировать риски эксперта при работе со взрывоопасными объектами исследования, доступ к содержанию которых ограничен, а также имеется риск их непреднамеренного взрыва в процессе демонтажа. Данное средство очень эффективно при исследовании объектов, конструкция которых заранее достоверно неизвестна эксперту (например, иностранные изделия и самодельные взрывные устройства). Принципиально соблюдение правила: чем меньше манипуляций проводится со взрывоопасным объектом, тем меньше вероятность его непреднамеренного взрыва.

Обеспечение ЭКП данным видом техники следует признать проблемным.

Вопрос связан прежде всего с реальной потребностью, так как если основной спектр взрывотехнических исследований в регионе составляют ручные гранаты и пороха различных типов, то острой необходимости в рентгенотелевизионных установках нет. При этом нельзя забывать о возможном изменении оперативной обстановки, вследствие которого потребность в данном техническом средстве может существенно возрасти.

Автору приходилось исследовать большое количество противотанковых управляемых реактивных снарядов (ПТУРС), представляющих собой контейнер цилиндрической формы, внутри которого размещены снаряды, состоящие из боевых частей с разгонно-маршевыми двигательными установками и вышибными двигательными установками\*. Производить демонтаж данных снарядов в процессе производства экспертизы было небезопасно, поэтому исследование сводилось к визуальному осмотру, измерению линейно-весовых характеристик и имеющихся маркировочных обозначений. После установления отсутствия нарушений целостности промышленной сборки снарядов был произведен их экспериментальный подрыв в условиях полигона. Применение вышеуказанной техники в данном случае обеспечило бы более полное и всестороннее исследование представленных объектов и в дальнейшем позволило бы выработать возможный безопасный алгоритм их демонтажа.

Следующим актуальным вопросом является обновление комплекта образцов-свидетелей для производства взрывотехнических экспертиз. Данный комплект используется для приготовления сравнительных растворов взрывчатых веществ в ходе химических исследований при производстве экспертиз и исследований. Комплекты обладают определенными эксплуатационными характеристиками, которые, к сожалению, не безграничны. В процессе исследований также происходит их расход. Благодаря работе, проведенной со-

трудниками ЭКЦ МВД России, удалось повысить ресурс данного комплекта, но все же проблему в целом это не решает.

Как представляется, в данном случае требуется централизованный подход, так как для разработки данного комплекта, даже по имеющейся технологии используемых образцов, необходимо техническое задание на его последующее серийное производство.

Особого внимания в практической деятельности экспертов-взрывотехников заслуживает вопрос организации и обеспечения проведения экспериментальных взрывных работ при производстве экспертиз. Данные вопросы решаются в отношении объектов как промышленного, так и самодельного изготовления, которые способны к взрыву при определенных условиях. К таковым можно отнести индивидуальные и смесевые взрывчатые вещества, а также изделия, их содержащие. В ряде случаев без экспериментального подрыва объекта исследования невозможно ответить на поставленные перед экспертом вопросы (например, при исследовании самодельных взрывных устройств и их элементов, а также средств инициирования). Экспериментальные подрывы в зависимости от массы заряда взрывчатого вещества и конструкции взрывного устройства можно производить в лабораторных условиях во взрывных камерах либо в условиях полигона. Многие эксперты-взрывотехники в настоящее время имеют единую книжку взрывника, что дает им право производства специальных взрывных работ при уничтожении взрывоопасных устройств на земной поверхности, а также право производства взрывных работ, связанных с использованием взрывчатых материалов в научных и учебных целях.

Нормами положенности предусмотрено оснащение ЭКП взрывными камерами\*\*. Они представляют собой взрывозащитные конструкции, предназначенные для локализации взрыва, что обеспечивает безопасность проведения эксперименталь-

\* Для сведения: только боевые части данных снарядов снаряжаются зарядами бризантного взрывчатого вещества – окфола массой 1,51 кг [5].

\*\* Пункт 63 приказа МВД России от 28 декабря 2018 г. N 896 «Вопросы материально-технического обеспечения деятельности экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России». (Доступ из СТРАС «Юрист»).

ного подрыва, их технические характеристики достаточно подробно представлены в пособиях ЭКЦ МВД России. Наличие данной криминалистической техники значительно облегчает задачу эксперту и сокращает время производства экспертизы, так как в случае выезда на полигон большую часть времени занимает его организация и подготовка. Полагаем, что основной проблемой обеспечения региональных ЭКП взрывными камерами, наряду с высокой стоимостью, является отсутствие возможности их размещения, так как во многих зданиях ЭКП нет подходящего помещения, а переоборудование имеющегося нецелесообразно с экономической и технической точки зрения. Благодаря энтузиазму экспертов-взрывотехников на местах в ряде подразделений имеются приспособленные устройства для экспериментального подрыва средств инициирования, а в отдельных подразделениях — самодельные взрывные камеры.

Любая взрывная камера в зависимости от ее конструкции рассчитана на предельную массу заряда взрывчатого вещества, которую можно подрывать в ней. В ряде случаев произвести экспериментальный подрыв не позволяют габариты взрывной камеры, поэтому приходится использовать полигоны. К таким случаям можно отнести подрыв зарядов большой массы и крупногабаритных боеприпасов, например артиллерийских выстрелов, противотанковых реактивных управляемых снарядов и т.п.

В настоящее время в системе МВД России за редким исключением отсутствуют полигоны с подрывными площадками, на которых возможно проведение экспериментальных взрывных работ. В связи с этим экспертам-взрывотехникам нередко приходится обращаться по поводу предоставления полигона в Минобороны России, МЧС России, Росгвардию и т.п., что создает определенные организационные трудности и исключает возможность оперативного выезда. В отдельных случаях ближайшие полигоны находятся за сотни километров от места дислокации ЭКП, что требует значительных временных затрат на транспортировку взрывоопасных предметов и производство экспертиз в целом.

Необходимость экспериментальных подрывов обусловлена не только ответом на поставленные перед экспертом вопросы, но и заинтересованностью органов предварительного следствия и дознания в расходовании взрывоопасных предметов на стадии производства экспертиз, поскольку их последующее хранение сопряжено с рядом организационных и технических трудностей.

Решение данного вопроса требует поэтапного подхода. Представляется, что в первую очередь необходимо разработать рекомендации по оборудованию подрывных площадок для нужд ЭКП системы МВД России и в дальнейшем закрепить их в нормах положенности.

Несмотря на то, что с 2013 года ЭКП системы МВД России поставлены на довольствие взрывчатыми материалами и средствами взрывания в соответствии с нормами положенности, вопрос обеспечения данными средствами остается открытым, так как он не до конца урегулирован в ряде нормативных документов МВД России, регламентирующих учет, хранение и применение вышеуказанных средств. В частности, вопрос их применения ориентирован на взрывотехников отрядов полиции специального и особого назначения, инженерно-саперных подразделений МВД России, учебных центров по подготовке взрывников (взрывотехников). С переходом инженерно-технических подразделений ОМОН из МВД России в Росгвардию значительно сократились объемы закупок и поставок взрывчатых материалов и средств взрывания. Отсутствие в ЭКП взрывчатых материалов и средств взрывания ставит вопрос о привлечении специалистов-взрывотехников других ведомств для технического сопровождения экспериментальных подрывов в рамках производства взрывотехнических экспертиз, что с каждым годом становится все более затруднительным.

Наличие в ЭКП вышеуказанных средств необходимо по нескольким причинам. Во-первых, как отмечено выше, в ряде случаев без экспериментального подрыва невозможно ответить на поставленные перед экспертом вопросы. Во-вторых, их наличие позволяет значительно сократить сроки производства экспертиз ввиду

экономии времени на организацию межведомственного взаимодействия. В-третьих, возможность самостоятельного проведения экспериментальных подрывов в рамках экспертных исследований, безусловно, повышает их уровень и практически сводит к нулю вероятность дополнительных вопросов к эксперту в ходе судебного разбирательства.

В настоящее время сотрудниками ЭКЦ МВД России ведется активная работа по решению данного вопроса, в частности, по расширению номенклатуры взрывчатых материалов и средств взрывания для ЭКП и увеличения их количества, а также расширению перечня подразделений, применяющих взрывчатые материалы и средства взрывания в оперативно-служебной деятельности.

Подводя итог, следует отметить, что на фоне современной военно-политической ситуации в стране, напряженность которой связана в первую очередь с проведением специальной военной операции, резко повышается уровень террористической опасности как в граничащих с Украи-

ной, так и в иных регионах страны. Факты обстрелов и диверсий на приграничных территориях со стороны Украины, а также увеличение объемов изымаемого вооружения, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств фактически делает взрывотехнические экспертизы одним из основных направлений судебно-экспертной деятельности.

Рассмотренные в данной статье актуальные проблемные вопросы обеспечения производства вышеуказанных экспертиз свидетельствуют о необходимости серьезной подготовки для противостояния возможным угрозам. Представляется, что один из способов комплексного решения перечисленных проблемных вопросов — их внесение в качестве основных позиций в Директиву МВД России «О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в 2023 году», так как их рассмотрение на федеральном уровне позволит эффективно организовать решение данных вопросов и разработать концепцию дальнейшего развития.

#### Список источников

1. В Центральной научно-исследовательской криминалистической лаборатории создано отделение взрывотехнических исследований // Экспертная практика. 1981. N 17. С. 123.
2. Место взрыва как объект криминалистического исследования: учеб. пособие / Ю.М. Дильдин, В.В. Семенов, В.В. Мартынов, А.Д. Стецкевич. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЭКЦ МВД России, 1995. 98 с.
3. Практические рекомендации по отбору проб снаряжения промышленных взрывных устройств, наиболее часто встречающихся в экспертной практике: в 4 ч. Ч. 1. Москва: ЭКЦ МВД России, 2016. 62 с.
4. Дьяконов А.В., Старостин К.Д. Особенности применения средств и экспресс-методов обнаружения и идентификации взрывчатых веществ // Научный портал МВД России. 2016. N 4 (36). С. 69-79.
5. Стецкевич А.Д., Мартынов В.В., Семенов А.Ю. Боеприпасы ближнего боя: учеб. пособие. Москва: ЭКЦ МВД России, 1998. 60 с.

#### References

1. A department of explosive research has been established in the Central Forensic Research Laboratory. Expert practice, 1981, no. 17, p. 123. (In Russ.).
2. Dil'din Yu.M., Semenov V.V., Martynov V.V., Stetskevich A.D. The place of explosion as an object of forensic research. Moscow, 1995. 98 p. (In Russ.).
3. Practical recommendations on sampling equipment of industrial explosive devices, most often found in expert practice. Part 1. Moscow, 2016. 62 p. (In Russ.).
4. Dyakonov A.V., Starostin K.D. Features of the use of means and express methods for detecting and identifying explosives. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 4 (36), pp. 69-79. (In Russ.).
5. Stetskevich A.D., Martynov V.V., Semenov A.Yu. Melee ammunition. Moscow, 1998. 60 p. (In Russ.).